

ISSN 2618-9453

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal
of Vietnamese Studies

№ 1. 2020

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук**
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издается четыре раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и др. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77—73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.-корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: До Тиен Шам, профессор (Вьетнам); Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Лузянин С.Г., д.и.н., профессор, председатель; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосьяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Иванова Н.И., Ларин В.П., Ковалевская К.А.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН.

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33.

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Отрасли науки:

- 07.00.00
Исторические науки
и археология
- 08.00.00
Экономические
науки
- 10.00.00
Филологические
науки (группы
специальностей:
10.01.00
Литературоведение;
10.02.00
Языкознание)
- 22.00.00
Социологические
науки
- 23.00.00
Политология
- 24.00.00
Культурология

ISSN 2618-9453

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

Нгуен Тхи Фыонг Хоа, Нгуен Суан Кыонг. Вьетнамо-китайские отношения после установления стратегического партнёрства: взгляд из Вьетнама (англ. яз.) 8

Чан Ван Ха, Нгуен Тхи Тхань Бинь, Ле Тхи Муй. Земельные конфликты среди этнических меньшинств горных районов Северного Вьетнама в 1986—2017 гг. (англ. яз.) 18

Социально-экономическое развитие

Павловская С.В., Шаврук Ю.А., До Хыонг Лан. Экономическое сотрудничество Беларуси и Вьетнама в условиях интеграции с ЕАЭС 28

Букатариу Л., Джордж Б. Практика управления отношениями с клиентами в целях содействия их психическому здоровью: исследование в г. Хошимине, Вьетнам (англ. яз.) 39

История и культура

Нгуен Тхи Май Хоа, Данг Ким Оань. Новогоднее наступление 1968 г. в Южном Вьетнаме и политический кризис в Белом доме (англ. яз.) 48

Шарипов А.Ш. Актуализация концепта «вьетнамский даосизм» в историческом и академическом дискурсах: пантеон, мифы, практики 57

Филология

Андреева В.А. Функционирование и трансформация фразеологических единиц во вьетнамских средствах массовой информации 68

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мазырин В.М., Никулина Е.В. Эксперты об истории и сегодняшнем дне российско-вьетнамского сотрудничества 76

О защите диссертации 83

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Петровский В.Е. «Пограничная война» между Китаем и Вьетнамом: уроки истории и современность. Рецензия на книгу «Актуальные проблемы вьетнамоведения-2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года» 85

Кибирёв И.Н. Вьетнам — страна стартапов. Рецензия на книгу Эндрю П. Роуэна «Стартапы Вьетнама: инновации и предпринимательство в социалистической республике» 89

ПАМЯТИ УЧЁНОГО

Памяти профессора До Тиен Шама 94

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Inward political processes and foreign policy

Nguyen Thi Phuong Hoa, Nguyen Xuan Cuong. Looking back on Vietnam — China relations since the establishment of strategic cooperative partnership 8

Tran Van Ha, Nguyen Thi Thanh Binh, Le Thi Mui. Land conflict among ethnic minorities in Vietnam's northern uplands, 1986—2017 18

Socio-economic development

Pavlovskaya S.V., Shavruk Yu.A., Do Huong Lan. Economic cooperation of Belarus and Vietnam in the context of integration around the EAEU 28

Bucatariu Lena, George Babu. Customer relationship management practices to promote mental health services: a study in Ho Chi Minh City, Vietnam 39

History and culture

Dang Kim Oanh, Nguyen Thi Mai Hoa. The 1968 Mau Than event in South Vietnam and the White House political crisis 48

Sharipov A.S. Actualization of the concept of “Vietnamese taoism” in historical and academic discourses: pantheon, myths and practices 57

Philology

Andreeva V.A. The functioning and transformation of phraseological units in the Vietnamese media 68

ACADEMIC EVENTS

Mazyrin V.M., Nikulina E.V. Experts' review of the history and present state of Russia-Vietnam cooperation 76

On the defense of a dissertation 83

BOOK REVIEWS

Petrovsky V.E. The “border war” between China and Vietnam: lessons of the history and modernity. Review of the book «Essential problems of Vietnamese studies — 2019: Vietnam — China relations after the 1979 war» 85

Kibiryov I.N. Vietnam is a «startup country». Review of the book of Andrew P. Rowan «Startup Vietnam: Innovation and Entrepreneurship in the Socialist Republic» 89

TRIBUTE TO THE SCIENTIST

In honor of Professor Do Tien Sam 94

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10001

Nguyen Thi Phuong Hoa, Nguyen Xuan Cuong

LOOKING BACK ON VIETNAM — CHINA RELATIONS SINCE THE ESTABLISHMENT OF STRATEGIC COOPERATIVE PARTNERSHIP¹

Abstract. In 2008, Vietnam and China established a comprehensive strategic cooperative partnership, the highest and the most comprehensive diplomatic relations of both countries, and it was also the first time when two countries established this cooperation framework. Vietnam — China relations are seen as ‘wearing new clothes’ or having a new form. However, whether has the actual development or the nature of the relations changed accordingly to fit ‘the new clothes’? Does Vietnam — China strategic cooperative partnership have any key characteristics of a typical strategic partnership, such as mutual trust, strengthened cooperation and mutual benefits?

The paper consists of three parts with the first part discussing the concept of partnership and applying it to the Sino-Vietnamese relationship to explain the reasons why China decided to build this relationship with Vietnam. The second part looks back on the development of Vietnam — China relationship since 2008 by comparing it with that of the previous periods in some areas, including political diplomacy, trade and economy, and national security and defense. On the basis of Vietnam — China comprehensive strategic cooperative partnership and comparing it with China’s relationship with Laos, a country located on the Indochinese peninsula, the third part provides an analysis and evaluation of Vietnam — China relationship development in this period.

Keywords: Vietnam — China relations, comprehensive strategic cooperative partnership, Vietnam — China political relations, Vietnam — China economic and trade relations.

Introduction

During the visit of General Secretary of Vietnam’s Communist Party Nong Duc Manh to China in 2008, Vietnam and China agreed to develop a comprehensive strategic cooperative partnership, which is considered to be the highest and the most comprehensive of all in foreign relations of each country in order to assert the importance of the relationship, as well as the importance of

¹ This research is funded by Vietnam National Foundation for Science and Technology Development (NAFOSTED), the grant number 506.01-2018.300.

one country to another. Vietnam is the first country in Southeast Asia to establish a comprehensive strategic cooperative partnership with China, followed by Laos, Cambodia, Myanmar and Thailand. China is also the first of the three countries, including Russia and India, that Vietnam established this cooperation framework. That bilateral relationship was upgraded to the highest level indicates that Vietnam — China relationship has made important changes in form, but whether has the nature of the relationship changed accordingly; has the relationship ever had any key characteristics of a typical strategic partnership?

Vietnamese scholars have so far done some research focusing on general assessment of Vietnam — China relations, especially, in recent years, there have been many works on the impacts of China's rise on Vietnam and Sino-Vietnamese relations. The basis of the bilateral relations is similarities in political regime, culture and history, mutual understanding, and being each other's neighbor, however, 'substantial positive relations and mutual trust' only account for a third of 65 years, while the remaining is "disagreement, criticism, and even war" [Vu Cao Phan 2014: 73]. 'The East Sea issue is the biggest obstacle, or, in other words, the key factor in Vietnam — China relations' [Truong Luu 2016: 54, 55]. The incident of Haiyang Shiyu 981 shows 'the gap between China's words and its actions'.

Recently, there have been a number of research papers by international scholars analyzing the Sino-Vietnamese relations from different perspectives. G. Lokshin discusses the cause of Sino-Vietnamese War in 1979 and its consequences. This war and other historical issues are among obstacles to trust building between Vietnam and China, and this is an important topic in my research [Lokshin 2019]. Benoit de Treglode evaluates China — Vietnam relations since the establishment of strategic partnership, however, he mostly focuses on the impacts of China on Vietnam regarding political and economic reforms, anti-corruption practices, as well as cooperation in national defense and security, and his research suggests interesting implications for China — Vietnam relations from the perspective of an international observer (e.g. comments on Chinese and Vietnamese political elites), which Vietnamese scholars cannot explicitly discuss [Treglode 2019]. M. Pietrasiak and K. Pieczara discuss the East Sea conflict in the second decade of the 21st century, China's position on the East Sea and difficulties facing Vietnam from regional perspective (ASEAN countries) and international perspective (major countries, such as the U.S. and Russia), and their viewpoints are quite similar to those of Vietnamese scholars [Pietrasiak, Pieczara 2019]. On the basis of literature review of Vietnamese-Sino relations, we see the establishment of the comprehensive cooperative partnership as an essential point in assessment of the development of Vietnam China relations since 2008.

To answer these research questions, using observations and research from the perspective of Vietnamese scholars, the paper provides an overview of the concept of 'partnership', explains the reason why China decided to establish this cooperation framework with Vietnam, and looks back on the development of Vietnam — China relationship since 2008 by comparing the relationship with that of previous periods in some areas.

Overview of strategic partnerships

Scholars around the world have so far not completely agreed on the connotation of 'partnership', 'strategic partnerships' but some definitions are widely accepted. Thomas S. Wilkins argues that 'the strategic partnership is therefore emblematic of the new, Twenty-First Century alignment archetype' [Wilkins 2012: 68], 'structured collaboration between states (or other 'actors') to take joint advantage of economic opportunities, or to respond to security challenges more effectively than could be achieved in isolation' [Wilkins 2008: 363]. The nature of 'strategic partnership' is based on common interests, and does not identify a country as a common enemy; it tends to be informal

and offers greater degree of flexibility than alliance does; it puts special emphasis on economic cooperation and traditional security [Wilkins 2012: 68]. Georg Struver believes that ‘the building of strategic partnerships offers one possibility for entering into such flexible interstate ties intended to serve the pursuit of political, security, and economic objectives in a globalised world’ [Struver 2016: 5—6]. Chinese scholars argue that ‘comprehensive strategic partnership’ indicates cooperation in macro-level strategic areas, in which the depth and breadth of cooperation are developed from the existing relations. It can be said that basically, this type of relationship must be a long-term mutually beneficial and supportive one, which promotes a deep and comprehensive cooperation in all areas, and the two sides must build high-level mutual trust.

The comprehensive strategic cooperative partnership is a new development in Vietnam — China relations built on the basis of the ‘16 word guideline’ (1999) and ‘four good’ motto (2002), after the bilateral relations have gained some certain achievements, such as removing some barriers regarding territorial boundaries (the Land Border Treaty in 1999 and the Agreement on the Delimitation of the Tonkin Gulf and the Vietnam — China Fisheries Cooperation in 2000, completing 99 % of the delimitation work on the Vietnam — China border line in 2008).

Building a comprehensive strategic cooperative partnership demonstrates the importance of one country to another, and the importance of this relationship to both countries. The reason why Vietnam attaches importance to and prioritizes its relations with China is very clear, so it is not necessary to discuss further. We, therefore, focus only on analyzing China’s intentions.

Chinese scholars posit that the most important motivations of China in building a partnership are as follows: the need to secure energy and commodity resources, to search for new markets for Chinese exports and investment, to isolate Taiwan internationally, to project China’s image as a responsible and peaceful power, and to pursue economic interests [Struver 2016: 10]. We believe that in China’s relations with Vietnam, geostrategic factor is the most important one. As China is expanding its influence from the region to the world, Vietnam has an important role in Beijing’s strategy of regional connection and influence expansion. Chinese scholars evaluate the role of Vietnam by analyzing General Secretary and Chinese President Xi Jinping’s official visit to Vietnam and Singapore in November 2015 as follows: *Firstly*, Vietnam and Singapore are important countries in the Belt and Road Initiative, and the implementation of this strategy needs the two countries’ support and coordination. *Secondly*, the two countries play important roles in ASEAN and regional affairs. *Thirdly*, the two countries are of importance for Beijing to maintain China’s high economic growth as both of them joined the TPP. *Fourthly*, the two countries are of immense importance to maintaining China’s border stability and national security [杜继锋 4.11.2015].

Developing relations with Vietnam, a country having many similarities with China will be beneficial for Beijing to secure its ‘core interests’. *Firstly*, maintaining a similar social regime under the leadership of communist party, keeping Vietnam within the sphere of China’s influence. That means China’s security in the southern border is ensured. *Secondly*, forming a close tie, or even creating a dependent relationship if necessary, especially in politics and economy, to keep Vietnam under Chinese influence and make it difficult for Vietnam to join other countries against China. *Thirdly*, leading Vietnam to resolve the East Sea dispute in the way that China wants to be, use it as a model to resolve disputes with other countries in a beneficial way to Beijing.

Vietnam — China relations since the establishment of the comprehensive strategic cooperative partnership

In this part, the paper looks back on Vietnam — China relations since the establishment of the comprehensive strategic cooperative partnerships in three key areas, including political diplo-

macy, trade and economy, national security and defense. In our discussion of each area, we attempt to clarify the progress and development, and point out the main shortcomings and limitations, thereby providing deeper explanation of the Vietnam — China comprehensive strategic cooperative partnership.

In political diplomacy, the two countries maintain close diplomatic and political relations through all channels, including diplomacy between the two ruling parties, state-to-state diplomacy and people-to-people diplomacy. Diplomacy between the two Parties is still considered a major diplomatic channel with 6 visits, of which the General Secretary of Vietnamese Communist Party visited China 4 times, while the General Secretary and State President of China visited Vietnam twice since 2008. China is the country that the General Secretary of the Communist Party of Vietnam visits the most with the highest frequency (every 2.5 years). Since 2008, there have been new and flexible forms of contact between leaders of the two countries' ruling parties, such as phone conversation between General Secretaries (the first phone conversation in 2013), sending special envoys of the general secretary (since 2014) and conducting meetings with representatives of the two countries' politburos (since 2016), etc. Regarding state-to-state diplomacy, the high-ranking leaders of the two sides visited and attended important meetings of each other a total of 11 times, most of which were from the Vietnamese side. During high-level visits, the two sides signed 85 documents and agreements and formed different cooperation mechanisms at all levels, including many important documents related to cooperation between the two ruling parties, economic cooperation, and principles guiding the settlement of sea-related issues.

Diplomacy and people-to-people exchange between the two countries are bolstered through expanding previous cooperation mechanisms, such as the Vietnam — China Youth Friendship Meeting or opening new forums, including Vietnam — China People's Forum, Vietnam — China Scholars Forum, etc. China also started paying attention to building symbolic works (speeding up the construction of Vietnam-China Friendship Palace started in 2004, launching the China Cultural Center in Hanoi), realizing and promoting cooperation between local areas of the two countries, such as supporting the construction of some of civil works in border areas. China has also put more effort in 'people-to-people connections'.

On the surface, the establishment of the comprehensive cooperative partnership clearly indicates strengthened diplomatic and political relations, and the two countries' wishes and efforts in building trust. However, the Vietnam — China relationship, in fact, is unstable with many ups and downs, characterized by some serious or unprecedented incidents. Since the diplomatic normalization of the two countries (in 1991), high-ranking leaders of both sides did not officially visit each other in 6 years (in 2009, 2010, 2012, 2014, 2018, 2019), and all of these years are in that period.

The period after the establishment of the Vietnam — China comprehensive strategic cooperative partnership is the one with the most serious incidents in the East Sea caused by China, which resulted in negative impacts on bilateral relations in a comprehensive manner, and the Haiyang Shiyu 981 standoff in 2014 is a typical example. This incident made the bilateral relations hit the bottom since normalization, and Chinese scholar Gu Xiaosong describes that the relationship between the two countries followed a V-shape pattern and it 'hit the bottom of this V' in 2014 [古小松 2016]. The fact that Vice Chairman of the Central Military Commission of China Fan Changlong unexpectedly cut short his trip to Vietnam and canceled carefully prepared defense exchanges in 2017 was also an unprecedented incident, which indicates that Vietnam — China relations were still potentially unstable.

In economic and trade relations, cooperation is strongly promoted, which can be seen through a number of signed documents and actual statistics. Over the period of 11 years (2008—2019), Vietnam — China bilateral trade turnover increased 5 times, from about 20 billion USD to 116 billion USD, and in 2018, Vietnam surpassed Malaysia to become the largest trading partner of China

in the Southeast Asia. China's direct investment in Vietnam increased by 6 times, from 628 projects with a total registered capital of about 2.197 billion USD, ranked 16/84 countries and territories investing in Vietnam in 2008 [MOFA Vietnam: 25.12.2009] to 2,807 projects with a total investment capital of 16.264 billion USD, ranked 7/135 countries and territories investing in Vietnam in 2019 [Foreign Investment Agency: 7.01.2020]. Vietnam — China economic and trade cooperation has been deepened with Chinese enterprises winning major projects in key areas of Vietnam, such as mining, thermal power and metallurgy, and that increases Vietnam's economic and trade dependence on China.

The number of tourists between the two countries has witnessed a strong growth in recent years. China is the largest source of international tourists of Vietnam and also one of the main tourist markets for Vietnamese people. In 2018, the number of international visitors to Vietnam was estimated at more than 15.4 million, of which Chinese tourists reached nearly 6 million (5,806,425), accounting for a third of international visitors to Vietnam [Vietnam National Administration of Tourism: 19.02.2020], while Vietnam is China's second largest source of tourists. In recent years, many new and direct flights from Vietnam's tourist cities to China and vice versa have been opened, which opened up various tourist and passenger routes, and self-drive cross-border tours, etc. Those routes make tourists from China to Vietnam and vice versa continue to increase rapidly.

However, the limitations and problems in Vietnam's cooperation with China are becoming increasingly bigger and have not been effectively addressed, and the real reason for that is the two countries' interests, especially those of the Vietnamese side. In fact, Vietnam's large trade deficit with China implies the country's high economic dependence on China, which poses high risk to Vietnam as China previously used economic measures to retaliate or put pressure on other countries when tensions arose due to territorial disputes. China's contracted projects have given rise to a range of problems in Vietnam, such as slow work progress resulting in excessive capital expansion and increasing debt burden (as for Cat Linh — Ha Dong Railway Project, since January 2016, Vietnam has to make annual payment of principal and interest of 28.8 million USD to China Eximbank for the additional loan of 250 million USD, not to mention the annual payment for the initial loan of 419 million USD) [Kiều Linh: 22.01.2018].

As for national defense and security, there have been many new forms of defense and security cooperation between the two countries, such as Vietnam — China border defense and friendship exchange (starting from 2014), border meetings between Defense Ministers of the two countries (starting from 2015), 3-level border guard coordination mechanism (Central, Military Zone and provincial levels). The security forces of the two countries have effectively cooperated in preventing a number of non-traditional security issues, such as human and drug trafficking.

However, the East Sea issue is becoming more complicated. In 2011, the two sides reached a very important agreement — the *Agreement on basic principles guiding the settlement of sea-related issues*, however, after the establishment of the comprehensive strategic cooperative partnership, China is responsible for causing the most serious incidents in the East Sea, such as in 2011, 2012, 2014... Apart from militarization, China also puts huge pressure on Vietnam's oil and gas exploitation activities and hinders fishing activity in the East Sea. The fact that Vietnam had to stop exploration activities with its foreign partners has resulted in economic losses, negative impacts on foreign investment in Vietnam's oil and gas sector, and difficulties in attracting foreign investment in oil and gas exploitation in the future.

Due to the impacts of the East Sea dispute and the economic cooperation problems as mentioned above, anti-China sentiment has been quite popular in Vietnamese society in recent years. Therefore, apart from the East Sea dispute, Vietnam's current cooperation with China might create strong social effects, which in turn could lead to social instability.

Analysis

The process of building and developing strategic cooperative partnership with Vietnam roughly happened in parallel with China becoming the world's second largest economy (in 2010), rapidly strengthened and boosted its influence in the region and the world through economic instruments, while other major countries were in trouble due to the global financial crisis.

More than 10 years of building strategic cooperative partnerships with Vietnam are mainly in the period of China's fifth generation of leaders. As for domestic affairs, China has entered a period of 'strengthening' after taking the leap of 'standing up' and 'growing rich', realizing 'Chinese dream', and 'achieving the great revival of the Chinese nation' through a detailed roadmap to 2050. Regarding foreign affairs, China is moving closer to 'the world's center stage', ending the foreign policy slogan 'hide our capacities and bide our time' in the previous decades.

China that possesses the power which needed to be shown off to the world, and China that wants to strengthen its influence with soft power to gain a more deserve position might result in seemingly contradicting expressions or actions, but the real intention is to assert China's power to the world and use this power to 'protect the interests' of China, and attain the demand of rising nationalism in this country. For China's neighboring countries, it is the contradiction between a China being 'friendly to neighbors' in many charismatic words and a China ready to violate territorial sovereignty and have tough behavior towards its neighbors. Vietnam — China strategic cooperative partnership over the past 10 years has been developed in that context. The above-mentioned contradiction and expression are the main causes that make Vietnam — China relations frequently go 'up' and 'down', and unstable as mentioned above.

Since the establishment of Vietnam — China comprehensive cooperative partnership, Vietnamese-Sino relations continue to develop comprehensively and rapidly. Political trust building efforts reflect in high-level visits and important agreements. Important areas of cooperation also witness rapid development. Chinese scholar Wang Zheng argues that the establishment of the comprehensive strategic cooperative partnership is 'a new height in bilateral relations, and also a new form of transformation in the relationship between the two countries' [王 峥 2018: 112]. However, the above-mentioned incidents and problems regarding diplomatic relations between the two countries show that political trust building efforts have not yielded expected results.

Despite having new form of relationship, Vietnam — China relations over the past 10 years have not yet developed into a true strategic partnership with strategic trust, which has always been highlighted by senior leaders of the two countries in their meetings. Both joint statements in 2011 and in 2013 mentioned the need to enhance 'strategic trust'. However, in reality, the mutual trust, the stability and sustainability of the bilateral relationship is still weak and easily affected by internal and external factors, and the strategic trust between Vietnam and China is still at low level. Due to the East Sea dispute, diplomatic relations between the two countries sometimes become 'cold political relations', and that the dispute is becoming more and more serious worsens the bilateral relations [Nguyen Thi Phuong Hoa, Nguyen Xuan Cuong 2017: 33]. Moreover, problems between the two countries have not been resolved and tend to be on the rise.

Sino-Vietnamese relationship is said to be an equal one, but it is, in fact, an asymmetrical relationship due to the great disparity between the two countries in all aspects. China tends to be relatively proactive in regulating the bilateral relations by using its power and composite national strength. The asymmetry is even more apparent in economic cooperation as Vietnam's dependence on Chinese economy is increasing, while there have been many arising problems in bilateral cooperation and these problems are, in fact, related to Vietnam's interests.

Existing problems, such as historical legacy, the East Sea dispute, etc., make it difficult for the two countries to build trust. The comparison between Vietnam — China relationship and Chi-

na's relationship with Laos, a country forging comprehensive cooperative partnership with China one year after the establishment of Vietnamese-Sino comprehensive partnership (in 2009), would shed more light on the above problem. Although high-level visits by Laos and China are fewer than those of Vietnam and China, Sino-Laos relations have developed rapidly, especially since 2016. As for political diplomacy, in November 2017, high-ranking leaders of China and Laos agreed to build the 'Community of common destiny', which demonstrates high consensus and strategic trust. The General Secretary and President of Laos' visit to China in May 2016 was called 'a friendly official visit' by the Chinese side. So far, Laos has more consulates in China than Vietnam. As for economy, trade relation between China and Laos is more balanced than that of China and Vietnam as China tends to have trade deficit with Laos. According to the Ministry of Commerce of China, in 2018 China exported 1.45 billion USD and imported 2.02 billion USD [MOFA China 12.11.2019]. China provides aid to Laos, such as grant aid, interest-free loans and loans with preferential rates in many areas. Argues that of all ASEAN countries, 'political, economic and security relations between Laos, Cambodia and China are still the best' [王雷 3.02.2019]. The development of Vietnam — China relations indicates that the strategic trust is low, which in turn will negatively affect the cooperation between the two countries.

Conclusion

The upgrading of Vietnam — China relations to a comprehensive strategic cooperative partnership is seen as 'wearing new clothes', but the development of the bilateral relationship over the past 10 years shows that the 'new clothes' have not changed the form and the nature of this relationship. Vietnam — China strategic cooperative partnership has continued to develop on the basis of the framework and agreements reached between the two countries' leaders, and important areas of cooperation, such as trade and commerce, have developed in depth, while China has made good use of its advantages. However, building a strategic cooperative partnership has not contributed to the effective resolving of existing problems in bilateral relations, especially territorial disputes.

The evolution of Vietnam — China relations over the past 10 years shows that the bilateral relations are unstable and still have the nature of an asymmetric relationship. The ideology and similarities are always emphasized, but they are not decisive factors, which could help resolve interest conflict or territorial dispute between the two countries. It is worth mentioning that although both sides have taken many concrete measures and actions, the strategic and social basis of Vietnam-China relationship is still low and fragile. The key point is that Vietnam-China relations over the past 10 years still have not had any key characteristics of a comprehensive strategic cooperative partnership and this is the biggest obstacle to the bilateral relations in the time to come.

References

1. Benoit de Treglode (2019). Hanoi and Beijing: Ambiguities of a strategic partnership. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, no. 2. 2019. P. 8—18.
2. Foreign Investment Agency (2020). Foreign investment attraction in 2019. Retrieved on 7.01.2020 from URL: <https://dautunuocngoai.gov.vn/tinbai/6318/Tinh-hinh-thu-hut-dau-tu-nuoc-ngoai-nam-2019>.
3. Kiều Linh (2018). Cat Linh — Ha Dong Railway: Annual debt payment of 650 billion VND to China. Retrieved on 22.01.2018 from URL: <http://vneconomy.vn/duong-sat-cat-linh-ha-dong-moi-nam-tra-no-trung-quoc-khoang-650-ty-20180122162846335.htm>.

4. Lokshin, G.M. (2019). Forgotten War: Motives, Consequences, Lessons. *Essential problems of Vietnamese studies — 2019: Vietnam — China relations after the 1979 war*. M.: Institute of the Far Eastern Studies RAS, 2019. P. 13—44.
5. Ministry of Foreign Affairs of China (MOFA China). China — Laos relations. Retrieved on 12.11.2019 from URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676644/sbgx_676648.
6. Ministry of Foreign Affairs of Vietnam (MOFA Vietnam). Basic documents on China and Vietnam-China Relations. Retrieved on 25.12.2009 from URL: http://www.mofa.gov.vn/vi/cn_vakv/ca_tbd/nr040818094447/ns090216152122.
7. Nguyen Thi Phuong Hoa, Nguyen Xuan Cuong (2017). Impact of the South China Sea Dispute on Vietnam — China Relations Since 2009—2014. *Contemporary China Studies*, Malaysia, vol. 4, no. 2. P. 31—45.
8. Phuong Nguyen (2014). From the Haiyang Shiyu 981 standoff, looking back on China and Vietnam-China relations. *Chinese Studies Review*, no. 6. P. 78—86.
9. Pietrasiak, M., Pieczara, K. (2019). Vietnam's diplomacy towards the conflict in the South China Sea and its influence on ASEAN. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, no. 4. P. 7—17.
10. Struver, G. (2016). International Alignment between Interests and Ideology: The Case of China's Partnership Diplomacy. GIGA Working Papers, 283/2016.
11. Truong Luu (2016). Looking back on Vietnam — China relations 25 years after normalization. *Chinese Studies Review*, no. 9. P. 48—57.
12. Vietnam National Administration of Tourism. International visitors to Viet Nam in December and in 2019. Retrieved on 19.02.2020 from URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2019&period=t12>.
13. Vu Cao Phan (2014). Building Vietnam — China relations on what basis? *Chinese Studies Review*, no. 2. P. 72—74.
14. Wilkins, Thomas S. (2012). Alignment', not 'alliance' — the shifting paradigm of international security cooperation: toward a conceptual taxonomy of alignment. *Review of International Studies*, no. 38. P. 53—76.
15. Wilkins, Thomas S. (2008). The Russo-Chinese Strategic Partnership: A New Form of Security Cooperation? *Contemporary Security Policy*, vol. 29, no. 2. P. 358—383.
16. 古小松 (2016). '中越关系: 2014—2015 年 V 字形发展' [Gu Xiaosong. China — Vietnam Relations: V-shaped development from 2014 to 2015]. *Studies on Party and Government*, no. 1.
17. 杜继锋 (2015). 习主席越、新之行专家谈: 习近平访问将开拓中越、中新友好合作新局面 [Du Jifeng. Experts talk about President Xi Jinping's visit to Vietnam and Singapore: President Xi Jinping's visit will open a new dimension for China-Singapore, China — Vietnam friendship cooperation]. *China Daily*, 4.11.2015. Retrieved from URL: http://cn.chinadaily.com.cn/2015xivisitvs/2015-11/04/content_22375705.htm.
18. 王 峥 (2018). 政治与安全的互动: 南海争端下中越关系透视 [Wang Zeng. Interaction of Politics and Security: Perspective of Sino-Vietnamese Relations under the South China Sea Dispute]. *Southeast Asian Studies*, no. 6. P. 104—116.
19. 王雷 (2019). 中国周边安全形势评估 [Wang Lei. Assessment of the security environment around China's periphery]. Retrieved on 3.02.2019 from URL: http://iwep.cssn.cn/xscg/xscg_sp/201902/t20190203_4822903.shtml.

For citation: Nguyen Thi Phuong Hoa, Nguyen Xuan Cuong (2020). Looking back on Vietnam — China relations since the establishment of strategic cooperative partnership. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, 2020, no. 1. P. 8—17.

Authors:

Nguyễn Xuân Cường, Ph.D. (History), Director of The Institute of Chinese Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID: 0000-0003-3888-2187. E-mail: cuongnx.vics@vass.gov.vn

Nguyễn Thị Phương Hoa, Ph.D. (History), Deputy Director of The Institute of Chinese Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID: 0000-0003-2481-8889. E-mail: qhphuonghoa@yahoo.com

Article history:

Received: February 05, 2020

Received in revised form: February 24, 2020

Accepted: March 04, 2020

Нгуен Тхи Фыонг Хоа, Нгуен Суан Кыонг

ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА: ВЗГЛЯД ИЗ ВЬЕТНАМА

Аннотация. В 2008 г. Вьетнам и Китай установили всеобъемлющее стратегическое партнёрство. Впервые две страны достигли такого высокого уровня и такого всеобъемлющего характера сотрудничества. Стратегическое партнёрство рассматривается как новая форма взаимодействия. Авторы выясняют, изменились ли фактическое развитие и характер отношений в соответствии с этой новой формой. Также показано, обладает ли стратегическое партнёрство Вьетнама и Китая основными чертами, свойственными этому типу отношений, такими как взаимное доверие, укрепление сотрудничества и взаимная выгода.

Статья состоит из трёх частей. В первой обсуждается концепция партнёрства в применении к китайско-вьетнамским отношениям с целью выяснения причин, побудивших Китай установить данный тип отношений. Во второй части развитие вьетнамо-китайских отношений сравнивается в периоды до и после 2008 г. в отдельных областях, таких как политика и дипломатия, экономика и торговля, а также национальная безопасность и оборона. В третьей части даётся анализ всеобъемлющего стратегического партнёрства между СРВ и КНР в настоящее время, приводится сравнение с отношениями Китая с Лаосом — страной — соседкой Вьетнама на Индокитайском полуострове.

Ключевые слова: вьетнамо-китайские отношения, всеобъемлющее стратегическое партнёрство, вьетнамо-китайские политические отношения, вьетнамо-китайские торгово-экономические отношения.

Для цитирования: Нгуен Тхи Фыонг Хоа, Нгуен Суан Кыонг.

Вьетнамо-китайские отношения после установления стратегического партнёрства: взгляд из Вьетнама // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 5—15 (на англ. яз.)

Авторы:

Нгуен Суан Кыонг, к.и.н., директор Института китайских исследований Вьетнамской академии общественных наук. ORCID: 0000-0003-3888-2187. E-mail: cuongnx.vics@vass.gov.vn

Нгуен Тхи Фыонг Хоа, к.и.н., зам. директора Института китайских исследований Вьетнамской академии общественных наук. ORCID: 0000-0003-2481-8889. E-mail: qhphuonghoa@yahoo.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 05.02.2020

Дата поступления в переработанном виде: 24.02.2020

Принята к печати: 04.03.2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10002

Tran Van Ha, Nguyen Thi Thanh Binh, Le Thi Mui

LAND CONFLICT AMONG ETHNIC MINORITIES IN VIETNAM'S NORTHERN UPLANDS, 1986—2017¹

Abstract. The economic reforms (*Doi Moi*) initiated in Vietnam in 1986 led to substantial economic changes, specifically as a consequence of land policy developments but also led to conflict and land disputes among ethnic minority communities. This research aims to evaluate land tenure-related conflict among ethnic communities in northern Vietnam from the time that the land reform was implemented to the present. The study was conducted on Tay and Dao ethnic communities in Lang Son and Quang Ninh Provinces between February and June 2018. It is recommended that careful attention should be paid to the traditional practices of land use by ethnic groups when making adjustments to land policy in order to avoid conflict due to the implementation of inappropriate legislature.

Keywords: land policy, land conflicts, ethnic minorities, upland, Vietnam.

Introduction

The northern upland of Vietnam is a large territory, consisting of 15 mountainous provinces with a natural area of nearly 100,964 km² that accounts for 30 % of the entire country. The area has a population of 11.5 million people, and 40 ethnic groups, of which the largest are the Muong, Tay and Thai. Smaller ethnic groups include the Pu Peo, Si La and Lo Lo [Tổng Cục Thống Kê 2009]. Forest land in northern Vietnam is the largest in the country, with a reported area of over five million hectares in 2016, which accounts for 42 % of the natural forest area nationwide. Agricultural land is an important resource in the region and is associated with livelihood activities and the social and cultural life of ethnic communities.

Following the implementation of Resolution 10 on the reform of agricultural economic management [Nghị quyết 10-NQ/TW 05.04.1988], the government handed over land belonging to collective agricultural cooperatives to households and individuals for production purposes. Vietnam has become one of the most advanced economically developed countries in Asia owing to rapid agricultural-based economic development as a consequence of government policies on economic innovation, especially the introduction of the 2003 Land Law. However, the implementation of land legislation during the economic reforms (*Doi Moi*) in Vietnam also resulted in land-related disputes and unfavorable reactions from those affected. Much research explored land conflicts and protests in the Vietnamese urban and lowland area [Kerkvliet 2014; Nguyen Thi Thanh Binh 2017; Duchère 2019], however, little or no systematic examination was seen to take place from an ethnographic or anthropological perspective on this issue in the North upland area [Tran Van Ha & Le Minh Anh 2008, Trần Văn Hà 2018, Lê Thị Mùi 2018]. Thus, the current study objective was to identify and evaluate the limitations of land law enforcement in relation to land tenure management and research. The focus was on the impact of the conversion of agricultural land to non-agricultural land, people's reactions, and corresponding changes in land users in Vietnam's northern uplands.

¹ This research is funded by Vietnam National Foundation for Science and Technology Development (NAFOSTED), the grant number 504.04-2017.01.

Materials and Research Methodology

The study was conducted from February to June 2018 in two provinces: Lang Son and Quang Ninh. The study subjects were the Tay ethnic group in the Tu Doan commune and the Dao ethnic people in the Mau Son commune in the Loc Binh District in Lang Son Province, along with the Dao ethnic group in the Tan Dan commune in the Hoanh Bo District in Quang Ninh Province. Household heads or representatives without productive land or those engaged in land conflict were answerable for the Dao community. The Tay ethnic group was represented by pure agricultural and forestry households who were engaged in land conflict in the period following the collapse of the cooperatives and the implementation of Resolution 10, along with village heads and representatives of women and youth organizations in the village.

The households were randomly and intentionally selected from a list of households either registered or suggested by the village management following three categorizes: rich, middle-income and poor households. In each commune, 5 households of each type were invited for interviews. Besides, the research also conducted 3 group discussion workshops in each commune: one male, one female and one mixed gender workshop. Each group consisted of 6 representatives of households who are all married and ranging from 20—70 years old. The primary data were also collected using Participatory Rural Appraisal (PRA) [Lammerink & Wolffers 1996]. The study was carried out in three communes in two districts in the two provinces. It comprised Participatory Rural Appraisal ($n = 6$) and consisted of personal in-depth interviews ($n = 45$) and group discussion workshops ($n = 6$).

Secondary data such as statistics on land records, reports on population, land issues, socioeconomic development were collected from the People's Committees at all levels of the two provinces. The findings of previous domestic and internationally published studies, provincial specialized agency reports, local and central newspaper data in the region were also consulted.

Results and Discussion

Changes to land laws and policies during the economic and land reform (Doi Moi) in Vietnam

The first land policy changes in 1981 were made according to the Government of Vietnam's Directive 100 [Chỉ thị 100-CT/TW 13.01.1981]; however, the mechanism by which the economic management of agricultural production would be carried out had not yet been finalized. Resolution 10 was implemented eight years later and would focus on the allocation of agricultural cooperatives to farmer households and individuals to reflect the progress made on land policy mechanisms in the real estate sectors and land-based production of economic sectors of the country. Resolution No. 22 of the Politburo (November 1989) and Decision 72 of the Government (March 1990), and the Land Law of 1993 were considered to be documents of high legal value as they contained core points on agricultural economic growth and land development [Phạm Xuân Nam 1997: 107].

In addition to the land reforms, a shift in the approach by management to the rights of land users in rural Vietnam took place. Seven important land laws were introduced in this regard between 1986 and 2008. The legal system and land policies of Vietnam had to change within a relatively short time to facilitate the process of socio-economic transition. Resolution 10 constituted a step by the state to re-allocate land from agricultural cooperatives to households and individuals. However, following the promulgation of the Land Law of 1993, the land started to increase in value. The first Land Law (of 1987) had only stipulated that the right to use the land of households and individuals was guaranteed but that all land-related transactions had to be carried out in accordance with the state's decision as the land market was not yet recognized. The Land Law of 2003 was introduced

to develop industrialization in Vietnam as by 2007 industrial contribution consisted 42 % and services 38 % of GDP [Tổng Cục Thống Kế 2009]. The challenge of reassigning agricultural land to land for non-agricultural purposes has always been a critical consideration for social development and social management in Vietnam.

Land policies in the following years in Vietnam were regularly supplemented and adjusted in an effort to identify effective solutions to adapt the socialist ideal of land ownership to the requirements and pressures of an emerging modern market economy; in other words, to redefine and correct the relationship between land, people, investors, and the state [Đặng Hùng Võ 2008]. Although the Government of Vietnam regularly adjusted the legal framework to improve the field of land management, the Ministry of Natural Resources and Environment received more than 30,000 disputes and complaints, along with land denunciations by people from 2003—2006. The number of complaints increased steadily, and the dissatisfaction of affected people, as well as that of investors, indicated the necessity of reconsidering the details on the provisions of land law [World Bank 2009].

Land was always a source of contention for ethnic minorities and village communities in the northern mountainous region, from the commune to the district level, from 2000 until the time that the study was performed (2018). Crystallization of the past caused land problems, especially in the ethnic minority areas and a desire to be independent of the social relations system. Therefore, the approach to the management and use of land of ethnic groups in mountainous areas in Vietnam, in general, and in the north, in particular, was similar, compared to the approach applied in other areas, i.e., the plains or the South but also was characterized by differences associated with traditional land ownership and ethnic culture, both of which strongly influenced social development.

Types of conflict

Following the implementation of Resolution 10 (1988), farmers wished to return to production using the fields of their fathers, grandfathers, or households that were reserved 30 years ago to become agricultural cooperatives. However, the land had changed in size between 1961 and October 10, 1989 as a result of changes to the organization of production teams that were effected at different times (village co-operatives, from 1961—1975) and a commune-wide, large-scale cooperative (from 1976—1980). Therefore, when families wished to take back the land that was thought to previously have been occupied by them, most of them could not identify the old boundaries. Failure to resolve the land disputes in early 1990s led to major conflicts between households in the local community and ethnic groups¹. Three types of land conflict occurred among ethnic communities in northern upland of Vietnam.

Conflict between the local community (Tay and Nung ethnic groups) and the Kinh ethnic group (the majority)

The Kinh majority ethnic group migrated from the Red River Delta provinces between 1961 and 1963 to reclaim and develop mountain-based agriculture. Accordingly, they all lived together in the same village for 30 years, leading to the creation of mixed ethnic group families. However, the division of land according to the new policy (land allocation) caused considerable aggravation, leading to land disputes, and impacted negatively on the internal relations of the Tay and Nung ethnic groups.

Conflict between the local people and the settlers

As per the Vietnamese government's sedentarization policy in 1968, ethnic groups like Dao, Hmong, and Giay who used to live in the upper hill had moved to the valleys to live with the Tay and Nung people. Land was given to those settlers for production in the lowland areas. Following

¹ The archives of cadastral maps and communes for certain Tay Nung districts situated on the border were lost due to the border war against China in 1979.

the collapse of the agricultural cooperative, the Tay and Nung households reclaimed their old familial land from the lands of the collective. Thus, households that had participated in the sedentary program lost their land.

Conflict among residents and households in the same village

Disparity between people from different social groups (i.e., those displaced from the community, government officials, retired police and military members, single individuals, poor households, war invalids, and people who formerly had many fields) also created conflict over the allocation of land to a greater or lesser extent, dependent on status. From 1989 to mid-1990, Loc Binh District was involved in 189 land disputes over a total area of 50 ha, 69 of which were internal, i.e., within families. The number of disputed land accounted for only 0.34 % of the total land area in the district and for 0.5 % of the farmers, while each dispute pertained to just 0.2 % of a hectare on average [Bé Viết Đăng 1993: 193].

The complexity of internal relations among families and communities regarding land use rights and land management of ethnic minority areas was exacerbated by population growth and the subsequent splitting of numerous households from 1961—1989. A former nuclear household went on to extend to two new generations, with 4—5 households and their descendants; complicating land use rights in the family in ethnic minority communities.

Land disputes arose in Thin village, Tu Mich commune, Loc Binh District following the division of land among siblings and generations of Tay people in hamlet groups. The interview results showed that the area under dispute in Thin village was 34 ha of slash-and-burn land after the cooperative broke down and included hamlets. Five of 31 households in the Lanh and Hua families engaged in an internal dispute over land for their children in Khon Po hamlet. Six of 40 households in Khon Dang hamlet involved disputes among cousins of the Hoang and Ma families, while 12 of 70 households in Khoo Nooc hamlet were marred by disputes among the Hoang and Lanh families. Land disputes between close cousins (third-generation Tay grandchildren) were less likely to occur among the Dao in Mau Son commune, compared to other communes in Loc Binh District in Lang Son province. By 1993, land was regarded as a commodity, regardless of whether or not the transfer or inheritance of land was recognized by law. Eventually, after a period of land disputes, the ethnic cultural and social relations of a community gave way to farming where control over the land was ceded, in a reversion to the ways of ancient Tay and Nung communities. Community-based land use was coordinated via family ties in terms of management of the land and social conflict owing to policies. Administration performed by local people in ethnic minority communities was replaced by administration conducted by close relations.

Once the land law of 2003 took effect, the land disputes and complaints took on a new dimension, with a considerable increase in the annual number of cases compared to previous years. According to data from the Inspection Committee of Lang Son Province Department of Natural Resources and Environment, between 2004 and 2009, 528 households sought to appeal against 318 applications, of which 85 % were for land. According to the provincial inspection agency, the contents of the applications involved claims over land use rights and claims for the compensation of old land (already previously publicized through the construction land offices of public agencies and units); land disputes between brothers and clans; and complaints over compensation values in cases where investors sought to acquire land so that they could implement capital construction projects.

Clashes occurred not only within the community due to land disputes but also between farmers and the Loc Binh State Forest Enterprise (SFE) (Lang Son). Conflict also took place in relation to land area surrounding the Na Duong coal mine from 2007—2008. However, prior to 2018,

when the study was conducted, land use rights between households and the Loc Binh SFE had not been resolved. This was owing to the collapse of the rice breeding technology in the Loc Binh District in parallel with the disintegration of the cooperative in the early 1980s. Land that belonged to the forestry enterprise could not be effectively managed and households encroached on the land of the enterprise to cultivate and plant forests. By 2018, the issue of land management in the Loc Binh District, especially with regard to contracts between companies who hired households to grow forest, was causing conflict among people. Dai Duong Corporation for Natural Resources Development has 400 ha, InnovGreen Company has more than 100 ha and Vietnam Forestry Company (VINAFOR) has 7000 ha in dispute with local people. In total, after settling the disputes, those companies had returned 3800 ha to households.

***Land conflict: acquisition, compensation
and the reactions of people and ethnic communities***

*Policy to convert the use of agricultural land
for non-agricultural purposes*

From 2010—2017 in northern upland of Vietnam, socio-economic development was advancing in accordance with the trend of open trade among the domestic and international markets. Foreign direct investment (FDI) and import and export activities increased year by year, especially between 2013 and 2017 in Quang Ninh and Lang Son provinces. There were nine large-scale FDI projects in Quang Ninh province in 2016 valued between USD 23.8 million and USD 4,000—5,000 million [Danh mục 8.01.2019]. Meanwhile, in Lang Son province, there are currently 30 FDI projects, with total registered capital of USD 240.9 million.

The conversion of agricultural land and production forest land for non-agriculture purposes of the two provinces was seen to increase from 2015—2017. In Lang Son Province, the total agricultural land of the province decreased by 915 ha, while non-agricultural land increased by 1,048 ha from 2014—2017 as a consequence of land conversions primarily [Sở Tài nguyên Lạng Sơn 2017]. In Quang Ninh Province, agricultural land decreased in size by 1,870 ha from 462,960 ha in 2014 to 461,090 ha in 2017 [Ủy ban nhân dân tỉnh Quảng Ninh 2018]. The shift from agricultural land to non-agricultural land was pivotal to the construction of key projects such as bridges, border belt roads, national highways, and airport.

The availability of land resources was considered to be advantageous to the districts and provinces (constituting 30 % of the capital contribution to FDI projects) and comprised two main types of land; agricultural and forests, of which the majority was agricultural land. This was allocated to households for long-term use provided that the land was identified as stable over the long term (National Assembly 2013, Article 128). Therefore, to effect the recovery of cultivated land by the people, the Provincial People's Committee was obliged comply with the adjustment made to the 2013 Land Law (Article 132), which involved compensation.

Although the Land Law stipulated that compensation for land acquisition by individuals and collectives must involve market valuation procedures, the units responsible for the organizing and implementation did not comply with what the law had specified. The compensation policy had many shortcomings in terms of land acquisition and land conversion. In addition, legal implementation of the changes was often slow or subject to delays. The provisions of the 2013 Land Law are spread to all subjects of land use, without separate regulations on acquisition, compensation, support and resettlement for ethnic minority groups in poor or particularly difficult households. Sometimes, the laws overlapped, were applied unfairly, were difficult to understand, or were unsuited to practical application. The policy mechanism for the 2013 Land Law and the 2003 Land Law was applied differently to the same subjects in cases involving complaints about compensation and site

clearance in terms of land use origin. Therefore, the results were different, and this resulted in further dispute [Sở Tài nguyên và môi trường tỉnh Quảng Ninh 2017].

The responses of the people

Most people who were party to the land conversion and acquisition policies supported the land conversion process because the level of compensation for agricultural land and forest land was relatively reasonable. This was determined based on interview results with local people and authorities working on projects in Ha Long, Hoanh Bo, Mong Cai City (Quang Ninh) and on projects in Loc Binh and Chi Lang district (Lang Son).

However, for some places, some people were unconvinced by explanations of local government about the purposes of acquisition, dissatisfied with the amount received and complained when their land was acquired. Many ethnic minority households in remote areas did not receive adequate support when asked to hand over land for the project because the land use process was entangled in procedures. People responded either by filing an administrative complaint or wrote a letter of complaint or denunciation through an application. Four hundred and twenty-five complaints and denunciations of people were received in the province in 2016 and 2017, according to statistics published by the inspection committee of Lang Son Department of Natural Resources and Environment in 2017. Of the 163 applications relating to land and received in Lang Son District, 68 of them were complaints (51 %) and 57 were petitions (43 %). In 2017, 262 land-related applications (97 %) were received, an increase of nearly two times compared to 2016. In particular, there was an increase in denunciations relating to the enforcement of land laws by people. Complaints in 2017 related to compensation for clearance when the state acquired land to construct industrial parks and public works. People demanded an increase in the compensation amount in accordance with market prices, reimbursement for their labor on the land, and support for the processes of land clearance and resettlement. From 2016, the complaints tended to relate to the improper, nontransparent, or inequitable settlement effected by the authorities when implementing the projects [Sở Tài nguyên và Môi trường tỉnh Lạng Sơn 2017]. According to a report by the Department of Natural Resources and Environment, Quang Ninh Province, in January and February 2017, 105 cases of complaints and denunciations were received from people (including four complaints signed by numerous people). Of these, only 55 cases were resolved, 47 cases were waiting to be resolved, and three were unresolved.

Conclusion and recommendations

In the early years of Reform, disputes over reclamation of the ancestral land of Tay people and some other ethnic groups in northern Vietnam, which were previously made public in order to develop cooperatives, indicated weaknesses in social management of the government at the grassroots level right after the cooperative's collapse. Although the system of macro land policies had changed, it was not necessarily suited to each locality and ethnic minority area in terms of the allocation of land to households and individuals for long-term use. At the same time, a management agency and land management system was not established to resolve queries, which caused conflict in the management and use of land between communities, people, and between local authorities and communities.

The issue of land acquisition for the purpose of implementing socio-economic development projects necessitated compensation of affected people, thereby creating opportunities for livelihood transformation and improvements to the lives of people. However, the legal system on land was not as carefully considered as it could have been, and required an appraisal of the socio-economic context and the land use practices of ethnic minorities. The legal procedures for implementation and the

policies issued were uniformly applied to national investment projects, regardless of the specificity of the locality and region.

Conflicts in the land sector in ethnic minority communities in Vietnam's northern upland included disagreements about economic benefits. There were three types of conflict; between land users, between government and people in the early 1990s; between law enforcement agencies, grassroots administrators, people, and communities with regard to land policies; and between people, communities, and project investors involved in the land conversion and acquisition from 2010. The disputes took place with varying degrees of intensity and scope between the parties, creating local conflicts at the commune and community level and between ethnic groups seeking to implement the state-sanctioned settlements. On the surface, these disputes are ethnic conflicts, between the Tay and Nung with the Dao, between local ethnic groups and state-owned agricultural and forestry farms, between state law-enforcement agencies on land and the project owners (mostly Kinh people), however, the root cause of these conflicts is economic, hence it can be solved by economic policies, land policies, harmoniously combined with social relations among ethnicities in terms of policies. It can be said that land disputes here do not lead to deep ethnic conflicts and the Vietnamese government has been resolving those conflicts using economic tools.

Although the land-related policies from 1986—2017 required that regular adjustments were made to the legal framework in order to improve land management and use, how to achieve this remains unclear and lacks specificity with regard to the ethnic minority areas, including the northern mountainous region. It is necessary to redefine each type of forest in subregions attached to communes, communities, and forest protection agencies in order to ensure effective land management and reduce conflict of interest pertaining to forest land use and management of all types, i.e., conservation, protection, and production forests. In addition, there should be strict control of the subjects of land allocation, forest allocation, and monitoring of the land conversion process in order to achieve consensus on benefit sharing among stakeholders. A good community forest model should be developed for Dao ethnic peoples in the Lang Son and Quang Ninh Provinces. However, the privatization process involving private investors outside the community and provinces is ongoing. It continues to be effected through the transfer of forest and forest land from households who already hold a land use right certificate. This could be creating underlying potential conflict regarding land and social management among ethnic minorities in the northern upland. This issue needs to be supplemented by the right of stakeholders to use forest and forest land as per the law on forest land allocation in ethnic minority areas.

The state's policy for voluntary and compulsory acquisition, compensation for the transfer of land from northern ethnic minorities requires adjustment because it has not taken into account the traditional way of life with regard to land use by ethnic minorities.

References

1. Bê Viết Đăng et al. (1993). Những biến đổi về kinh tế — văn hóa ở các tỉnh miền núi phía Bắc [Economic-cultural changes in the Northern mountainous provinces]. Hà-nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội.
2. Chỉ thị số 100-CT/TW “Cải tiến công tác khoán, mở rộng “khoán sản phẩm đến nhóm lao động và người lao động” trong hợp tác xã nông nghiệp” của Ban bí thư đảng cộng sản Việt Nam ngày 13 tháng 1 năm 1981 [Directive 100-CT/TW of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam, dated January 13, 1981, on “Improving the expansion of contracting activities that contract products to groups and workers in agricultural production cooperatives”]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/lao-dong-hop-tac-xa-nong-nghiep-247358.aspx>.

3. Danh mục dự án đầu tư vào tỉnh Quảng Ninh [List of investment projects in Quang Ninh province]. *Báo Quảng Ninh*, 08.01.2019. Retrieved from URL: <http://thuviendientu.baoquangninh.com.vn/kinh-te/201901/danh-muc-du-an-dau-tu-vao-tinh-quang-ninh-2272611/index.htm>
4. Đặng Hùng Võ (2008). Tranh chấp và khiếu kiện kéo dài về đất đai: nguyên nhân từ thực thi pháp luật về đất đai [Prolonged land disputes and complaints: the cause from land law enforcement]. Hội thảo về tình trạng tranh chấp và khiếu nại kéo dài về đất đai hiện nay: thực trạng và giải pháp [Proceedings of the seminar on the current status of land disputes and complaints: reality and solutions]. Văn phòng Quốc hội.
5. Lammerink, M. P., Wolffers, I. (1996). Some selected examples of participatory research. Vietnam-Netherlands Research Programme (VNRP) translated and introduced. Hanoi.
6. Lê Thị Mùi (2018). Một số vấn đề về quản lý và sử dụng đất đai của người Dao ở xã Tân Dân, huyện Hoàng Bồ, tỉnh Quảng Ninh [Some issues on the management and use of land of the Dao in Tan Dan commune, Hoanh Bo district, Quang Ninh province]. *Tạp chí Dân tộc học*, số 6. Tr. 58—68.
7. Phạm Xuân Nam chủ biên (1997). Phát triển nông thôn [Rural development]. Hà-nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội.
8. Quốc Hội (2013). Luật Đất đai năm 2013 [National Assembly. Land Law 2013]. Hà-nội: Nhà xuất bản Hồng Đức.
9. Nghị quyết 10-NQ/TW về đổi mới quản lý kinh tế nông nghiệp của Bộ Chính trị Đảng Cộng sản Việt Nam ngày 5 tháng 4 năm 1988 [Resolution No. 10-NQ/TW of the Politburo of the Communist Party of Vietnam, dated April 5, 1988]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Nghi-quyet-10-NQ-TW-1988-doi-moi-quan-ly-kinh-te-nong-nghiep-202545.aspx>.
10. Sở Tài nguyên và Môi trường tỉnh Lạng Sơn (2017). Báo cáo thống kê, kiểm kê đất đai tỉnh Lạng Sơn đến ngày 31/12/2014, Biểu 01/TKĐĐ [Department of Natural Resources and Environment of Lang Son Province. Statistical report, land inventory of Lang Son province until December 31, 2014, Table 01/TKĐĐ]. Lạng Sơn.
11. Sở Tài nguyên và Môi trường tỉnh Quảng Ninh (2017). Báo cáo kết quả thanh tra, kiểm tra, tiếp dân giải quyết khiếu nại tố cáo và tranh chấp đất đai [Department of Natural Resources and Environment of Quang Ninh province. Report on inspection, examination and citizen settlement results of complaints land disputes]. Quảng Ninh.
12. Tổng cục Thống kê Việt Nam (2009). Tổng điều tra dân số và nhà ở Việt Nam năm 2009: Các kết quả chủ yếu [General Statistics Office of Vietnam. Vietnam population and housing census 2009: Main results]. Hà-nội: Nhà xuất bản thống kê.
13. Tran Van Ha and Le Minh Anh (2008). The transformation of Rituals in two Mien Villages in Northeast Vietnam. Living in a Globalized world Ethnic Minorities in the Greater Mekong Subregion. Mekong Press, Bangkok: Mekong Press.
14. Trần Văn Hà (1999). Các dân tộc Tày, Nùng với tiến bộ khoa học kỹ thuật trong nông nghiệp [Tay and Nung ethnic groups with scientific and technical progress in agriculture]. Hà-nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội.
15. Trần Văn Hà (2018). Chính sách chuyển đổi, thu hồi và thực thi pháp luật đất đai ở các dân tộc vùng Đông Bắc nước ta hiện nay [Policy on land conversion, acquisition and enforcement in ethnic groups in the Northeast region of our country today]. *Tạp chí Dân tộc học*, số 6. Tr. 3—15.
16. Ủy ban nhân dân tỉnh Quảng Ninh (2018). Báo cáo kết quả thống kê đất đai năm 2017 [Quang Ninh Provincial People's Committee. Report on the results of land statistics in 2017]. Quảng Ninh.
17. World Bank (2009). Proposed report on improvement of state land acquisition policy and voluntary land conversion mechanism in Vietnam. Geneva: World Bank.

For citation: Tran Van Ha, Nguyen Thi Thanh Binh, Le Thi Mui (2020). Land conflict among ethnic minorities in Vietnam's northern uplands, 1986—2017. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, 2020, no 1. P. 18—27

Authors:

Trần Văn Hà, Ph.D. (Ethnology), Senior Researcher, Institute of Anthropology, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID: 0000-0003-2536-0152. E-mail: tranvanha@warecod.org.vn

Nguyễn Thị Thanh Bình, Ph.D. (Anthropology), Deputy Director of the Institute of Anthropology, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID: 0000-0002-0712-9566. E-mail: nguyenttbinh@yahoo.com

Lê Thị Mùi, Ph.D. (Anthropology), Researcher, Institute of Anthropology, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID: 0000-0001-7496-7837. E-mail: lehuongmui@gmail.com

Article history:

Received: October 18, 2019

Received in revised form: February 27, 2020

Accepted: March 07, 2020

Чан Ван Ха, Нгуен Тхи Тхань Бинь, Ле Тхи Муй

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
СРЕДИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
ГОРНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО ВЬЕТНАМА В 1986—2017 гг.**

Аннотация. Экономические реформы («дой мой»), начатые во Вьетнаме в 1986 г., привели к существенным экономическим изменениям, особенно в результате земельной политики, но также породили конфликты и земельные споры между общинами этнических меньшинств. Цель данного исследования — оценка конфликтов в области землевладения между этническими общинами в горных районах Северного Вьетнама с начала проведения земельной реформы до настоящего времени. Исследование проводилось в этнических общинах таи и зао в провинциях Лангшон и Куангнинь с февраля по июнь 2018 г. Авторы пришли к выводу, что при изменении земельной политики с целью избежать конфликтов, которые могут быть вызваны несовершенством законодательства, следует уделять пристальное внимание традиционной практике землепользования этнических групп.

Ключевые слова: земельная политика, земельные конфликты, этнические меньшинства, нагорье, Вьетнам.

Для цитирования: Чан Ван Ха, Нгуен Тхи Тхань Бинь, Ле Тхи Муй. Земельные конфликты среди этнических меньшинств горных районов Северного Вьетнама в 1986—2017 гг. // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 18—27 (на англ. яз.)

Авторы:

Чан Ван Ха, к.н. по этнологии, старший научный сотрудник, Институт антропологии Вьетнамской академии общественных наук. ORCID: 0000-0003-2536-0152.

E-mail: tranvanha@warecod.org.vn

Нгуен Тхи Тхань Бинь, к.н. по антропологии, зам. директора Института антропологии Вьетнамской академии общественных наук. ORCID: 0000-0002-0712-9566.

E-mail: nguyenttbinh@yahoo.com

Ле Тхи Муй, к.н. по антропологии, научный сотрудник, Институт антропологии Вьетнамской академии общественных наук. ORCID: 0000-0001-7496-7837.

E-mail: lehuongmui@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 18.10.2019

Дата поступления в переработанном виде: 27.02.2020

Принята к печати: 07.03.2020

Социально-экономическое развитие

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10003

Павловская С.В., Шаврук Ю.А., До Хыонг Лан

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ С ЕАЭС¹

Аннотация. Статья посвящена анализу первых итогов развития экономического взаимодействия Социалистической Республики Вьетнам и Республики Беларусь в рамках Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом. Дается анализ динамики и структуры взаимной торговли. Выделены основные факторы, которые, по мнению авторов, оказывают влияние на развитие двустороннего сотрудничества, а также потенциальные точки его активизации. Методом эконометрического моделирования проведена оценка потенциала развития внешней торговли РБ и Вьетнама на основе заключённого соглашения: дан прогноз роста вьетнамского экспорта в Беларусь. На этой основе сделаны выводы о перспективах экономического сотрудничества РБ и СРВ.

Ключевые слова: Беларусь, Вьетнам, Евразийский экономический союз, соглашение о свободной торговле, международные экономические отношения, экономическая интеграция, экспорт.

Введение

Под воздействием глобализации национальные экономики многих государств всё более ориентируются на международное сотрудничество. В то же время Республика Беларусь (РБ) не в полной мере использует возможности глобальной экономики и остаётся в достаточно изолированном положении. Актуальной и первостепенной задачей для РБ в процессе интеграции в мировое хозяйство является сохранение и укрепление уже завоёванных позиций с каждой страной-партнёром, а также расширение многосторонних экономических отношений в рамках интеграционных объединений.

РБ испытывает необходимость снижения рисков высокой концентрации своего экспорта, поиска новых рынков сбыта белорусской продукции, развития наряду с торговлей иных форм межгосударственных хозяйственных связей. Это предполагает «прагматичное взаимодействие» и развитие экономических отношений со странами разных регионов и различного экономического потенциала. Соответственно, Беларусь проводит политику многосторонности международных экономических отношений и диверсификации партнёров.

¹ Статья написана в рамках исследования экономического сотрудничества между СРВ и ЕАЭС в новых условиях — программа КХ01/16-20, лот № КХ01.43/16-20 за 2019—2020 гг.

Особый интерес для РБ представляет азиатский регион, в сотрудничестве с которым были достигнуты некоторые успехи. В настоящее время РБ сосредоточила внимание на экономическом сотрудничестве с «локомотивом» Юго-Восточной Азии — Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ). Изучение проблем расширения форм внешнеэкономического сотрудничества, углубления кооперации и наращивания объёмов взаимной торговли актуален как для Республики Беларусь в связи с необходимостью снизить риск высокой страновой концентрации белорусского экспорта, так и для СРВ в связи с активной реализацией ею политики открытых дверей.

Это ещё один пример активного взаимодействия, которое происходит на фоне усиливающихся интеграционных настроений в странах — участниках ЕАЭС и в мире в целом. Государства реализуют свои интересы посредством двусторонних связей, а также углубления региональной интеграции.

Методы изучения торговой интеграции

Исторически международная торговля является основной и наиболее распространённой формой международных экономических отношений, базой для международной экономической интеграции. Исследования этого процесса, на которые опирается данная статья, были начаты такими учёными, как Дж. Вейнер, Р. Липси, Дж. Мид [Павловская 2017]. Они определили последствия вступления стран в интеграционное объединение, были выявлены такие эффекты, как «создание и отклонение» торговли.

Эффект *создания торговли* был описан в первую очередь для стран таможенного союза и означает переориентацию местных потребителей с менее эффективного внутреннего источника поставки товара на более эффективный внешний источник. Такой результат приносит снижение импортных пошлин и иных ограничений в рамках интеграционного объединения. В свою очередь, эффект *отклонения торговли* означает переориентацию местных потребителей с более эффективной закупки товара вне интеграционного объединения на менее эффективную закупку внутри этого объединения, что происходит в результате снижения импортных пошлин и иных барьеров в таможенном союзе.

В исследованиях о международной экономической интеграции особое место занимают гравитационные модели, которые дополняют представление о результатах и возможностях торговой интеграции. Впервые гравитационную модель применял первый лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Тимберген [Timbergen 1962]. В классической гравитационной модели торговая интеграция между двумя странами оценивается на основе объёмов экспорта или импорта и зависит от соответствующего размера их экономик (например, величины ВВП), расстояния между странами (в расчёт берутся бизнес-центры или столицы) и некоторых других параметров.

Прогнозы и оценки потенциала торговых отношений, полученные на основе таких моделей, имеют надёжные статистические характеристики. Это позволяет использовать гравитационную модель при исследовании эффектов участия страны в международной экономической интеграции, а также получения прогнозов на будущее, что и сделано авторами.

С момента разработки и вступления в силу соглашения между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом в научных трудах по экономическим отношениям Вьетнама и ЕАЭС изучалась в целом торговля между Вьетнамом и ЕАЭС, причем фокус делался в основном на паре Россия — Вьетнам. Это нашло отражение и в исследовании Академии общественных наук Вьетнама «Таможенный союз Россия — Беларусь — Казахстан: 5 лет назад и перспективы» [Бу Тхюи Чанг 2017]. В этой работе приведены оценки возможностей сотруд-

ничества Вьетнама с Союзом, со странами-членами и предложены пути укрепления торгово-экономических отношений между его участниками в ближайшее время. Вместе с тем в данном проекте не проанализирована торговля между Вьетнамом и Беларусью после подписания Соглашения о свободной торговле.

Эту задачу выполнили учёные Института экономики РАН в рамках проекта РФФИ 2016—2018 гг., изучившие эффекты первых лет имплементации соглашения [Глинкина, Пылин, Н.К. Хунг 2018]. В частности, А.Г. Пылин [2017] предложил оценку не только внешне-торгового взаимодействия ЕАЭС и СРВ в контексте создания зоны свободной торговли, но и отношений между Вьетнамом и Беларусью. Он подтвердил в своем труде, что в среднесрочной перспективе при реализации ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам существует значительный потенциал для увеличения вьетнамского экспорта в Беларусь и сохраняются значительные возможности для роста белорусского экспорта во Вьетнам. Но для этого необходимо будет улучшить транспортную доступность и логистику между двумя странами [Пылин 2017: 3]. В.М. Мазырин, подробно изучающий опыт реализации соглашения между СРВ и ЕАЭС, в статье «Новый формат торговли между Вьетнамом и ЕАЭС в действии» указал, что Беларусь — третий по объёму торговли партнёр СРВ среди членов ЕАЭС — не извлекла заметных выгод из ЗСТ, её оборот с Вьетнамом даже упал на 25 % в 2016—2017 гг., что, по его мнению, с которым не согласны авторы данной статьи, отражает ориентацию РБ на торговлю с ЕС. Констатируется, что прогресс, достигнутый в 2017 г., был недостаточным, чтобы довести товарооборот до намеченного объёма в 200—250 млн долл. [Мазырин 2018: 59].

Динамика торгово-экономических отношений РБ и СРВ

РБ и СРВ установили дипломатические отношения 24 января 1992 г. Несмотря на географическую удалённость, сотрудничество двух государств началось ещё во время существования Советского Союза, однако наиболее активно развивается в последние годы, чему способствовал обмен визитами первых лиц. Так, в 2014 г. генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг посетил Беларусь, а в декабре 2015 г. президент Беларуси А.Г. Лукашенко — Вьетнам. Результатом визитов на высшем уровне стало подписание ряда соглашений и совместной программы расширения сотрудничества на ближайшие годы.

Соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, которое было заключено в мае 2015 г. и вступило в силу осенью 2016 г., дало новый толчок экономическим и геополитическим отношениям членов Союза, в том числе РБ, с Вьетнамом. Взаимный товарооборот в 2018 г. составил 6,691 млрд долл., из них экспорт ЕАЭС во Вьетнам — 2,699 млрд долл., импорт из Вьетнама в ЕАЭС — 3,992 млрд долл. [Статистика внешней и взаимной торговли: 19.04.2019] При этом пока основные выгоды в части увеличения экспорта Вьетнам получает в России и Казахстане (рис. 1).

Торговля остаётся основной сферой взаимодействия Вьетнама и Беларуси, хотя её рост сдерживается структурной ограниченностью как вьетнамского, так и белорусского экспорта. Наиболее значимыми статьями белорусского экспорта во Вьетнам являются калийные удобрения, грузовые автомобили, карьерные самосвалы, шины, тракторы, полиамиды, спиртные напитки и продукты питания. Беларусь импортирует из Вьетнама средства связи, компьютерную и оргтехнику, морепродукты, рис, орехи, обувь, одежду, натуральный каучук, тропические фрукты, чай, кофе, специи. Зависимость от узкой группы экспортируемых товаров, особенно у белорусской стороны, и конъюнктурные колебания на мировом рынке создают угрозы для расширения товарооборота.

Возможности соглашения о свободной торговле с ЕАЭС реализуются вьетнамской стороной в более полной мере, что доказывает рост поставок СРВ в РБ на 40 % в 2018 г. по

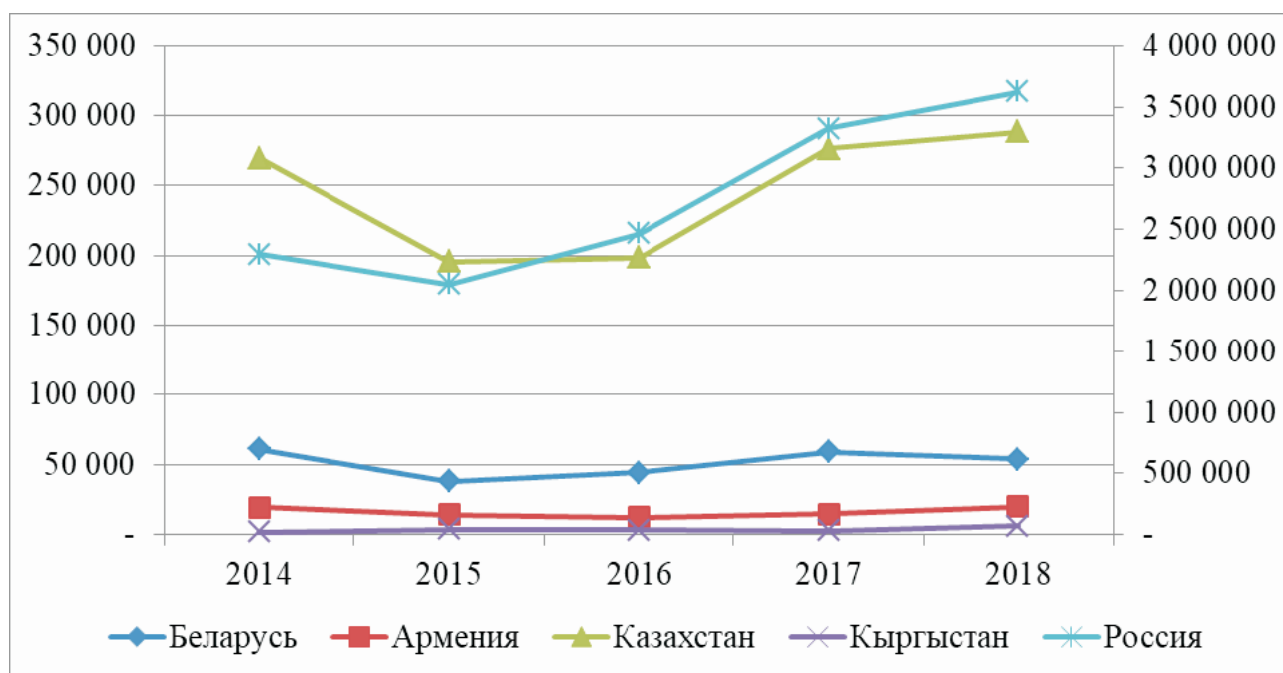

Рис. 1. Динамика экспорта СРВ в страны ЕАЭС в 2014—2018 гг., тыс. долл. (правая шкала — экспорт только в Россию).

Источник: Статистика внешней торговли и взаимной торговли товарами на сайте ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

сравнению с 2015 г. (табл. 1). Белорусский экспорт во Вьетнам за тот же период сократился почти наполовину. Но только в январе—июне 2019 г. взаимный товарооборот составил 108,3 млн долл., в том числе белорусский экспорт — 65,5 млн, импорт — 42,8 млн. РБ увеличила профицит во взаимной торговле до 22,7 млн долл. [О сотрудничестве РБ и СРВ: 20.12.2019].

Таблица 1. Товарооборот Республики Беларусь с Социалистической Республикой Вьетнам в 2014—2018 гг., млн долл.

	2014	2015	2016	2017	2018
Товарооборот	169,3	149,8	121	135,3	115,3
Экспорт	108,5	111,5	76,8	76,3	61,6
Импорт	60,8	38,3	44,2	59	53,7
Сальдо	47,7	73,2	32,6	17,3	7,9

Источник: [О сотрудничестве РБ и СРВ: 20.12.2019].

Тем не менее белорусские компании охотнее торгуют со странами ЕАЭС: так, экспорт в Киргизию увеличился более чем в два раза, в Армению — на треть, в Казахстан — почти на 50 %, в Российскую Федерацию — на 25 % [Статистика внешней и взаимной торговли: 19.04.2019]. Принести эти результаты могут эффекты создания и отклонения торговли, возникшие практически одновременно, так как зона свободной торговли ЕАЭС и СРВ начала работу всего через полтора года после образования Союза.

Образование ЕАЭС, подключение новых стран к ядру интеграции (РФ — Беларусь — Казахстан) обусловило после первого адаптационного года переориентацию потребителей с менее эффективных внутренних источников товаров и с рынков стран, не участвующих в интеграционном взаимодействии напрямую, на рынки стран, участвующих в нём. Это позволило белорусской стороне увеличить экспорт в страны экономического союза и привело к паде-

нию экспорта во Вьетнам. Однако интеграционные процессы ЕАЭС — СРВ динамично развиваются, что подтверждают приведенные выше примеры.

Хотя торговые связи являются основой экономических отношений Вьетнама со странами — участниками ЕАЭС, необходимо отметить углубление других взаимосвязей в экономике, например появление промышленной кооперации Беларуси и СРВ.

В 2016 г. началась реализация двусторонних вьетнамско-белорусских межправительственных протоколов, утвердивших преференциальный режим для поставки оборудования и продукции для инвестиционных проектов РБ во Вьетнаме. Примерами служат в части промышленной сборки белорусской автомобильной техники создание завода грузовых автомобилей МАЗ на СП «МАЗ Азия», а также строительство предприятия в пров. Хынгиен по производству молока, молочной продукции из белорусского сырья с участием ОАО «Минский молочный завод № 1» и вьетнамской компании Au Viet Food Import-Export And Manufacture. В феврале 2019 г. учреждено СП AU VIET MILK.

Факторы, влияющие на белорусско-вьетнамское сотрудничество в рамках ЕАЭС

Вьетнам — страна с большим быстро растущим рынком, с населением более 95 млн человек, относительно дешевой рабочей силой, благоприятным инвестиционным климатом, политической стабильностью, принимающая активное участие в интеграционных образованиях. Экономические успехи Вьетнама могут проиллюстрировать следующие факты: 1) по ряду прогнозов, к 2050 г. Вьетнам войдет в двадцатку самых крупных экономик мира [Мазырин 2016: 75]. Масштабы вьетнамской экономики значительно выросли: ВВП по ППС достиг в 2018 г. 570 млрд долл. (32-е место в мире). По оценке МВФ, при темпах роста в 5 % СРВ может скоро подняться на 28-ю позицию; 2) Вьетнам входит в группу стран, которые «активно совершенствуют свою инновационную систему и добиваются высоких результатов по ряду важных показателей, в частности по развитию сферы образования, НИОКР, темпам роста производительности труда, экспорта высокотехнологичной продукции» [The Long View: 18.05.2019]. Это нашло отражение в рейтинге Всемирной организации интеллектуальной собственности «Глобальный инновационный индекс», в котором СРВ поднялась на 36-е место в 2017 г. [Global Innovation Index 2017: 68]; 3) СРВ стала мировым лидером по приросту долларовых миллионеров (их число увеличилось на 23,3 % за последние пять лет), в том числе мультимиллионеров (рост на 29 %) [The Wealth Report 2019: 100]. Этим обусловлена привлекательность Вьетнама как экономического партнёра Беларуси и других членов Союза.

Вьетнам активно участвует в интеграционных объединениях на разных уровнях: является членом 13 соглашений о свободной торговле и/или всестороннем экономическом партнёрстве [Шпаковская, Куклин, Ву Тхуи Чанг 2018: 139]. С 1995 г. СРВ вступила в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая в 2007 г. заключила соглашение о свободной торговле с КНР, в 2008 г. с Японией, в 2009 г. с Южной Кореей, в 2010 г. с Австралией и Новой Зеландией, а также с Индией. Вьетнам подписал двусторонние соглашения о свободной торговле в 2009 г. с Японией, в 2014 г. с Чили, в 2016 г. с ЕС [EU and Vietnam: 11.03.2019], тогда же он стал участником соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве [Справочник 2016: 5], а в ВТО вступил ещё в 2007 г. К 2018 г. СРВ вывела свои дипломатические отношения на уровень стратегического партнёрства с 11 странами, среди которых большая часть — постоянные члены СБ ООН.

Беларусь также участвует в работе ряда интеграционных объединений. С 1991 г. она является членом Содружества независимых государств (СНГ), с 1996 г. — Союзного государства России и Беларуси, с 2000 г. — Евразийского экономического сообщества,

с 2015 г. — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Участие в вышеперечисленных интеграционных объединениях позволяет реализовать или защитить национальные интересы страны. Сегодня для РБ приоритетным является участие в интеграционных процессах, происходящих в ЕАЭС.

Кроме этих общих процессов на сотрудничество Вьетнама и Беларуси в рамках ЕАЭС оказывают влияние и другие факторы, среди которых можно выделить следующие: 1) ограниченная конкурентоспособность экономик на мировом рынке; 2) доминирование России как торгово-экономического партнёра; 3) новая геополитическая ситуация; 4) фактор общего исторического прошлого (наличие традиционных связей, культурные связи). Указанные факторы оказывают как стимулирующее воздействие на двусторонне сотрудничество Вьетнама и Беларуси в рамках ЕАЭС, так и сдерживающее.

Низкая конкурентоспособность экономики двух стран и их товаров на мировом рынке является важной причиной, сдерживающей развитие взаимной торговли. Вместе с тем Вьетнам быстро улучшает свои позиции. По рейтингу глобальной конкурентоспособности в 2018 г. он занял 77-е место из 140, а в 2019 г. — 67-е из 143 [Global Competitiveness Report 2018, 2019], по рейтингу вовлеченности стран в международную торговлю, который оценивает базовые показатели внешнеторговой открытости экономик, — 72-е место из 138 [The Global Enabling Trade Index 2014]. Хотя Беларусь не предоставляет данные для определения рейтинга, по косвенным признакам, в первую очередь низкому спросу внешних рынков на белорусские товары, можно судить о низкой конкурентоспособности белорусской экономики.

Второй выделенный фактор — доминирование России как торгово-экономического партнёра в двусторонних отношениях — нельзя оценить однозначно. Россия является ядром интеграционного процесса в рамках ЕАЭС, остаётся главным покупателем товаров, которые производятся в странах-членах ЕАЭС и поступают из Вьетнама. После подписания соглашения о свободной торговле с СРВ российско-вьетнамский товарооборот растёт в среднем на 30 % в год. В частности, по данным статистики СРВ, в 2018 г. он увеличился на 29 % относительно 2017 г., в том числе экспорт из России — на 53 % [Quan hệ thương mại: 14.03.2019]

Появление новой геополитической ситуации обусловлено расширением Евросоюза и НАТО за счёт стран Восточной Европы. Многие авторы связывают подписание соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и СРВ именно с геополитическими мотивами, желанием прежде всего России за счёт ЕАЭС создать альтернативу ЕС, а также обеспечить свои интересы в Юго-Восточной Азии.

Фактор общего исторического прошлого отражает влияние того, что Вьетнам и страны-участницы ЕАЭС представляют собой совокупность государств, объединённых длительными экономическими, политическими, культурными связями. Примером является гидроэлектростанция Хоабинь, строительство которой в 1980-е годы осуществлялось при непосредственном участии советских специалистов и которая сегодня является одним из крупнейших сооружений по выработке электроэнергии во Вьетнаме и всей Юго-Восточной Азии.

Рассмотренная комбинация переплетающихся факторов даёт сложный синергетический эффект ввиду противоречивости части векторов их действия. В частности, сказывается эффект «комка червячков», выражающийся в участии Беларуси и Вьетнама одновременно в различных по составу и ориентации интеграционных соглашениях.

Прогноз на основе гравитационной модели

Для прогнозирования внешней торговли используются различные методы и модели. В последние годы широкое распространение получила гравитационная модель, в которой двусторонняя внешняя торговля зависит от параметров национальных экономик (например,

от величины ВВП) и расстояния между странами. Расчёт параметров модели осуществляется на основе статистических данных с помощью методов регрессионного анализа.

В данном исследовании была реализована гравитационная модель на основе показателей ВВП, экспорта, а также расстояния между деловыми центрами (столицами) государств — членов ЕАЭС и Вьетнама. Основными источниками данных являлись статистические базы данных Евразийской экономической комиссии [Статистика внешней и взаимной торговли товарами: 19.04.2019] и Международного валютного фонда [World Economic Outlook 2019]. Эконометрический анализ базировался на панельных данных (сбалансированная панель) в период с 2014 по 2018 г. Построенная на основе панельных данных модель ($i = \overline{1,6}; j = \overline{1,6}; i \neq j; t = \overline{1,5}; n = 150$) представляет собой частный случай гравитационной модели, оценивающей одностороннюю торговлю между Республикой Беларусь и странами ЕАЭС, а также Вьетнамом.

Согласно нелинейным взаимосвязям классической гравитационной модели, все показатели рассматривались в логарифмированном виде. Эконометрическая реализация гравитационной модели имеет вид:

$$ex_{ij,t} = -3,38 + 0,212gdp_{i,t} + 0,157gdp_{j,t} - 0,182r_{ij} + 0,852ex_{ij,t-1} \quad R^2 = 0,956$$

(0,0203) (0,005) (0,0097) (0,059) (0,000)

где $ex_{ij,t}$ — стоимостной объём экспорт из страны i в страну j , тыс. долл.;

$gdp_{i,t}$ — ВВП страны i (экспортера), тыс. долл.;

$gdp_{j,t}$ — ВВП страны j (импортера), тыс. долл.;

r_{ij} — расстояние между столицами стран i и j , км.

В круглых скобках под коэффициентами уравнений указывается P -значение t -статистики оценки коэффициента, все переменные модели статистически значимы. Коэффициент детерминации модели также статистически значим ($P = 0,000$). Для модели выполняются предпосылки об отсутствии автокорреляции случайных отклонений (согласно значению статистики $DW = 2,05$ и анализу автокорреляционных функций) и гомоскедастичности случайных отклонений.

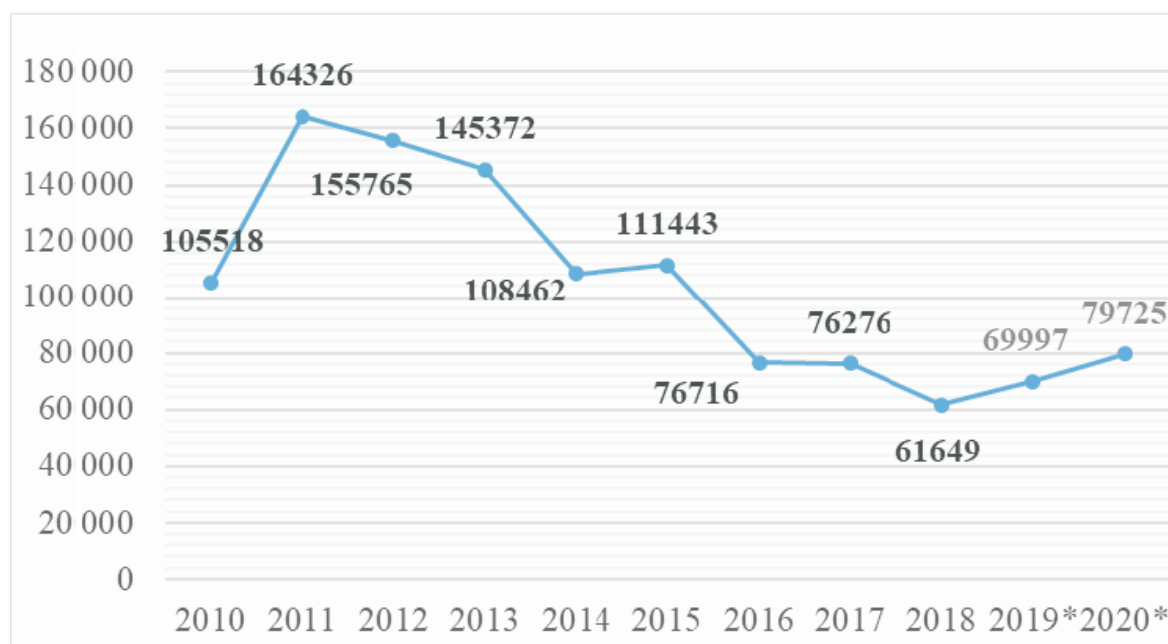

Рис. 2. Динамика экспорта Республики Беларусь во Вьетнам в 2010—2018 гг. и прогноз* на 2019—2020 гг., тыс. долл.

Источник: Статистика внешней и взаимной торговли товарами на сайте ЕЭК.

URL: <http://www.eurasiancommission.org>

Результаты моделирования подтверждают то, что торговля стран в рамках рассмотренной совокупности подчиняется лежащим в основе классической гравитационной модели законам: значимое положительное влияние на экспорт оказывает размер экономик торговых партнёров, и отрицательное — географическая удаленность между ними. Этому соответствуют полученные оценки эластичностей: положительная зависимость экспорта от масштаба экономики страны-экспортера более эластична (без учёта авторегрессионной составляющей этот вывод более очевиден, соответствующие значения эластичностей равны 1,267 и 0,943).

Поскольку коэффициенты при переменных гравитационной модели являются статистически значимыми и имеют теоретически ожидаемые знаки, можно спрогнозировать потенциальные уровни роста экспортных потоков, обусловленных включёнными в модель факторами, из Республики Беларусь во Вьетнам (рис. 2).

В 2019 г. рост белорусского экспорта во Вьетнам был рассчитан в размере 8,6 % по сравнению с 2018 г.

Выводы

Несмотря на довольно сложную социально-экономическую ситуацию в странах-участниках и быстро меняющуюся конъюнктуру мировой экономики, участники Евразийского экономического союза выстраивают устойчивые экономические связи со своими зарубежными партнёрами, формируя защитный «внешний контур». Экономическое сотрудничество СРВ и Республики Беларусь развивается в рамках ЕАЭС под влиянием множества факторов, оказывающих противоречивое взаимодействие. Тем не менее можно строить благоприятный прогноз развития отношений. Расчёт гравитационной модели подтвердил, что возможен рост товарооборота РБ — СРВ, а запуск проектов, направленных в первую очередь на кооперацию и углубление сотрудничества, становится основой благоприятных перспектив.

Список литературы

1. Ву Тхуи Чанг. Изменения международной политической обстановки и их воздействие на Вьетнам // *Вьетнамские исследования*, 2017, № 7. С. 109—126.
2. Мазырин В.М. Новый формат торговли между Вьетнамом и ЕАЭС в действии // *Международная экономика*, 2018, № 10. С. 54—68.
3. Мазырин В.М. Вьетнам: зоны свободной торговли // *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 3. С. 72—82.
4. О сотрудничестве Республики Беларусь и СРВ. Посольство РБ в СРВ. URL: http://vietnam.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations (дата обращения: 20.12.2019).
5. Особенности ведения бизнеса в Социалистической Республике Вьетнам. Справочник участника ВЭД. М.: ЕЭК, 2016. 128 с.
6. Павловская С.В. Некоторые подходы к исследованию торговой интеграции в рамках Евразийского экономического союза. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, 2017, № 1. С. 84—96.
7. Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам / отв. ред. Глинкина С.П., Пылин А.Г., Нгуен Куок Хунг. М.: Эдитус, 2018. 260 с.
8. Проект «Таможенный союз Россия — Беларусь — Казахстан: 5 лет назад и перспективы». Вьетнамская академия общественных наук. Ханой, 2016.
9. Пылин А.Г. Внешнеторговое взаимодействие ЕАЭС и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли // *Россия и современный мир*, 2017, № 3 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

vneshnetorgovoe-vzaimo-deystvie-eaes-i-vietnama-v-kontekste-sozdaniya-zony-svobodnoy-torgovli (дата обращения: 22.02.2020).

10. Статистика внешней и взаимной торговли товарами. ЕЭК, 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 19.04.2019).

11. Шпаковская М.А., Куклин Н.С., Ву Тхуи Чанг. Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнёрства // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2018, № 2 (39). С. 136—145.

12. EU and Vietnam reach agreement on free trade deal. European Commission, 2019. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5467_en.htm (дата обращения: 11.03.2019).

13. Global Innovation Index, 2017, WIPO (2017). URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2017/article_0006.html (дата обращения: 18.05.2019).

14. Quan hệ thương mại Việt — Nga vẫn còn nhiều dư địa để phát triển [Торговые отношения между Вьетнамом и Россией по-прежнему имеют много возможностей для развития]. URL: <https://bnews.vn/quan-he-thuong-mai-viet-nga-van-con-nhieu-du-dia-de-phat-trien/115636.html> (дата обращения 14.11.2019).

15. The Long View: How will the global economic order change by 2050? URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf> (дата обращения: 18.05.2019).

16. The Wealth Report 2019. Knight Frank, 2019. 112 p.

17. Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: Twentieth Century Fund, 1962.

18. World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2018. 671 p.

19. World Economic Forum: The Global Enabling Trade Report 2014. 353 p.

20. World Economic Outlook. IMF, 2019. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (дата обращения: 19.04.2019).

Для цитирования: Павловская С.В., Шаврук Ю.А., До Хыонг Лан. Экономическое сотрудничество Беларуси и Вьетнама в условиях интеграции с ЕАЭС // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 28—38.

Авторы:

Павловская Светлана Владимировна, к.э.н., доцент, зам. декана факультета экономики и менеджмента Белорусского государственного экономического университета. ORCID: 0000-0002-7839-6696.

Шаврук Юлия Александровна, к.э.н., доцент, зам. декана факультета коммерции и туристической индустрии Белорусского государственного экономического университета. ORCID: 0000-0003-3934-6829.

До Хыонг Лан, к.э.н., зам. директора Центра социальных инноваций и предпринимательства Национального экономического университета, Ханой, Вьетнам. ORCID: 0000-0001-7586-0767. E-mail: dhlan6576@yahoo.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 08.09.2019

Дата поступления в переработанном виде: 28.02.2020

Принята к печати: 10.03.2020

Pavlovskaya S.V., Shavruk Yu.A., Do Huong Lan

ECONOMIC COOPERATION OF BELARUS AND VIETNAM IN THE CONTEXT OF INTEGRATION AROUND THE EAEU

Abstract. The article analyzes the first results of the development of economic interaction between Vietnam and the Republic of Belarus in the framework of the Agreement on free trade between Vietnam and the Eurasian Economic Union. The authors explore the dynamics and structure of mutual trade, other forms of economic cooperation. They found out that main export positions of the two countries are not competing, but rather complement each other and open the way to industrial cooperation. It forms potential for the growth in bilateral economic relations (car assembly plant of trucks MAZ on Belarusian-Vietnamese joint venture “MAZ Asia”, the processing of food products from the Belarusian raw milk).

The article emphasizes core factors that affect deepening cooperation and increasing mutual trade between Vietnam and the Republic of Belarus within the Eurasian Economic Union, and main drivers for its reactivation. They are the low competitiveness of national economies on the world market; Russia's dominance as a trade and economic partner; new geopolitical situation; common historical past. The need to reduce the risk of high-country concentration of Belarusian exports, and the active implementation of the open-door policy by the Socialist Republic of Vietnam are highlighted.

Based on econometric modeling particular attention is paid to assessing the foreign trade potential between Belarus and Vietnam in the framework of the Agreement due to forecasting Vietnamese exports to Belarus.

The conclusion presents the prospects for the development of economic cooperation between the Republic of Belarus and the Socialist Republic of Vietnam and overall integration processes within the EAEC.

Keywords: Belarus, Vietnam, EAEU, free trading zone, international economic relations, economic integration, export.

References

1. EU and Vietnam reach agreement on free trade deal (2019). European Commission. Retrieved on 11.03.2019 from URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5467_en.htm.
2. Global Innovation Index 2017. WIPO (2017). Retrieved on 18.05.2019 from URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2017/article_0006.html.
3. Mazyrin, V.M. (2018). Novyj format trgovli mezhdu Vietnamom i EAES v dejstvii [New format of trade between Vietnam and the EAEU in action]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, № 10. S. 54—68.
4. Mazyrin, V.M. (2016). Vietnam: free trade areas. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no. 3. P. 72—82.
5. O sotrudnichestve Respubliki Belarus i SRV [On cooperation of the Republic of Belarus and Vietnam]. Retrieved on 20.12.2019 from URL: http://vietnam.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/.
6. Osobennosti vedeniya biznesa v Socialisticheskoy respublike Vietnam (2016). Spravochnik uchastnika vneshnej ekonomicheskoy deyatel'nosti. [Features of doing business in the Socialist Republic of Vietnam. Handbook of the participant of foreign trade activities]. M.: EEK.
7. Pavlovskaya, S.V. (2017). Nekotorye podhody k issledovaniyu torgovoj integracii v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Some approaches to the study of trade integration within the Eurasian Economic Union]. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, № 1. S. 84—96.
8. Problemy implementatsii i ozhidayemye efekty Soglasheniya o svobodnoy trgovle mezhdu Evraziyskim ekonomicheskim soyuzom i Sotsialisticheskoy Respublikoy Vietnam (2018) [The Problems of

Implementation and the Expected Effects of the “Eurasian Economic Union — Vietnam” Free Trade Agreement]. Redkollegiya v sostave: S.P. Glinkina. A.G. Pylin, Nguyen Quock Hung. Moskva: Editus. 260 s.

9. Proekt «Tamozhennyj soyuz Rossiya — Belarus — Kazahstan: 5 let nazad i perspektivy» (2016). [The project “Customs Union Russia — Belarus — Kazakhstan: 5 years ago, and prospects”]. Vьетнамская Akademiya obshchestvennyh nauk. Hanoi.

10. Pylin A.G. (2017). Vneshnetorgovoe vzaimodejstvie EAES i Vьетnama v kontekste sozdaniya zony svobodnoj trgovli [Foreign trade interaction of the EAEU and Vietnam in the context of creating a free trade zone]. *Rossiia i sovremennyj mir*, № 5. S. 164—176.

11. Quan hệ thương mại Việt-Nga vẫn còn nhiều dư địa để phát triển [Trade relations between Vietnam and Russia still have many development opportunities]. Retrieved on 14.03.2019 from URL: <https://bnews.vn/quan-he-thuong-mai-viet-nga-van-con-nhieu-du-dia-de-phat-trien/115636.html>.

12. Shpakovskaya, M.A., Kuklin, N.S., Vu Thuy Trang (2018). Vietnam v realizacii koncepcii bolshogo evrazijskogo partnerstva [Vietnam to implement the concept of a large Eurasian partnership]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya*, № 2 (39). IV RAN. S.136—145.

13. Statistika vneshnej i vzaimnoj trgovli tovarami (2019) [Statistics of foreign and mutual trade in goods]. M.: EEK. Retrieved on 19.04.2019 from URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx.

14. The Long View: How will the global economic order change by 2050? (2017) Retrieved on 18.05.2019 from URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf>.

15. The Wealth Report 2019. Knight Frank, 2019. 112 p.

16. Tinbergen J. (1962) Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: Twentieth Century Fund.

17. Vu Thuy Trang (2017). Izmeneniya mezhdunarodnoj politicheskoy obstanovki i ih vozdejstvie na Vьетnam [Changes in the international political situation and their impact on Vietnam]. *Vьетnamskie issledovaniya*, № 7. S. 109—126.

18. World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2018. 671 p.

19. World Economic Forum: The Global Enabling Trade Report 2014. 353 p.

20. World Economic Outlook. IMF (2019). Retrieved on 19.04.2019 from URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO>.

For citation: Pavlovskaya S.V., Shavruk Yu.A., Do Huong Lan (2020). Economic cooperation of Belarus and Vietnam in the context of integration within the EAEU. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no. 1. P. 28—38.

Authors:

Pavlovskaya Svetlana V., Ph.D. (Economics), Associate Professor, Deputy Dean, Belarus State Economic University. ORCID: 0000-0002-7839-6696. E-mail: pavlovskajasw@gmail.com

Shavruk Yulia A., Ph.D. (Economics), Associate Professor, Deputy Dean, Belarus State Economic University. ORCID: 0000-0003-3934-6829. E-mail: julia.shavruk@gmail.com

Đỗ Hương Lan, Ph.D. (Economics), Associate Professor, National Economics University, Hanoi, Viet Nam. ORCID: 0000-0001-7586-0767. E-mail: dhlan6576@yahoo.com

Article history:

Received: September 18, 2019

Received in revised form: February 28, 2020

Accepted: March 10, 2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10004

Lena Bucatariu, Babu George

CUSTOMER RELATIONSHIP MANAGEMENT PRACTICES TO PROMOTE MENTAL HEALTH SERVICES: A STUDY IN HO CHI MINH CITY, VIETNAM

Abstract. Given the reported high incidences of depression related suicides in Ho Chi Minh City (HCM City) Vietnam, a phenomenological case study was conducted to assess the profiles of mental health providers and their customer relationship practices. The study presents findings from eight in-depth interviews with Mental Health (MH) doctors and marketers at public and private facilities about activities used to attract and retain customers, their effectiveness, and the challenges encountered. The trade publications and also the scholarly literature would indicate progressively increasing use of marketing skills at both public and private MH providers, through social marketing campaigns, anti-stigma and MH awareness, social media marketing, Search Engine Optimization (SEO), digital platforms, and tech-enabled Customer Relationship Management (CRM), despite the fact that there is a recurring undersupply of mental health care services. In somewhat of a contrast, findings from interviews for the HCM City showed that government-affiliated providers were reactive, dependent on direct transfers and unconcerned about retention or CRM. Investments in CRM and marketing in general were limited and non-strategic in the State sector; marketing communication materials were of limited effectiveness and quality, even among mid-tier private providers. In contrast, upscale private clinics used a repertoire of tools including Facebook Business pages, YouTube.com clips, content-rich websites, blogging, toll-free numbers and workshops. Through innovation and client-focus, upscale private MH clinics derived a major source of business from Word of Mouth (WOM). Some challenges to MH usage that we identified were stigma, gender roles, unethical doctor behaviors, poor quality of MH education, and practice. Also, many providers had a difficult time educating individuals about the symptoms and treatment of mental illness, and outreaching with the MH service delivery to induce trial.

Keywords: Digital marketing, mental health, consumer behavior, CRM (Customer Relationship Management), psychology, psychiatry, Ho Chi Minh City, Vietnam.

Introduction

In a period of unprecedented economic growth following Vietnam's reform, WTO membership, and TPP signing [Dezan & Das 2017], there is increased pressure on Vietnam's youth and workforce to perform in a global economy [Le 2018]. As a result, a host of mental health indexes are at dangerous levels, including record-high suicide rates, depression, anxiety, addiction (especially alcohol, tobacco, and gambling), personality disorders, and other mental afflictions [WHO 2014]. The World Health Organization ranked suicides as the second most pervasive cause of death among people aged 15—29 [WHO 2014], with the highest suicide rates in low-middle income countries, especially in South East Asia [WHO 2014]. By 2013, over 16 % of Vietnamese teenagers of 13 to 17 had expressed suicidal thoughts or intentions [WHO 2014]. By comparison, results from Cambodia were one third at 6 % [WHO 2014], and Thailand's rate was two thirds at 12 % [WHO 2014], respectively.

To make matters worse, supply and quality of mental health care offerings are often inadequate [WHO 2014], an issue further exacerbated by low awareness and poor customer attraction and

marketing skills of most existing providers [Le 2017]. To illustrate, according to most recent data available, Vietnam had only 59 mental health outpatient facilities, or 0.07 per 100,000 population and only 32 mental hospitals or 0.04 per 100,000 people. Also, there were only 1,01 psychiatrists (and an additional 0.3 in training) available per 100,000 people and 0.03 trained psychologists per 100,000 people [WHO 2014]. By comparison, Russia had 4,173 mental health outpatient facilities or 2.97 per 100,000 people, 11.61 % psychiatrists per 100,000 citizens and 5.42 psychologists per 100,000 people [WHO 2014]. Even among its Asian peers, Vietnam's mental health workforce lags far behind SE Asia average of 4.8 and global average of 9. In contrast, the highest supply is in Europe, at 43.5 mental health workforce per 100,000 population [WHO 2014].

The problem identified for this study is low usage of Mental Health (MH) services, which manifests as high rates of suicide and depression affecting the Vietnamese workforce [WHO 2014], low awareness and knowledge of MH services among patients [Le, 2017], and limited variety and effectiveness of marketing activities used by MH providers [Tran, 2017].

According to the literature, the decision-making process for mental health services follows the key stages highlighted by Schiffman and Kanuk (2010) reproduced in Figure 1:

Fig. 1. Stages in the consumer decision-making process.

Source: [Schiffman & Kanuk 2010]

However, unlike routine business-to-consumer services such as car washing or getting a haircut, *Problem/Need identification* stage in mental health is less salient due to the intangible, subjective nature of the service outcome, and *Evaluation of alternatives* stage is less immediate due to lack of pre-established criteria [Belch & Belch 2012; Kotler & Armstrong 2010].

More developed economies are characterized by high awareness and understanding of MH due to past social awareness campaigns [Chapman Walsh & Rudd 1993] supported by large budgets both in the public and private sectors [Brohan 2017]. In Western markets, MH marketing communications are mainly driven by digital, online, and mobile initiatives such as social media, AdWords, and are predominantly “mobile-first” [Hawn 2009]. Customer Relationship Management (CRM) activities are well-established and often take advantage of web/mobile delivery of service [Mook 2011]. Thirdly, service seeking is often patient-initiated as prospects feel empowered [Calfee 2002] and more likely to display self-help behaviors [Chang 2005].

Specifically for Vietnam, the mental health industry is plagued by the traditional view as “illness” not wellness [Manderscheid et al. 2010], state monopoly, focus on severe cases [Tran 2017], and limited marketing activity in both public & private MH care [Le 2017]. Gaps in the literature include prevalence of medical-focused studies and a dearth of marketing-related studies (Burgess, 2015; Lipscomb et al., 2004), with studies skewed to quantitative methods and coming mostly from developed economies Mainly in Western or developed countries [Boehnlein 2006; Bright 2017; Carr 2009], and almost none from Vietnam [Tran 2017]. Since awareness and knowledge of service are key drivers to increase consumption [Schiffman & Kanuk 2010], by conducting this study and deriving market insights it is hoped to partly attenuate the problem. Thus, increased usage of MH can help to strengthen Vietnam's labor force plagued by 40,000 suicides/year, of which 75 % from depression [WHO 2014], reduce the rate of 86 % workers that have occupational stress [Thanh 2016], while enriching the body of research for MH from a marketing — not medical — angle, uniquely tailored for MH industry in Vietnam and provide best practices to MH clinics/hospitals [Siggall 2004].

The research questions we address in this paper are: 1) Which are the key activities used for marketing mental health services among Vietnamese in HCMC? 2) Which marketing activities are most effective in attracting and retaining customers for mental health services among Vietnamese in HCMC? 3) What are some key challenges to marketing mental health services among Vietnamese in HCMC? To answer these questions, the study employs a phenomenological qualitative approach to show “how we as humans make sense of the world” [Saunders et al. 2012: 137]. Based on the interpretivist philosophy, the article uses text as a proxy for experience [Creswell 2007] and inductive reasoning to “explore phenomena, identify themes and patterns” [Ibid 2012: 144]. Qualitative in-depth interviews were conducted with 8 experts in MH marketing & delivery (doctors, counselors, lecturers, clinic owners). Themes were derived through open coding and in vivo codes using respondent’s natural key words [Saunders et al. 2000], followed by focused coding and axial coding to establish relationships [Saunders et al. 2000].

Methods

To estimate the total population of potential interviewees, the following numbers were considered: 900 currently employed psychiatrists, 20 post-graduate professors of Psychology and Psychiatry, 120 practicing psychologists, 35 state sector MH hospitals and state-affiliated MH clinics, 16 public clinics of psychology in HCM City, and 32 private psychology and mental health clinics in HCM City — to ensure fair representation of both public and private sector respondents. The population excluded 950 medical doctors with non-psychiatric training, 400 trained psychiatric doctors that changed to non-MH careers, and all 6 international MH wards that treated expatriates in HCMC. The initial contact list was created by combining direct respondent contact details (doctor’s or marketer’s) with organizational type of contact data (hospital’s or clinic’s general contact details).

To maximize the richness of the sample, the researcher used a combination of snowballing and heterogenous purposive sampling strategy to help uncover differing themes between the perspectives of public v. private MHC specialists. Since snowballing was more likely to yield experts that had the desired inclusion characteristics and openness towards being interviewed, this strategy was employed to supplement the sample from the professional networks of:

- Vice-Dean at the Faculty of Psychology & Psychiatry, Pham Ngoc Thach University of Medical Sciences, HCM City (mainly to reach doctors and psychologists in private clinics);

- Research Director at MAP Research, HCM City (mainly for MH respondents with sales & marketing experts);

- local recruitment agency Karla Recruitment Services, HCM City (mainly to reach doctors in the public sector and some niche respondents).

A pre-screener questionnaire was administered over the phone to ensure participants met the inclusion criteria:

- for doctors: minimum 5 years of relevant work experience in the field of psychology, psychiatry, and/or counselling, with minimum 20 % of their time dedicated to marketing activities, e.g. participation at MH awareness events, talks at MH conferences, free consultations for volunteering, etc.;

- for marketers: minimum 2 years of work experience in a marketing or sales position for a mental health care practice located in HCMC, state or private, e.g. hospital of psychology/psychiatry, MH clinic, wellness and counselling clinic, NGO/charity for MH.

Eight was found to be a suitable number since smaller sample sizes of 3 to 10 subjects have been recommended for phenomenological studies [Creswell 2007]; saturation became visible after

around 6 participants, when answers started to converge [Saunders, Lewis, & Thornhill, 2000]. As a result, eight face-to-face qualitative in-depth interviews were conducted with experts involved in marketing of mental health, among which psychology professors, trained psychologists, psychiatric doctors, sales and marketing experts at public and private mental health institutions. Demographically, the 8 experts interviewed were 2 female and 6 male aged 30—60+ with a spectrum of relevant backgrounds: one owner of a state clinic focused on criminal psychology, two doctors at two state hospitals of which one is also a psychology lecturer, that had private evening clinics, one owner of a premium clinic treating local celebrities, one younger doctor at an LGBT clinic operating mainly through B2B (business-to-business) referrals, one HR consultant in occupational psychology, one published book author who owns a child psychology center, and one public speaker and counselor specializing in marriage counseling).

Care was taken to minimize the incentive's downsides, e.g. inconsistent reduction in non-response errors, changing the sample composition (all respondents that did not meet inclusion criteria were simply not contacted, not included in the sample, and therefore not incentivized), or the possibility of data fabrication by validating the respondents through visit at office (hospital, clinic) and performing a spot check on the activities claimed. Each respondent signed an IRB approved Consent form to confirm voluntary participation in the study. The researchers' understanding of and personal or professional experience with mental health needed to be considered when investigating potential biases in qualitative studies. The services of bi-lingual local Vietnamese research assistants were used to provide additional explanations and clarifications on less salient meanings and cultural realities, e.g. prejudice and superstitions.

Findings

To ensure that findings “lead to actionable and evidence-based recommendations” that MHC providers would be able to readily apply [Guest et al. 2013: 77], data analysis for this study relied on “description of the experiences of participants” [Creswell 2007: 59] with minimal introduction of the researcher's interpretation.

The key themes pervasive in MH sphere in Ho Chi Minh City, Vietnam have been found are:

1) MH need is unrecognized or misunderstood by the consumer as there is 2) low profile of MH education and practice compounded by 3) complacent, reactive marketing in the state sector. However, there is a growing consumption of MH services among the more affluent segments encouraged by 4) more proactive and developed marketing in the private clinic sector. In the following sub-sections, these themes are substantiated by highlighting relevant excerpts from interviews.

Theme 1: It refers to the patient's inability to recognize need or to incorrectly label the need, as the patient does not have sufficient understanding of what mental illness and mental wellness mean, how they manifest themselves and how they affect one's ability to function cognitively and emotionally. The following are a sample of respondent quotes to support this theme:

- “A disorder like psychosis triggers loss of insight, that means they don't know they're ill, they don't have self-awareness”. (Psychiatrist at private clinic and psychology lecturer);
- “In Vietnam, older people in low-income families still think that mental illness is a curse, karma for the mistakes of the parents”. (Owner at child psychology center, book author);
- “Some patients think that mental health service is a scam for doctors to get rich”. (Owner at state clinic on criminology).

Theme 2: It refers to the lower importance and emphasis placed on MH as an area of study and training as well as an area of medical practice. This situation results in lax entry barriers to both

the education and industry of MH, as well as leaving opportunities for unethical practices. The following are a sample of respondent quotes to support this theme:

- *“There are many life-and-death specialties — Oncology, Cardiology, Surgery for trauma — they are the stars.” (Psychiatrist at state hospital);*
- *“When I failed the university entrance exam into Journalism, my friend recommended going for Psychology: there was less competition and I can enter with a lower score.” (Psychologist counselor at a private clinic);*
- *“In Vietnam, there is no standardization, no government body to control.” (Marriage counselor).*

Theme 3: It refers to market realities in the public sector, where patients lack choice as a result of limited affordability and dependence on social health insurance, hospitals are congested due to transfers from non-MH department or lower-tier medical institutions, and most providers have limited or no marketing budget and manpower. The following are a sample of respondent quotes to support this theme:

- *“I feel sorry for some [patients] — they live as far as half a day away, they take a 4 AM bus from another province to come see me because only this hospital offers SHI [social health insurance] reimbursement for their illness.” (Psychiatrist at state hospital);*
- *“We already have too many patients. We don’t need to market to get any more.” (Owner at state clinic on criminology);*
- *“Communications about MH are about 1 in 10 and not very effective; they [state agencies] put up banners on Suicide Prevention Day, and published a few PR articles but far between.” (Psychiatrist at private clinic and psychology lecturer).*

Theme 4: It refers to the presence of a wider repertoire of basic and advanced media and communication tools among private MH care providers, especially high niche players, with some elements of segmentation, IMC strategy, some integration of digital offline channels that follow the consumer’s journey and readiness stage. The following are a sample of respondent quotes to support this theme:

- *“We do psychological assessments for LGBT (...), only adults though.” (Psychologist counselor at a private clinic);*
- *“Our website will rank high because we invest in SEO and we have many visitors and page views.” (Private counseling clinic focused on celebrities);*
- *After I speak on TV or radio shows, I get a lot of Facebook inquiries from people who need my advice.” (Marriage counselor);*
- *“From the very first step, everything is kept private. The client rings the doorbell and is invited in, like a guest in a rich man’s home.” (Private counseling clinic focused on celebrities);*
- *“We always keep track of our clients’ progress.” (Private counseling clinic focused on celebrities).*

Still, mid-market private providers are more likely to struggle:

- *“We cannot afford a skilled full-time marketer on our payroll.” (Owner at a child psychology center, book author).*

Discussion

In answer to the research questions, the study unveiled some complex market realities. For the spectrum of marketing activities used in research question 1) there is a major gap in both intensity and quality of marketing activities between new versus established providers as well as between public versus private institutions. In detail, new, private providers use word of mouth and refer-

rals from networking with personal, academic, and professional contacts, and some B2B outreach efforts. More established, private influential experts rely on the publication of books, TV and radio shows, and offline events to promote themselves. Individual doctors migrate from state hospital daytime jobs to home evening clinics, and private clinics with higher budgets use Facebook ads and cured content, youtube.com demonstration clips, and Search Engine Optimization tools (SEO). State providers are all well-established and benefit from direct patient transfers from non-MH specialties, and from lower-tier clinics. The Ministry of Health maintains limit and basic communications on MH on the official online channel www.t4g.vn. Few state hospitals do basic communications of MH on their website, and there have been occasional government awareness campaigns about suicide through offline posters and fliers.

For the effectiveness of marketing activities in research question 2) Attraction & Retention activities are skewed to private providers, which attract users through trust-building activities and human connection and retain them based on meaningful follow-ups. In detail, state hospitals do not appear interested in attracting new patients, as they already experience patient overload from transfers and lower-income segments tied to social health insurance (SHI). Private clinics make efforts to attract users, and the most effective tools are word of mouth, helpline, trust-building and demonstration activities e.g. Facebook live stream of talk shows, proprietary youtube.com clips of the simulated counseling session, targeted/segmented communications on digital platforms, e.g. google keywords, website call-to-action. For retention, the most effective tools include communication through interactive platforms with frequent reminders e.g. face-to-face conversations at workshops, doctor's reply on Facebook Messenger, outbound calls and SMS to remind of the next appointment, and structured long-term treatment plans centered around the patient's growth.

For challenges to marketing MH services in research question 3) Lack of awareness and/or the consumer misunderstanding the MH service is the key challenge for all providers new or established, public or private. The second and third top challenges i.e. limited marketing investment and unethical service affect mainly state providers and some mid-range private clinics. In detail, institutions are affected by product and customer challenges such as the fact that MH patients are unaware of illness due to loss of insight, there is little mass communication from government, the inability of the providers to tangibilize the benefit, and for a minority of patients, the issue of past experience with unethical doctors. On a macro level, MH poses difficult cultural barriers such as stigma, traditional gender roles (it is not acceptable for men to show signs of weakness), and superstitions e.g. mental illness is seen as being possessed by a demon. At the industry level, institutions are affected by limited communication and investment from central government, limited self-funded budgets for private providers, MH higher education that is uncompetitive and outdated to prepare new doctors, as well as lax legislation and oversight. As a result, the industry is plagued by unethical behaviors of unqualified doctors entering the workforce and providing inadequate care to cash-strapped, un-discerning users.

Implications for practice

By compiling data from all respondents and re-grouping them, three profiles of MH institutions have been identified, with suitable marketing recommendations given for each: 1) The Complacent, 2) The Constrained, and 3) The Advanced. In detail, the Complacent tend to be state hospital or state-owned clinic, serving low-income users; this profile has a monopoly on patient transfers, use limited online communications such as website, and do not invest in activities to attract or retain users. For this provider profile, it is recommended that the policy-maker a) invests in a national Mental Health Fund [Le 2017] to sponsor high-scale social campaigns as is the case in more deve-

veloped countries, and b) to tighten entry criteria into MH education & practice. Second, The Constrained profile is more likely to be private-operated, have a broad “mass” consumer target, with a limited marketing budget and skill, as well as some investment in Customer Relationship Management (CRM) via encouraging follow-up visits, but weak long-term retention due to lack of regular communications. For this profile, it is recommended to utilize freely available marketing materials such as white papers and YouTube.com tutorial videos in the local language, as well as seeking pro bono training from local marketing associations and/or schools. Third, The Advanced provider group tends to be niche clinics with a suitable marketing budget and skill, using Integrated Marketing Communications (IMC), monitored through Key Performance Indicators (KPI). This profile group are more client-focused, supported by strong online content for the attraction (SEO, social media, Livestream), high-conversion from offline activities (workshops), and a dedicated CRM system for long-term retention. For this provider group, the recommendations are to hire external consultants such as from PACE Institute of Management to fine-tune in-house skills on digital media, customer service.

Recommendations for future research

The current study has a number of limitations; namely it was conducted in one location, employing the qualitative approach which means that findings cannot be generalized. For inclusion criteria, only 8 experts were interviewed, derived through purposive sampling and snowballing, and no patients were surveyed, which results in a lack of “customer voice”. To atone for the limitations identified above, it is recommended that future research on the topic include users of mental health services or at least a survey on the general public’s opinion; insight from policymakers e.g. Ministry of Health on anti-stigma campaigns and HR recruiters to better gauge the impact of stigma in staff hiring and retention; and an extended geographic area to include other regions e.g. North Vietnam and second-tier towns or rural areas for a more comprehensive view of challenges. To take the investigation one step further, future studies could include discourse analysis in the form of detailed investigation of themes in the execution of marketing communications for MH e.g. a comparison between PPC ads, Facebook posts, and YouTube.com videos from various providers; or perform testing and experiments to gauge the effectiveness of alternative marketing materials for MH awareness and prevention.

References

1. Brohan, M. (2017, March 22). Half of hospitals’ marketing budgets go to digital initiatives. Retrieved from Digital Commerce: URL: <https://www.digitalcommerce360.com/2017/03/22/half-hospitals-marketing-budgets-go-digital-initiatives>.
2. Calfee, J. (2002). The Role of Marketing in Pharmaceutical Research and Development. *Pharmacoeconomics*, no. 20 (3). P. 77—85.
3. Chang, T. (2005, November 1). Online Counseling: Prioritizing Psychoeducation, Self-Help, and Mutual Help for Counseling Psychology Research and Practice. *The Counseling Psychologist*.
4. Chapman Walsh, D., & Rudd, R. (1993). Social Marketing for Public Health. *Health Affairs*, no. 12 (2).
5. Creswell, J. (2007). *Qualitative Inquiry and Research Design*. Thousand Oaks, CA: Sage.
6. Enthoven, A. (1988). Managed Competition: An Agenda for Action. *Health Affairs*, vol. 7, no. 3. P. 25—47.
7. Hawn, C. (2009). Take Two Aspirin And Tweet Me In The Morning: How Twitter, Facebook, And Other Social Media Are Reshaping Health Care. *Health Affairs*, no. 28 (2).

8. Le, T. T. (2017, November 12). Marketing Practices for Mental Health in HCM City (N. P. Nguyen, Interviewer).
9. Mook, B. (2011, October 7). Johns Hopkins pair mines 2 billion tweets for patterns in health care information. *The Daily Record*.
10. Saunders, M., Lewis, P., & Thornhill, A. (2000). Research methods for business students. Harlow: Financial Times/Prentice Hall.
11. Schiffman, L., & Kanuk, L. (2010). Consumer Behavior. New Jersey: Pearson Prentice Hall.
12. Sigall, B. (2004). Help the Community, Help Yourself. *Hawaii Business*, no. 49 (10). P.12.
13. Tran, V. C. (2017). Mental Health Care in Vietnam. *Taiwanese Journal of Psychiatry*, no. 31 (4). P. 287—299.
14. WHO (2014). Mental Health Atlas. Geneva: World Health Organization.
15. Yilmaz, K. (2013). Comparison of Quantitative and Qualitative Research Traditions: epistemological, theoretical, and methodological differences. *European Journal of Education*, no. 42 (2). P. 311—325.

For citation: Bucatariu L., George B. (2020). Customer relationship management practices to promote mental health services: a study in Ho Chi Minh City, Vietnam. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no 1. P. 39—47.

Authors:

Bucatariu Lena, Lecturer, RMIT Vietnam, Ho Chi Minh City, Vietnam, School of Communications and Design. ORCID: 0000-0001-6015-9054. E-mail: lena.bucatariu@gmail.com

George Babu, Ph.D. (Management), Associate Professor, Fort Hays State University, United States, College of Business and Entrepreneurship. ORCID: 0000-0002-2791-828X. E-mail: bpgeorge@fhsu.edu

Article history:

Received: February 04, 2020

Received in revised form: February 25, 2020

Accepted: March 03, 2020

Лена Букатариу, Бабу Джордж

ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЯМИ С КЛИЕНТАМИ В ЦЕЛЯХ СОДЕЙСТВИЯ ИХ ПСИХИЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ: ИССЛЕДОВАНИЕ В Г. ХОШИМИНЕ, ВЬЕТНАМ

Аннотация. В связи с информацией о большом числе самоубийств, связанных с депрессией, в г. Хошимине было проведено феноменологическое тематическое исследование для оценки профилей лиц, оказывающих психиатрическую помощь, и их практики отношений с клиентами. В исследовании представлены результаты восьми углублённых интервью с врачами и маркетологами в государственных и частных учреждениях, занимающихся вопросами психического здоровья, о деятельности по привлечению и удержанию клиентов, её эффективности и возникших проблемах. Публикации по вопросам торговли, а также научная литература свидетельствуют о постепенном расширении использования навыков маркетинга как государственными, так и частными поставщиками услуг в области психического здоровья путём проведения кампаний социального маркетинга, повышения осведомлённости о стигматизации и охране психического здоровья, маркетинга в социальных сетях, оптимизации поисковых систем, использования цифровых платформ и управления отношениями с клиентами (УОК) с использованием технических средств, несмотря на то, что постоянно наблюдается нехватка услуг по охране психического здоровья. В то же время результаты опросов, проведенных в г. Хошимине, свидетельствуют о том, что государственные поставщики услуг не были заинтересованы в управлении отношениями с клиентами. Инвестиции в УОК и маркетинг в государственном секторе в целом являлись ограниченными и нестратегическими; информационные материалы по маркетингу имели небольшую эффективность и невысокое качество даже среди частных поставщиков услуг среднего звена. В отличие от этого крупные частные клиники использовали разнообразные методы, включая страницы Facebook Business, клипы YouTube.com, информационно насыщенные сайты, блоги, бесплатные номера и семинары. Благодаря инновациям и ориентированности на клиентов частные клиники психического здоровья с более высоким уровнем развития приобрели важный источник бизнеса из Word of Mouth (WOM). К числу выявленных авторами проблем в охране психического здоровья относится стигматизация, гендерные роли, неэтичное поведение врачей, низкое качество образования и практики в области психического здоровья. Кроме того, многие лица, оказывающие медицинские услуги, испытывают трудности с информированием людей о симптомах и лечении психических заболеваний, а также с пропагандой услуг в области охраны психического здоровья с целью привлечения пациентов для лечения.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, психическое здоровье, поведение потребителей, управление отношениями с клиентами, психология, психиатрия, г. Хошимин, Вьетнам.

Для цитирования: Букатариу Л., Джордж Б. Практика управления отношениями с клиентами в продвижении услуг в области психического здоровья: исследование в г. Хошимине, Вьетнам // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 39—47 (на англ. яз.)

Авторы:

Букатариу Лена, преподаватель, Университет РМИТ Вьетнам, г. Хошимин. ORCID: 0000-0001-6015-9054. E-mail: lena.bucatariu@gmail.com

Джордж Бабу, к.н. по менеджменту, доцент, Государственный университет Форт-Хейс, США. ORCID: 0000-0002-2791-828X. E-mail: bpgeorge@fhsu.edu

Продвижение статьи:

Дата поступления: 04.02.2020

Дата поступления в переработанном виде: 25.02.2020

Принята к печати: 03.03.2020

История и культура

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10005

Dang Kim Oanh, Nguyen Thi Mai Hoa

THE 1968 MAU THAN EVENT IN SOUTH VIETNAM AND THE WHITE HOUSE POLITICAL CRISIS

Abstract: Tet Mau Than 1968 was the event that made a turning point in decision making in the 21-year war in Vietnam (1954—1975). Tet Mau Than 1968 was a real earthquake, directly impacting the internal situation of the White House, even putting an end to the career of a US President. For these reasons, the Tet Mau Than 1968 event in South Vietnam and its consequences always attracted the attention of researchers, historians, and military generals from many countries. “Tet Mau Than 1968” event, many issues have been posed, many comments and assessments about this historical event are still different, even opposing. The article focuses on clarifying the impacts of this event on the political atmosphere of the United States, leading to the crisis of powers in the White House, creating significant changes in Vietnam's war way decisions that Washington pursues.

Keywords: Mau Than 1968, South Vietnam, political crisis, White House.

Background

The Tet Mau Than 1968 event in South Vietnam has not only become a hotly debated topic for Vietnamese and American academics, but has also attracted the interest from many historians in the world and there are quite a number of different opinions and researches when evaluating the Mau Than 1968 event in South Vietnam.

American history professor Gabriel Kolko once considered the Tet Mau Than 1968 as the “most important and most complex” [Kolko 1991: 280] event of the war between the United States and Vietnam. Many American authors mentioning “Tet Mau Than” also proved confused in predicting the goals that Hanoi set for the offensive. G. C. Herring wrote: “It is very likely that the general offensive was set in a fairly optimistic mood. But there is no sign that Hanoi thinks the general offensive will be decisive” [Herring 1998: 240]. According to Davidson (former Director of Intelligence Department, US Military Aid Command from June 1967 to May 1969), “no reputable historian accepted that the United States had a military defeat on Tet” [Davidson 1992: 54]. General W. Westmoreland did not acknowledge Bac Viet’s military victory on the battlefield [Westmoreland 1976: 331], or as Marilyn B. Young, John J. Fitzgerald and A. Tom Grunfeld also said that, “technically, the Tet offensive was a military failure for the National Front for the Liberation” [Young, Fitzgerald and Grunfeld 2002: 86]. Similar to W. Westmoreland some other scholars like Don Oberdorfer [Oberdorfer 1988: 180], Phillip B. Davidson [Davidson 1988: 473] always said that the communists had lost on the battlefield and that Tet was a military victory of the United States.

It can be seen that the conclusions, assessments and explanations of the “Tet Mau Than” as above are relatively common in the US and many Western countries based on two main bases:

1 — after a stunned period, the US and Saigon army regained composure, counter-attacked fiercely, regained control of the cities, pushed the Liberation Army away from the fringes, plains and traffic hubs, military bases...; 2 — from the traditional military viewpoint of the US and Western army on victory and defeat.

The failure of the US military was not recognized in the “Tet” event, but the scientists realized the importance of this event to the outcome of the war, considering it as “one of the most decisive battles in American history” (accordingly, military victory and defeat is based on the movement of the battle line between the two sides and the statistics of enemy losses are a milestone of military victory); even ranking it in the ranking of the most decisive battles of the twentieth century [Davidson 1988: 473]; and also, recognized the tremendous psychological impact of this event [Frankland and Dowling 1976]. It should also be emphasized that the Western scholars mainly refer to the impact of the “Tet” event on psychology and politics in general, with little mention of its actual impact on the balance of power at the White House.

In Vietnam, in the seminars and books on the 21-year war (1954—1975), when discussing the Mau Than 1968 event, most researchers agreed that: the army and the people of the North Vietnam has achieved a great strategic victory. However, it is also suggested that, based on the comparison of the initial goal set for the “Tet Mau Than” offensive and the results achieved as well as on the basis of counting losses during and after “Tet Mau Than” ... has come to the conclusion: “In first round, we win, after we lose; that's a tie” [Westmoreland 1976: 331]. See also [Brodie 1976: 321; Maclear 1984: 274; Duiker 1983: 63—64; Young, Fitzgerald, Grunfeld 2002: 86]. Some authors also affirmed: “Tet Mau Than” in 1968 “did not create an upward development of the southern revolutionary war, did not change the outcome of the battlefield in our favor; for a worse situation in 1968” [Hoang Van Thai 1988]. There was a researcher who suggested that the “Tet Mau Than” victory should be rated as “a big ambush, a strategic raid that won a great victory” [Department of Military Science 1986: 2469].

Russian scholars while carefully investigating the history of American war in Vietnam gave positive but cautious assessments of the success of the revolutionary forces [Lokshin 2018; Mazyrin 1978: 19—20].

Mau Than 1968 event in South Vietnam

The “Mau Than” plan was drafted quite early, right from the first months of 1967. During the two years 1967—1968, the Central Politburo of the Vietnam Labor Party, the Central Military Commission and the General Command of Vietnamese Army had many meetings to calculate, discuss, consider and gradually complete the 1967—1968 Winter — Spring Strategic Plan.

From October 20 to October 24, the Politburo met more specifically about guidelines and strategic plans in 1968. This was a very important conference to decide the Tet Mau Than offensive plan. The Politburo decided on a new method of offensive, a new method of battle with the high effect: Suddenly and simultaneously hit strongly urban areas across the Southern region. All of this strategic intent were kept strictly confidential: a) no discussions at the Central level; b) in the General Staff, only the person assigned to make the plan knows about this new policy.

On December 28, 1967, the Politburo held a special meeting, officially adopted a strategic plan in 1968. In January 1968, the Conference of the Central Committee of the Vietnam Labor Party in the 14th meeting, passed the Politburo’s resolution in December 1967, deciding to implement the General Offensive — General Revolution. Speaking at the Conference, First Secretary Le Duan noted that, although the US was passive, in a difficult position, “but it was strong ... so we must know how to wind it” [Tran Do 1988]. In order to do so, it was not possible to fight in the old

way, “but to go through a new phase, that is, the stage of general offensive-general revolution, it is capable of crushing its will to invade; make it really disintegrate, force it to come and sit with me, negotiate with us” [Voice recordings]. Not being able to fight in the old way means not being able to fight in a sequential manner, fighting seasonally, the period [voice recordings] but having to surprise and simultaneously hit cities in the South, aiming to “change the situation, change the outcome, strategic development on the battlefield” [Van Tien Dung 1998: 40]. The sentence “we cannot fight the old way” is that Le Duan wanted to emphasize the implementation of the General Offensive and general appraisal to focus the combined strength of the Southern Revolutionary War by fighting into the pharynx, striking the opponent's heart and the most sensitive moment in American political life, forcing American leaders to go down the ladder of war.

Thus, Tet Mau Than is aimed at realizing the strategic goals of the Vietnam strategic policy in the following aspects: 1- expose the whole process of American failure on the battlefield both in militarily and politics; 2- reveal the mistakes of strategy and the way of managing the war of the White House and US generals on the battlefield; 3 — “Tet” is also a celebration of Hanoi's will, strength and the art of managing the war [Defense Archive: 1162].

With all those goals, on the night of 29th day and at the daybreak of January 30, 1968 (the New Year's Eve according to the Western calendar), the army and people of the coastal plains of Central Region and Central Highlands simultaneously attacked the cities, towns, districts and a series of bases, warehouses, headquarters, airports, ports ... of the enemy, opening the general offensive and insurgency simultaneously across the Southern battlefield. After nearly 2 months of the General Offensive and the Mau Than 1968 Rebellion, the South Vietnam liberation forces and people destroyed and disintegrated a large part of US and Saigon troops, causing the US and their satellites in South Vietnam heavy casualties in people and means of war, resulting in a decline in morale, leading to internal political struggles within the US government.

Political crisis in the White House under the impact of Tet Mau Than 1968 event

True to the strategic goals that Hanoi calculated and set out, the Tet Mau Than 1968 Offensive caused the White House situation to be chaotic and contradictory, first of all revolving around urgent solutions in response to the Mau Than event itself.

Shortly after the “Tet Mau Than” broke out, the Joint Chiefs of Staff of the US Army and general Westmoreland urged Johnson to increase troops to South Vietnam. At the request of the US Joint Chiefs of Staff, it was US Secretary of Defense R. McNamara who was the first to oppose this request as well as the intention to expand the scope of bombing and blockade of Hai Phong port. Directly involved in US policy during the Vietnam War, until the last months of 1966 and early 1967, R. McNamara began to show little confidence in a swift American victory in South Vietnam; therefore, on November 1, 1967, he wrote to Johnson, frankly telling the President, “what military measures we cannot achieve in Vietnam and therefore we must seek a smaller political goal through negotiation” [McNamara 1995: 306]. However, President Johnson was not ready to accept that and due to disagreements, the relationship between Johnson and R. McNamara was tense and then came to a break.

Despite R. McNamara's objections, in the end, “Westmoreland's request to send 10,500 reinforcements was approved by the President on February 12, 1968”. [McNamara 1995: 306]. For one thing, in order to bind the White House more closely to its commitment to engage more deeply in the war in South Vietnam, the Joint Chiefs of Staff advised the President to call in reserve before sending any units to the battlefield. In this situation, on the one hand, R. McNamara agreed to send 10,500 troops to South Vietnam; on the other hand, recommended that Johnson not encourage re-

serve troops. He saw it as a gesture to protest the belligerent attitude of the Joint Chiefs of Staff and Westmoreland.

In response to the offensive of the General Offensive and the Tet Mau Than Rebellion, which was at its peak, the Joint Chiefs of Staff and General Westmoreland requested additional reinforcement of 206,756 troops to the South — that would have meaning the United States must openly place the country at war, pushing the scale of the war to a new level, the consequences of which are extremely unpredictable. Because of this, request for troops has put White House officials in a daze and sparked fierce controversy among senior Washington officials. Many US congressmen have even completely lost confidence in the victory that the US is pursuing: “I don't believe we can win in South Vietnam...” Clark Clifford had to exclaim: “We (the US) seem to have a bottomless barrel. The more we pour in, the more the enemy will increase. The more fighting, I see, the more it will cause more casualties for the American side and that is what will continue to happen, one after another never stops” [Berman 2007: 49].

At the end of February 1968, a committee of senior American leaders headed by Clark Clifford was established to study/review the request for reinforcements. It is worth mentioning that instead of researching that requirement, the Clifford Commission turned to review all US war policy and military strategy in Vietnam. The reason for the change in the way we approach such subjects is because of the intense and overwhelming impact of the “Tet Mau Than”, Clifford realized that, “when we started talking about the effect of sending 206,000 troops to call in the necessary reserve army, to the precarious character of the dollar, we see that the consequences of that for the country will be really huge. The financial issue is already terrible” [Johnson 1971: 148].

Reviewing Vietnam's policies and the military strategy that the United States was implementing on the battlefield, the Clifford Committee realized that all of the goals that the United States had set were not achieved. The Committee discovered a gloomy truth that the Tet offensive proved that “The United States is further away than we (i.e. the United States) think how far away is that to be considered” [Schandler 1999: 249]. Clark Clifford posed the question: “Does anyone see the enemy having lost their will after 4 years we were there, after heavy losses, after our mass destruction bombings?” [Schandler 1999: 255]. The answer is: No! Indeed, “despite massively sending 500,000 US troops; 1.2 million tons of bombs each year, 400,000 non-combat aircraft annually ... and the United States killing 20,000 people ... but our control of the countryside and the defense in urban areas are now mostly just before August 1965. The more deeply involved, the United States has only come to a standstill” [Schandler 1999: 281].

That allowed Clifford to assert that, “the increase of American troops can only increase the devastation and Americanize the war and thus lead us to leave the goal of peace” [Schandler 1999: 281] and that is more than enough to Clifford came to the conclusion: “Our first goal is to end the involvement and gradually eliminate it”. That means the military line that the United States pursued in Vietnam during the local war years “not only without end but in vain” and “US policy in Vietnam must be considered in the light of US global political — military strategy” [The memory 1993: 19]. For comments for this Recommendation, Don Oberdorfer wrote: It proved that the Committee members have revealed that the US “can no longer control the war” that the US is pursuing in Vietnam. The US leaders at that time must admit that “Tet Mau Than” has put them “at a turning point”, “the solutions to choose came up in a cruel reality” [Oberdorfer 1988: 158].

In the official report to President Johnson of the Clifford Committee, many issues related to US war policy in Vietnam are still open because “they may be too depressed, do not want to come to the final conclusion” [Secret documents 1971: 247] — that shows the fierce contradictions and divisions among the American leadership. Johnson also had to bitterly admit: “Our policy is questioned severely and heavily criticized in Congress” [Oberdorfer 1988: 157]. In the US House of Representatives, on March 18, 1968, 139 congressmen (including 89 Republicans and 41 Democrats

from Johnson) issued a resolution asking the US Congress to review all US policies and strategies in South Vietnam; Congressmen “became increasingly disgusted with the US war strategy in Vietnam” [Memories 1972: 334]. Even Dean Acheson — former US Secretary of State of Truman, who had consistently and strongly supported Johnson's war policy until 15-03-1968, after thoroughly investigating the situation of the Vietnam War, was also forced to tell Johnson: “The President is under the am conspiracy chief coalition deceived. What Westmoreland is trying to do in Vietnam cannot be done without using that economic and military resources completely unrestricted” [Oberdoffer 1988: 63]. Dean Acheson desperately concluded: “The country does not also supports the war” [Puler 1986: 255]. This attitude of Dean Acheson is also the attitude of the “Wise men” — representing American tycoons.

Shortly after Johnson's meeting with Dean Acheson, on March 19, 1968, Clark Clifford, who replaced R. McNamara as US Defense Secretary, asked Johnson to convene meetings of a “Wise Men” senior advisory group to address the issues that the Clifford Committee remained open. Clark Clifford's proposal was actually meant for the senior advisory group — which is behind the American oligarch — to speak out of what the “Clifford Committee” had stated earlier but had not dared to conclude. All of the above forced the President of the United States to report a change of personnel in the government (mainly for some senior generals closely related to the Vietnam War). Therefore, on March 23, 1968, in the Oval Office, in front of the press and television, President Johnson declared: Admiral G. Sap, who advocated increasing troops into the South, pushing strongly bombed the North, relinquished the position of Pacific Commander. General Westmoreland resigned as Commander of the US Military Aid Command in Saigon (M.A.C.V). General Creighton W. Abrams — Westmoreland's deputy in the MACV was called back to Washington to “argue” about the US military plan in South Vietnam ... On March 23, 1968, Johnson sent General Earle Wheeler secretly flew to the US military base in the Philippines to meet Westmoreland. There, he informed Westmoreland that the 206,000 troops he and Westmoreland had requested for reinforcement had been completely rejected, and the “find and kill” strategy was being criticized in the United States. He asked Westmoreland, while still in South Vietnam, to find an alternative name for “find and kill”.

For two days, March 25 and 26, 1968, the senior advisers group “Wise Men” met in Washington to formally express their views on the Vietnam War. In order to have a basis for decision making, the “Wise Men” group had previously met with important government officials and listened to reports of several other government officials. On March 26, 1968, at the White House, Johnson officially met the “Wise Men” group members. Also attending the meeting were General Abrams, who would replace Westmoreland as Commander of the US Military Command in Saigon and General Wheeler. At this meeting, Henry Cabot Lodge — a former US ambassador to South Vietnam who specialized in monitoring the situation of Vietnam for Kenni and Johnson, asked Johnson to urgently consider moving from “consumption war” strategy and “find and kill” strategy measure to a new strategy. The “turning point” attitude of most of the “Wise Men” group members about the Vietnam War caused Johnson to deeply fluctuate (like Philip C. Habib, General William E. Depuy, etc.). He sadly realized that, if the “wise men” had been affected “by reports of the Tet offensive so badly, how could the ordinary people in this country think about it?” (The new strategy emphasized the role of the US military force as a “shield”, on which the army and government of the Republic of Vietnam must be reorganized to assume the responsibility of war). And so, the “death sentence” for the local US war in Vietnam was proclaimed by the high-ranking advisor's back to end the work the Americans had started for the previous year.

In 1965, when the successful and notorious American troops were launched into the battlefields of South Vietnam, escalating to ravage the North of Vietnam, the White House always believed in an easy, lightning-fast and effective military victory decision. However, the general offensive and the uprising of the Lunar New Year contributed a part to the decision to ignite American ambi-

tion. “Tet” has made the United States realize that “the price to pay for manpower (to accomplish US goals in Vietnam) has now reached a level that can no longer be met without making a call, enlisted a large number of reserve armies and made serious economic adjustments” [Secret documents 1971: 257]. “Tet” has really had a strong, huge impact on the United States and “led to a new era in this seemingly endless war” [Memories 1972: 418].

On March 31, 1968, in the US Embassy's dispatch to Australia, New Zealand, Thailand, Laos, the Philippines and South Korea, the US State Department “emphasized primarily the importance of strengthening the combat effectiveness of the Government of South Vietnam and the Republic of Vietnam Army with the equipment and other necessary American supplies, considers it a top priority in American actions” [Schandle 1977: 504]. In essence, this decision was a saving face for the US by withdrawing gradually and pushing the position of the Republic of Vietnam Army to the first rank. A few hours after the telegram was delivered, on the night of March 31, 1968, President Johnson appeared on statewide television, delivering the most important and most tragic speech in his political life, formally proclaiming America's “honorable” steps back; and also, declared not to run for US President for the next term. The speech immediately caused “intense impact in the United States and around the world”. It proved to be clear: “The United States has passed an important turning point in the war as well as in policy and there is no turning back” [Pribbenow 2008: 25]. Moreover, the Tet Mau Than 1968 “flipped the flag during the Vietnam War, detrimental to the United States and pushed this superpower into a historic disaster” [Secret documents 1971: 568]. US Marine Major-General Brigadier Robert E. Cushman sadly exclaimed: “The God of War helps the Communists!” [Secret documents of The Pentagon: 569]. The Tet Mau Than 1968 Offensive, with repeated attacks, “pushed the country believed to be fighting for Vietnam in a state of dying” [Kloth: 31.01.2008]. In the end, even if he didn't want to lose the war or negotiate, Johnson had to “make the most important decisions during his presidency” [Vietnam/Krieg: 26.02.1968].

After three years of gradual escalation (1965—1968), the US strategy in Vietnam fell into a dead end. The “dilemma” of the US is described by Theodore Sorensen (former Kennedy adviser): “Our worldwide military dominance is not enough to win. Our worldwide political dominance does not allow withdrawal”. [Vietnam/Krieg: 26.02.1968].

Conclusion

“Tet Mau Than 1968” was like the drop of water to overflow the glass — revealing the strong divide in American politics. The “Tet Mau Than” offensive made 1968 the most painful and chaotic year in the United States. Tet has smashed the mask of the official illusion that hides the US from seeing the real situation of the US in Vietnam” [Vietnam Eskalation: 18.03.1968], causing the conflict among the US ruling authorities which is already fierce. “Tet” put President Johnson in a tragic situation when he had to deal with the military at the same time in Vietnam and with the political situation in America in the election year of the President, “leading to a major change in US war strategy” [Oberdorfer 1988: 116].

“Tet” has left America — the nation with the most powerful military power — on the brink of a military-political tragedy.

References

1. Berman, L. (2007). Perfect Spy. Hanoi: News Publishing House.
2. Brodie, B. (1976). The Tet Offensive in Frankland and Dowling, Ch. Decisive Battles of the Twentieth Century. London.

3. Davidson, Phillip B. (1992). The secrets of the Vietnam War. Lancer Publishers Pvt. Lt. *Journal of Military History*, 1993, no. 1. P. 54—59.
4. Davidson, Phillip B. (1988). Vietnam at War — The History 1946—1975. New York: Oxford University Press.
5. Department of Defense Archive, Ministry of Defense (1968). Document 1162.
6. Department of Military Science — Ministry of General Staff, Ministry of Defense of the Vietnam People's Army (1986). Some comments on the results of implementing the policy of General Strike — General uprising. *Scientific Conference in March at the Vietnam Military History Institute*, registration number TL.TK. 2469.
7. Duiker, William J. (1994). US containment policy and the conflict in Indochina. California: Stanford University Press.
8. Duiker, William J. (1983). Vietnam — Nation in Revolution. Colorado: Westview Press.
9. Frankland, N. and Dowling, C. (1976). Decisive Battles of the Twentieth Century. London.
10. Herring, G.C. (1998). America's longest war. Hanoi: Publishing House of National politics.
11. Hoang Van Thai (1988). Some issues of Strategy in the Spring Mau Than 1968 Offensive. *Military History journal*, February Issue.
12. Johnson, Lyndon B. (1971). The Vantage Point. New York: Holt, Rinehart and Winston.
13. Kloth, H. M. (2008). Als Amerika das Furchten lernte [When America learned to fear]. *Spiegel Online*, 31.01.2008.
14. Kolko, G. (1991). Anatomy of a war, Volume 1. Hanoi: Publishing House of People's Army.
15. Lokshin, G.M. (2018). Pravda o vietnamskoj vojne. Recenziya na knigu M. Boudena «Hue 68. Povorotnyj punkt amerikanskoj vojny vo Vietname» [The truth about the Vietnam War. Review on the book of M. Bowden “Hue 68. A turning point of the American war in Vietnam”]. *Vietnamese Studies*, series 2, no. 4. P. 107—115.
16. Maclear, M. (1984). Vietnam: The Ten Thousand Day War. London: Thames Methuen.
17. Mazyrin, V.M. (1978). Krah marionetchnogo rezhima Nguyen Van Thieu v Yuzhnom Vietname [The Collapse of Nguyen Van Thieu puppet regime in South Vietnam]. M.: Nauka.
18. McNamara, R.S. (1995). Looking back past — tragedies and lessons about Vietnam. Hanoi: Publishing House of National politics.
19. Medhurst, Martin J., Brands, H. W. (eds.) (2000). Critical Reflections on the Cold War: Linking Rhetoric and History. Texas A&M University Press.
20. Memories of Lyndon Johnson (1972). Hanoi: Vietnam News.
21. Oberdoifer, Don. Tết! (1988). An Giang General Publishing Housing.
22. Pribbenow II, Merle L. (2008). General Vo Nguyen Giap and the Mysterious Evolution of the Plan for the 1968 Tết Offensive. University of California Press.
23. Puler, Peter A. (1986). America and Indochina from Georgia to Nixon. Hanoi: Publishing House of Theoretical Information.
24. Schandler, H.Y. (1977). Lyndon Johnson and Vietnam: The Unmaking of a President. New York: Princeton University Press.
25. Secret documents of US Department of Defense about the war of aggression to Vietnam (1971). Vol. 2. Hanoi: Vietnam News.
26. Secret documents of The Pentagon. Vietnam Military History Institute, code VL.781—82.
27. The memory of the US Secretary of Defense Clark Clifford of a meeting with senior military officials after the Tet Mau Than Offensive (1993). *Military history journal*, January Issue.
28. Tran Do (1988). Tet Mau Than — a strategic raid. *Military History Journal*, February Issue.

29. Westmoreland, William. C. (1976). A Soldier Reports. Doubleday, 1st edition (January).
30. Vietnam Eskalation Reicht nicht [Vietnam escalation is not enough]. *Der Spiegel*, 18.03.1968.
31. Vietnam/Krieg: Land unter [Vietnam / War: country under]. *Der Spiegel*, 26.02.1968.
32. Voice recordings. Documents of the 14th Conference of the Central Committee of the Vietnam Labor Party. Central Party Archive Office, 1968.
33. Young, Marilyn B., Fitzgerald, John J. and Grunfeld, Tom A. (2002). The Vietnam War — A History in Documents. New York: Oxford University Press.

For citation: Dang Kim Oanh, Nguyen Thi Mai Hoa (2020). The 1968 Mau Than event in South Vietnam and the White House political crisis. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no. 1. P. 48—56.

Authors:

Đặng Kim Oanh, Ph.D. (History), Editor-in-Chief of the History of the Party magazine, Ho Chi Minh National Political Academy. ORCID: 0000-0001-9915-0938.

E-mail: oanhtcls@gmail.com

Nguyễn Thị Mai Hoa, Ph.D. (History), Associate Professor, Faculty of History, Hanoi State University. ORCID: 0000-0002-3427-8073.

Article history:

Received: December 13, 2018

Received in revised form: February 25, 2020

Accepted: March 09, 2020

Нгуен Тхи Май Хоа, Данг Ким Оань

**НОВОГОДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ 1968 г.
В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БЕЛОМ ДОМЕ**

Аннотация. Наступление в Тет Мау Тхан (лунный Новый год) 1968 г. стало поворотным пунктом в принятии решений в 21-летней войне во Вьетнаме (1954—1975). Это наступление имело эффект землетрясения, оказав непосредственное влияние на внутреннюю ситуацию в Белом доме и даже положив конец карьере президента США. Поэтому данное событие в Южном Вьетнаме и его последствия всегда привлекали внимание исследователей, историков и военных многих стран. Ими поднято много вопросов относительно этого исторического события, дано огромное количество комментариев и оценок, порою полярных по своей сути. В данном исследовании вьетнамские историки дают своё видение последствий этого события для политической атмосферы Соединённых Штатов, главным из которых стал коренной пересмотр политики Вашингтона во Вьетнаме.

Ключевые слова: Новогоднее наступление в Тет Мау Тхан 1968 г., Южный Вьетнам, политический кризис, Белый дом.

Для цитирования: Данг Ким Оань, Нгуен Тхи Май Хоа. Новогоднее наступление 1968 г. в Южном Вьетнаме и политический кризис в Белом доме // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 48—56 (на англ. яз.)

Авторы:

Данг Ким Оань, к.и.н., гл. редактор журнала «История партии», Государственная политическая академия Хо Ши Мина. ORCID: 0000-0001-9915-0938. E-mail: oanhtcls@gmail.com

Нгуен Тхи Май Хоа, к.и.н., доцент, исторический ф-т Ханойского государственного университета. ORCID: 0000-0002-3427-8073.

Продвижение статьи:

Дата поступления: 13.12.2018

Дата поступления в переработанном виде: 25.02.2020

Принята к печати: 09. 03.2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10006

А.Ш. Шарипов

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЬЕТНАМСКИЙ ДАОСИЗМ» В ИСТОРИЧЕСКОМ И АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ: ПАНТЕОН, МИФЫ, ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье предложен пересмотр одного из компонентов китайского религиозного синкретизма (конфуцианство, буддизм, даосизм) применительно к Вьетнаму в диахронической перспективе. За основу взята комплексная концепция даосизма, разработанная Е.А. Торчиновым. На материале исторических источников и исследований выявлены элементы религиозных верований и практик вьетнамцев, которые могут быть охарактеризованы как даосские. Рассмотрены магические и психотехнические приёмы, пантеон божеств, медицинские методы, институциональные формы даосизма. Особое внимание уделено медиумическим техникам шаманского типа, которые многие исследователи традиционно называют даосскими. В компаративной перспективе показаны специфические отличия вьетнамских практик одержимости духами от китайских.

Ключевые слова: даосизм, религии Вьетнама, религиозный синкретизм, народная религия, культы одержимости духами, мифология Китая.

Введение

Вьетнамский религиозный синкретизм (*tam giáo*) принято описывать китайской триадой «конфуцианство, буддизм, даосизм», однако в то время, как вьетнамским дериватам буддизма и конфуцианства посвящены десятки исследований, вопрос даосизма малоизучен. Возможно, причина в том, что «вьетнамцы исповедуют даосские воззрения, не зная, что это даосизм» [Chu Quang Trú 1996: 13], т. е. элементы даосизма настолько укоренились в местной мифологии и практиках, что осознаются самими вьетнамцами как автохтонные, а не заимствованные из китайской культуры.

Цель данной статьи — выявить в исторических источниках и научных исследованиях компоненты, таксономически релевантные даосизму, проанализировать их генезис и сравнить с сущностными характеристиками китайского даосизма. Под актуализацией автор понимает означивание концепта в диффузном дискурсивном поле, кристаллизацию знака из взвеси возможных означаемых в процессе институционального освоения дискурсов, где некоторые элементы не называются даосскими, но могут так классифицироваться исходя из принятого в этой статье определения даосизма, а другие, напротив, обозначаются как относящиеся к даосизму, но вызывают спорные толкования.

Синологи до сих пор не пришли к общему мнению, что называть даосизмом. Исследования религиозности китайцев выглядят противоречиво именно в силу вариативности подходов к проблеме определения даосизма. Некоторые учёные разделяют религиозный и философский даосизм [Creel 1929], другие признают только религиозный [Strickmann 1979], третьи придерживаются идеи о континуальности указанных форм [Schipper 1993]. Автор будет руководствоваться подходом Е.А. Торчинова, который называет даосизмом национальную религию китайского этноса, сложившуюся в результате синтеза религиозных и религиоз-

но-философских учений, таких как верования архаичного шаманского комплекса, идеология магов фан-ши, философия школы «Дао-дэ» и учение «Книги перемен» на основе институционализации в ряде направлений [Торчинов 1998: 410].

Маги, лекари, монастыри

Началом распространения даосизма во Вьетнаме принято считать II в. н. э. После восстания в Китае «жёлтых повязок» и смерти ханьского императора Лин Ди (189 г.) в стране началась смута, и много китайцев спасалось бегством далеко на восток Зяотяу (так в то время назывались земли современного Северного Вьетнама), при этом среди беженцев было много даосских подвижников, практиковавших воздержание от пищи, дыхательные гимнастики и другие способы продления жизни.

Правитель Зяотяу II—III вв. китайский наместник Ши Ниеп был знатоком конфуцианского канона, буддийских и даосских практик. С его эпохи среди вьетов стала распространяться магия и методы достижения бессмертия. Другим известным знатоком даосских практик был в эпоху Тан другой чиновник — Гао Пянь [Антология 1996: 175].

Многие китайские чиновники, прибывавшие в качестве наместников во Вьетнам, имели склонность к занятиям магией. Вот несколько примеров. В «Истории Великого Вьета» Нго Ши Лиена говорится, что когда чиновник Ниеп тяжело заболел и умер, то по истечении трёх дней после смерти он был возвращен к жизни и излечен даосом по имени Донг Фунг. Там же упоминается правитель округа Чыонг Тэн (прибыл в Зяотяу в 201 г.), который носил на голове красный платок и читал даосские трактаты [Ngô Sĩ Liên 1974: 244]. В царствование правителя Дыонга (в Китае в это время правил император И-цзун), в 865 г., для подавления народного восстания вьетов в Южные земли был послан Гао Пянь. Род Гао был известен как род волшебников, способных переноситься из одного места в другое с помощью ветров и вод и настойчивых в стремлении разрушить в Южных землях «драконовы жилы» (благоприятные места для погребения) и прочие местности, обладавшие сверхъестественной силой, поскольку считалось, что в результате на этих землях переведутся одарённые и талантливые люди и Южная страна останется зависимой от Китая [Lê Anh Dung 1994: 45]. О средствах, с помощью которых разрушались «драконовы жилы», высказывает предположение Нгуен Фи Хоань: «Этот чиновник [Гао Пянь] приказал сделать восемьдесят тысяч маленьких изображений Будды [девятиярусные, высотой 30—40 см, в каждом ярусе миниатюрное изображение Будды] из обожжённой глины, чтобы «скрыть могилы государей [вьетов]», «разрушив жилы дракона» в стране, дабы в нашем народе больше не надеялись, что найдётся человек, который станет государем и возглавит восстание» [Нгуен Фи Хоань 1982: 31]. Изображения ступ до сих пор находят в некоторых местностях пров. Хабак. По мнению Д. Деопика, автора примечаний к книге Нгуен Фи Хоаня, «легенда о попытке Гао Пяня “заклясть” сверхъестественные силы небесных покровителей вьетов отразила (в формах типичных для собственно вьетских, не буддийских и не китайских, религиозных верований в духов предков) попытки китайской администрации заменить духовное наследие вьетов китайской культурой» [Нгуен Фи Хоань 1982: 157]. Что касается статуэток, то они, скорее всего, имеют более позднее происхождение и связаны с пропагандой буддизма.

В этой же летописи можно найти другие упоминания об использовании магии. В правление Ли Нян Тонга (XI в.) Ле Ван Тхинь, желавший погубить правителя, когда тот присутствовал на рыбной ловле, «при помощи магии поднял большой туман, и среди бела дня наступила непроглядная тьма... Ранее в доме Ван Тхиня был холоп из Дайли (пров. Тханьхоа), искусный в магии. Ван Тхинь учился у него» [Краткая история 1980: 171]. Скорее всего, речь идет о даосских магических приёмах.

В некоторых случаях текст источника описывает буддийского монаха, который пользуется магией и даосскими техниками. В качестве примера можно привести жизнеописание Ты (Ло) Дао Тхана: «Тогда наставник [Дао Хань] решил ехать в страну Андо [Индия], чтобы овладеть там магическим искусством, которое дало бы ему возможность одолеть Дай Тяна. Однако дорога довела его только до Кимсима [Бирма]. Видя, что дальнейший путь опасен и труднопроходим, наставник вернулся назад и укрылся среди утесов горы Фаттит. Изодня он только тем и занимался, что повторял заклинания-дхарани из сутры «Сердце великого сострадания». Однажды, когда он уже прочитал эти дхарани десять раз по тьме и ещё восемь тысяч раз, перед его очами предстал дух в человеческом облике и сказал: «Я один из Небесных Владык четырёх областей, растроганный твоими, наставник, выдающимися заслугами в повторении сутры, прибыл в твоё распоряжение и готов послужить тебе». Наставник понял, что его путь обучения дхарме пройдёт до конца и теперь он способен отомстить за отца. Он отправился к мосту Кует и, испытывая свои способности, бросил посох в стремительный поток. Посох, словно речной дракон, поплыл против течения и остановился возле моста Тайзыонг. Наставник возликовал и сказал: «Моя дхарма одолеет» [Антология 1996: 102]. Об этом же наставнике есть повторяющаяся в разных источниках легенда о том, как он помог жене Ли Нян Тонга забеременеть, а когда пришёл срок родов — сбросил тело и перевоплотился в новорожденного, который стал правителем Ли Тхан Тонгом, сообщив своим ученикам перед уходом из тела: «Когда выйдет мой срок правления, я стану правителем тридцати трёх небесных сфер. Надеюсь, что после этого окончательно разрушится моё бренное тело и я погружусь в нирвану и больше уже не буду странствовать в круговороте жизни и смерти» [Антология 1996: 105]. Буддийские концепты в нарративе сочетаются с магией и приёмами достижения бессмертия, которые напоминают даосские, хотя и нет прямых указаний на практику внутренней или внешней алхимии даосского типа.

В времена правителя Динь Тиен Выонга (X в.), который выступил первым объединителем Вьета, были «установлены ранги и классы гражданских и военных чиновников, буддийских и даосских монахов» [Краткая история 1980: 130]. С этого момента в летописи периодически встречаются сведения о даосских монастырях и монашестве. В правление Ли Тхай То «отобрали более тысячи жителей столицы, сделав их буддийскими и даосскими монахами» [Краткая история 1980: 143], в правление Ли Тхай Тонга «построили буддийские и даосские монастыри в 150 местах» [Краткая история 1980: 147]. В XII и XIII вв. летопись также упоминает даосов, наряду с буддистами и конфуцианцами, в связи с экзаменами на знание древних текстов, по написанию стихов, од, счёту и другим предметам [Краткая история 1980: 195, 200].

Соотношение автохтонных и заимствованных элементов

По приведённым свидетельствам вьетнамский даосизм можно представить как систему, носящую черты китайского религиозного даосизма, подвергшуюся влиянию местных культов. При этом сохраняется полиморфизм системы: Ле Ань Зунг упоминает различные направления вьетнамского даосизма [Lê Anh Dung 1994: 45—50]: школа магов и предсказателей; школа долгожителей, в которой практиковались приёмы внешней и внутренней алхимии¹; школа небесного спокойствия, где единение с дао достигалось посредством следования четырьмя благородными занятиями — сложению стихов, музыке, игре в шахматы и живописи. Там же перечислены даосские храмы, часть из которых построена в местах встреч людей с бессмертными, а также упоминаются императоры, которые занимались изучением даосских

¹ Подробнее о даосской алхимии см.: [Торчинов 1998: 84—117].

трактатов. Таким образом, во Вьетнаме были представлены все три аспекта даосизма — психотехнический, литургико-культовый и философский, однако последний, по всей видимости, лишь среди очень узкого круга образованной интеллигенции.

Все инородные религии проходили во Вьетнаме универсальные культурные стадии трансляции-перевода на язык местных религиозных традиций. Чтобы сделать понятным язык новой веры, устанавливались соответствия старых и новых персонажей, например вьетнамские духи входили в буддийский пантеон.

С даосизмом ситуация представляется более сложной, поскольку местные верования и религиозные практики были близки даосским. *Во-первых*, развитая медиумическая традиция, которая у вьетов реализовалась в культе Матерей, стала основой для адаптации даосских психотехник. *Во-вторых*, местные вьетнамские традиции магии и лечения переплелись с даосскими, так что теперь трудно, если вообще возможно, развести в пласте вьетнамской народной культуры и религии локальные и заимствованные из даосизма элементы. Существенная близость происхождения вьетнамских религиозных верований и даосизма связана с тем, что Донгшонская культура формировалась на территории южно-китайского царства Чу (которое Е.А. Торчинов считает родиной субстратного элемента даосизма) и в долине Красной реки [Деопик 1994: 28—30]. Многие исследователи отмечают общность Донгшонской культуры и культуры царства Чу.

Другой фактор — заимствования культовых практик, проникновение которых предполагается из Центральной Азии в Южный Китай и в Юго-Восточную Азию [Чеснов 1976, Golubev 1924]. Местная культура шаманства, медицины и магии с лёгкостью приняла в себя сходные с ней даосские элементы. Это обстоятельство отмечают многие вьетнамские историки. «В эпоху, когда конфуцианство ещё не укрепило своих позиций во Вьетнаме, даосизм нашёл здесь весьма схожую с собственной религиозную почву, существовавшую с древнейших времен. С древности вьетнамцы — и те, что обитали в горах, и равнинные жители — чтили искусство магии и знахарства; они верили, что колдовство и заклинания способны излечивать болезни, изгонять духов, делать человека здоровым и сильным, а меч — острым и крепким, и т. д. Правитель вьетов Хунг Вьонг владел магическими приемами (*pháp thuật*), благодаря чему сумел объединить под своей властью 15 племён и основать государство Ванланг¹. Даже буддийские монахи должны были владеть методами экзорцизма и лечения болезней, только тогда они получали признание среди населения. В связи с этим нетрудно понять, почему даосизм, особенно на уровне магических практик (*Đạo giáo phù thủy*), быстро и легко слился с древними магическими представлениями вьетнамцев, так что теперь они совершенно неразличимы» [Trần Ngọc Thêm 1995: 274].

Божества и духи

В пантеон вьетнамского даосизма входят как китайские, так и местные божества. О Лао Цзы (*Lão Quân*) во Вьетнаме бытуют различные легенды, в основном повторяющие китайские предания об этом философе раннего даосизма. Вьетнамские маги и колдуны считают его одним из своих высших божеств [Dumoutier 1907: 41].

¹ Об этом же говорится в начале «Краткой истории Вьета»: «В племени Зянинь был необыкновенный человек, который смог с помощью волшебства покорить все племена. Он назывался Хунг Вьонгом, основал столицу в Ванланге, государство называлось Ванланг, в стране существовали бесхитростные обычаи, государственные дела велись при помощи узелков» [Краткая история Вьета 1980: 109]. Интересно отметить, что «бесхитростные обычаи» — один из аспектов совершенного государственного устройства, упоминающийся в сочинениях даосских мыслителей Лао Цзы и Чжуан-цзы.

Триада высших божеств — Яшмовый император (Ngọc Hoàng), Нам Тао (Nam Tào) и Бак Дау (Bắc Đẩu). Нгок Хоанг — даосское божество высшего ранга, обитает в центре неба, все прочие божества подчиняются ему. У вьетнамцев он пользуется большим уважением: в любой пагоде есть его изображение или статуя. Рядом с ним всегда присутствуют два помощника, один из которых ведаёт земными рождениями, другой — смертями. Первый живёт на Южной Звезде, зовется Нам Тао и сидит по левую сторону от Нгок Хоанга, второй обитает на Северной Звезде, зовется Бак Дау и сидит справа. С Яшмовым императором вьетнамцы связывают космогонию и космологию мира, представляя его огромной красной птицей, которая имела власть над материей ещё до отделения земли от неба. А когда земля и небо разделились, в ведении Яшмового императора было 36 дворцов небесных духов и 72 духа земных уровней. Он повелевает Солнцем и Луной, звёздами, ветрами и дождями, ему подчиняются духи гор, лесов, морей и рек, а также люди, птицы, животные [Dumoutier 1907: 34]. С Яшмовым императором связано много легенд, часто он выступает отцом других божеств, в частности женских. Например, его дочерью считают знаменитую принцессу Лиеу Хань (Bà Chúa Liễu). Нгуен Хуи Лай пишет, что Нгок Хоанг и двое его министров управляют миром посредством духов и бессмертных [Nguyen Huy Lai 1981: 259].

Другая триада вьетнамского даосского пантеона называется Там Тхань (Tam Thánh), что означает «три чистоты», или три Небесных предка. Это Нгуен Тхуи (Nguyễn Thuỷ), который обитает во дворце Возвышенной чистоты, Линь Бао (Linh Bảo), живущий во дворце Яшмовой чистоты, и Лао Цзы (Lão Quân), их повелитель.

Кроме того, в пантеон вьетнамской народной религии входят бессмертные [Шарипов 2000], актуализированные в полумифическом нарративе XIX в. Nội Chân Biên, где 13 мужских и 12 женских персонажей практикуют дао и после ухода из мира становятся покровителями разных местностей: им строят кумирни и отправляют ритуалы [Nguyen Van Huyen 1944]. Одна из самых известных бессмертных — главное божество культа Матерей, дочь Яшмового императора принцесса Лиеу Хань.

Полководец Чан Хынг Дао (Đức Thánh Trần) вошёл в историю Вьетнама как победитель монгольского войска, вторгшегося в Северный Вьетнам в 1285 г. В пантеоне выступает охраняющим божеством, изгнанником злых духов. Существуют пагоды, посвященные Чан Хынг Дао. В его национальном культе прослеживаются как даосские, так и буддийские элементы.

Медиумические практики

Перейдем к рассмотрению сложного вопроса о даосских практиках, распространённых во Вьетнаме, и их соотношении как с даосской и буддийской институциями, так и с местными культами.

Следует упомянуть отмечаемую многими авторами близость даосизму техник одержимости *đồng cốt*, которые применяются в культе Матерей под названием *lên đồng*: «С древних времен в нашей стране существовал культ Матерей. Происхождение его связано с верой в силу предков, с почтительным и благодарным отношением к ним, а также с несомненным влиянием даосизма» [Nguyễn Minh San 1994: 142].

Чан Нгок Тхем называет технику *đồng cốt* даосской, описывая её применение в культе Чан Хынг Дао для поклонения группе духов *Chư Vị*, составляющих свиту четырех богинь культа Матерей, а также в культе героев-бессмертных [Trần Ngọc Thêm 1995: 276]. Любопытно отметить, что в Центральном Вьетнаме Чан Хынг Дао, напротив, выступает в роли экзорциста: «Адепты культа Матерей боятся подойти к пагодам Чан Хынг Дао, поскольку он изгоняет духов, которым они поклоняются» [Tran Van Toan 1966: 85].

Есть мнение, что медиация с духами вообще является характерной чертой даосских практик. «То что выделяет даосские культы среди прочих, это участие посредника в общении людей с божествами, который призван донести до людей волю и замыслы божеств. Каждый из посредников выполняет свои функции в религиозных церемониях. В медиума (*đồng nhân*) вселяется бессмертный и его устами и телодвижениями доносит до верующих свои указания. Маг (*phụ thủy*) владеет искусством творить чудеса от лица божеств, у которых просят милости. Служитель (*thầy cúng*) отвечает за выполнение ритуалов. Изготовитель амулетов (*thầy bùa*) раздает верующим амулеты, изготовленные из бумаги, часто пропитанной жертвенной кровью, на которых изображены идеограммы, триграммы, магические фигуры. Прорицатель, колдун (*thầy bói*) толкует сны и составляет гороскопы для предсказания будущего» [Nguyen Huy Lai 1981: 268].

Упомянутые вьетнамские исследователи считают медиумическую технику *đồng cốt* заимствованной из даосизма для отправления различных культов, сходство которых сводится к наличию общего ритуального механизма. При этом отсутствуют ссылки на источники информации о том, в какой период и каким образом практики одержимости использовались в китайском даосизме, факт такого использования принят как бы априорно.

В Китае существуют театрализованные представления, во время которых духи входят в кукол. Иногда сеанс одержимости проводится отдельно с помощью медиума: одетый в костюм божества медиум *чжи тунг* вещает голосом актера китайского театра на чиновничьем языке. Иногда его поток слов прерывается песнями. Слова божества переводятся для не понимающей официального языка аудитории ассистентом, который сопровождает медиума. Содержание речи медиума обычно составляют нравоучения, однако когда спрашивают о конкретной болезни, медиум дает рекомендации и амулеты для лечения. Ассистент *фа ши* (маг) внешне выглядит помощником — он помогает медиуму надевать костюмы божеств, вводит его в транс, помогает подняться с земли в кульминационные моменты. Однако на самом деле *фа ши* является руководителем медиума, именно он обучает его технике транса. Медиум здесь — инструмент *фа ши*, он играет ту же роль, что и куклы в театральном представлении [Schipper 1993: 47]. Одной из особенностей этой практики является красная повязка на голове *фа ши* (вьетнамский медиум также покрывает голову красным платком для достижения экстатического состояния).

Скиппер подчеркивает, что «красноголовые» мастер и медиум выступают союзниками, интерпретаторами и представителями божеств на земле. Однако они не идут дальше этого. Они принадлежат локальным сообществам и не составляют профессиональных групп. Настоящими же даосскими мастерами являются *дао ши* — священники дао [Schipper 1993: 55]. В отличие от *фа ши*, для них не существует инициации, выбора духов, медиумических сеансов. Их инвестиатура передается по наследству и восходит к основателю школы Небесных наставников — Чжан Даолину, который получил её непосредственно от самого Лао-цзы [Schipper 1993: 57].

Традиция медиумических сеансов как способа коммуникации с божествами принадлежит китайским народным верованиям, которые следует отличать от даосизма и на уровне доктрины, и на уровне практик, о чем говорят прежде всего сами китайские последователи даосизма [Robinet 1997: 5]. Медиумические сеансы восходят к практикам южно-китайских шаманов у, которые нашли отражение в стихотворном китайском памятнике III—II вв. до н.э. «*Чуских строфах*» [Robinet 1997: 35—39]. Эта традиция послужила основой развития даосской литургии и практик, однако последние всё же представляют собой явление качественно иного порядка.

Французский исследователь даосизма А. Масперо подчеркивает, что даосский экстаз, который действительно происходит от шаманских практик, имеет другие цели. Вот описание

медиумической одержимости¹: «С древности колдуньи общались с божествами, посылая к ним свою душу. Надев костюм божества, которое должно вселиться в медиума, они входили в транс с помощью различных средств, из которых наиболее известное — постепенно ускоряющийся ритм барабана и флейты, как это описано в «Девяти песнях» Цюй Юаня. Колдунья изображала путешествие и когда, лишившись сознания, падала в изнеможении, божество входило в неё, и все её последующие действия и речи были словами и поступками божества». С развитием даосской традиции цели и сам процесс достижения экстаза были изменены, хотя что-то общее с практиками колдунов, несомненно, осталось. Одно из подтверждений тому — термин, которым даосы описывают экстаз и который дословно переводится как «вхождение духа» *гуи жу*. Одержимость хорошо известна у колдунов как «вхождение духа», она, по-видимому, связана с идеей сексуального соединения, идеей, черты которой есть у колдунов зярай — племени, живущего в горных районах Вьетнама; даже если, на первый взгляд, у них нет ничего общего, там тоже дух входит в колдуна, говорит его ртом, двигает его телом. Ничего подобного мы не встречаем в даосском экстазе: мистическое единение с безличным дао исключает любые черты эротизма, даже сама идея «вхождения духа» звучит здесь некорректно: дао не входит, оно всё время находится внутри нас. Другое выражение, описывающее даосский экстаз, «забвение» *ванг*, тоже безусловно заимствовано у колдунов, оно встречается в «Девяти песнях». Это почти всё, что нам известно об отношениях колдовства и происхождения даосизма» [Maspero 1971: 37—38].

В описании даосского ритуала в пост Желтого талисмана А. Масперо, в частности, сообщает: «В обычной для даосских церемоний манере все действия и жесты участников, поначалу замедленные, постепенно ускоряются, целый день проходит в кружении и постоянном падении ниц...» [Maspero 1971: 328]. Это немного напоминает церемонии вьетнамского культа Матерей, но только по внешним проявлениям. Вьетнамские медиумические сеансы и используемая техника *đông cô* направлены на достижение коммуникации адептов с божествами, которые вселяются в медиума извне. А. Масперо подчёркивает даосскую ориентацию на общение с божествами внутри, а не вовне тела адепта: «В действительности лишь во время медитации адепт обращает взор вовнутрь, странствует мыслью внутри своего тела и так достигает общения с божествами» [Maspero 1971: 475].

Е.А. Торчинов указывает на важный критерий разграничения шаманских и собственно даосских типов религиозной практики, это «представление о том, что даосская практика приводит к повышению статуса адепта, постоянной (а не лишь на время экстаза) трансформации адепта, его сакрализации» [Торчинов 1998: 211]. Экстатический опыт применялся в даосизме в трансформированном виде и для достижения совсем других целей, прежде всего для осуществления духовного роста адепта.

Видимо, с шаманизмом во Вьетнаме имела место такая же ситуация, как и с культом предков: местная традиция претерпела незначительные внешние изменения под влиянием распространившейся более развитой инородной традиции. Хотя даже по внешним признакам медиумические техники вьетов лишь отдаленно напоминают даосские.

Выводы

Суммируя вышесказанное, можно констатировать существование во Вьетнаме таких элементов даосизма, как магия с использованием талисманов, нумерология, астрология, система пяти элементов и концепция инь-ян, медицинские и психотехнические (*khí công*) прак-

¹ А. Масперо называет шаманов колдунами, хотя описываемая им техника может быть, без сомнения, названа шаманской. Такое уточнение представляется существенным, ибо речь идет не просто о магическом, колдовском воздействии, но именно об *экстатической одержимости*, которая лежит в основе последующих магических процедур.

тики, даосские божества в пантеоне народных верований и, возможно, монастыри в средние века. О каких-либо местных формах развития даосских философских идей пока не известно. За долгие годы, проведённые во Вьетнаме, автору не удалось получить от местных информантов сколько-нибудь внятного разъяснения, что такое даосизм и каковы его онтологические характеристики¹. Описанные практики действуют на бытовом уровне, не имеют сакрального смысла и эмически оцениваются как локальные. При этом термин «даосизм» (đạo giáo) остаётся академическим конструктом. Термин, безусловно, удобен: «Учёные охотно относят к даосизму всё, что не укладывается в рамки конфуцианства и буддизма, хотя даосские культы остаются очень мало исследованными, это практически непаханое поле» [Tran Van Toan 1966: 79], однако может вводить в заблуждение, поскольку наличие отдельных элементов ещё не даёт достаточного основания для системной таксономической категоризации.

Отталкиваясь от предложенного диахронного анализа, целесообразно продолжить исследование темы вьетнамского даосизма в синхронном ключе с помощью антропологических методов наблюдения и интервью для того, чтобы выяснить, насколько классические академические схемы эффективны для описания религиозных практик в современном Вьетнаме, и, в частности, для уточнения понятия «вьетнамский даосизм».

Список литературы

1. Антология традиционной вьетнамской мысли. X — начало XIII в. М.: ИФРАН, 1996.
2. Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1994.
3. Краткая история Вьета (Вьет Шы Лыок). М.: Наука, 1980.
4. Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама. Очерки истории изобразительного искусства. М., 1982.
5. Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиозного описания. СПб., 1998.
6. Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
7. Шарипов А.Ш. Культ бессмертных во Вьетнаме // *Восток*, 2000, № 2. С. 138—154.
8. Chu Quang Trứ. Di sản văn hoá dân tộc trong tín ngưỡng và tôn giáo Việt Nam [Наследие народной культуры в верованиях и религиях Вьетнама]. Huế: Nhà xuất bản Thuận Hoá, 1996.
9. Creel H. G. Sinism. A Study of the Evolution of the Chinese World-view. London, 1929.
10. Dumoutier G. Les cultes Annamites [Вьетнамские культы]. Hanoi, 1907.
11. Golubew V. Les tambours magique en Mongolie // *BEFEO*, t. XXIII, Hanoi, 1924.
12. Lê Anh Dung. Con Đường Tam Giáo Việt Nam [Путь трех религий во Вьетнаме]. Ho Chi Minh, 1994.
13. Maspero H. Le Taoisme et les religions chinoises [Даосизм и китайские религии]. Paris, 1971.
14. Ngô Sĩ Liên. Đại Việt Sử Toàn Thư [Полный свод записей Великого Вьета]. Sài Gòn, 1974, T. 1.
15. Nguyen Huy Lai Josep. La tradition religieuse, spirituelle et sociale au Vietnam [Религиозные, духовные и социальные традиции во Вьетнаме]. Paris: Beauchesne, 1981.
16. Nguyen Van Huyen. Le culte des immortels en Annam [Культ бессмертных в Аннаме]. Hanoi, 1944.
17. Nguyễn Minh San. Tiếp cận tín ngưỡng dân dã Việt Nam [Подходы к вьетнамским народным верованиям]. Hà Nội, 1994.
18. Robinet I. Taoism. Growth of a Religion. Stanford: Stanford University Press, 1997.

¹ Автор жил во Вьетнаме 11 лет: собирал полевой материал (фото, интервью) о разных видах медиумических практик (lên đồng, nhập đồng, áp vong) для своих дальнейших исследований, работал в международном НКО с фермерами плато Тэйнгуйен (прим. ред.).

19. Schipper K. The Taoist Body. Berkley: University of California Press, 1993.
20. Strickmann M. On the Alchemy of Tao Hung-ching. Facets of Taoism. New Haven and London, 1979.
21. Tran Van Toan. La sainte religion de l'immortelle celeste dans la region de Hue (Centre-Viet-Nam) [Религия небесной бессмертной в регионе Хюэ (Центральный Вьетнам)] // *Revue du Sud-Est Asiatique*, 1966, № 2. С. 241—258.
22. Trần Ngọc Thêm. Cơ sở văn hoá Việt Nam [Основы вьетнамской культуры]. Ho Chi Minh: Trường Đại Học Tổng Hợp thành phố HCM, 1995.

Для цитирования: Шарипов А.Ш. Актуализация концепта «вьетнамский даосизм» в историческом и академическом дискурсах: пантеон, мифы, практики // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 56—67.

Автор:

Шарипов Алишер Шавкатович, к.филос.н., научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН. ORCID: 0000-0001-9821-3992. E-mail: aligrapher@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 26.01.2020

Дата поступления в переработанном виде: 19.02.2020

Принята к печати: 07.03.2020

A.S. Sharipov

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT OF “VIETNAMESE TAOISM» IN HISTORICAL AND ACADEMIC DISCOURSES: PANTHEON, MYTHS AND PRACTICES

Abstract. The article reconsiders one of the components of Chinese religious syncretism (Confucianism, Buddhism and Taoism) in Vietnam, based on a comprehensive concept of Taoism developed by E. Torchinov. Using various historical sources and previous studies the author reveals fragments of Vietnamese religious beliefs and practices that can be identified as Taoist, such as numerology, magic, spiritual techniques, the pantheon of deities, medical procedures, and institutionalized forms of Taoism.

All foreign religions in Vietnam went through the universal cultural stages of translation into the language of local religious traditions. To make the language of the new faith understandable, correspondences were established between old and new characters; for example, Vietnamese spirits were incorporated in Buddhist pantheon. What makes the study of Taoism in Vietnam particularly complicated is the fact that local religious practices were quite similar to Taoist. This is partially because ancient Dongshon civilization was created in the region of modern Northern Vietnam and Southern China, which some scholars believe to be the area where Taoism originated from. On the other hand, Vietnamese traditional medicine and magic have been developing under the influence of Taoist methods so they became deeply interrelated. Even Buddhist preachers had to master some medical and magical skills to earn the respect of newly converted Vietnamese followers.

A special attention is given in the article to spirit possession techniques such as “len dong” that many scholars tend to categorize as Taoist. The differences between Chinese and Vietnamese possession practices are shown in comparative perspective. Based on the data from author’s field research on spirit possession in Vietnam, the conclusion is made that despite some similarities with Chinese Taoist rituals, Vietnamese tradition of communication with spirits of the dead is a part of local ancestor worship and has its own specific features.

Although various elements of Taoism have become an intrinsic part of Vietnamese everyday life, hardly anyone recognizes them here as Taoist or foreign by nature. In the same time scholars often put the label of Taoism on whatever phenomena of popular religion or social practices that don’t fit into the categories of Confucianism and Buddhism. To further clarify the status of Taoism in contemporary Vietnam an extended anthropological fieldwork is needed.

Keywords: Taoism, Vietnamese religions, religious syncretism, folk religion, spirit possession worships, Chinese mythology.

References

1. Antologiya tradicionnoj vietnamskoj mysli. X — nachalo XIII v. (1996) [An anthology of traditional Vietnamese thought. X — the beginning of the XIII centuries]. Moskva: IFRAN.
2. Chesnov, Ya. V. (1976). Istoricheskaya etnographia stran Indokitaya [Historical Ethnography of Indochina]. Moscow.
3. Chu Quang Trứ (1996). Di sản văn hoá dân tộc trong tín ngưỡng và tôn giáo Việt Nam [The Legacy of Folk Culture in Religions and Beliefs of Vietnam]. Huế: Nhà xuất bản Thuận Hoá.
4. Creel, H.G. (1929). Sinism. A Study of the Evolution of the Chinese World-view. London.

5. Deopic, D.V. (1994). *Istoriya Vietnama* [The History of Vietnam]. Vol. 1. Moskva: MGU.
6. Dumoutier, G. (1907). *Les cultes Annamites* [Vietnamese Cults]. Hanoi.
7. Golubew, V. (1924). *Les tambours magique en Mongolie* [Magic Drums in Mongolia]. *BEFEO*, t. XXIII, Hanoi.
8. *Kratkaya istoriya Vieta* (1980) [The Short History of Viet]. Moskva: Nauka.
9. Lê Anh Dung (1994). *Con Đường Tam Giáo Việt Nam* [The Way of Three Religions in Vietnam]. Ho Chi Minh.
10. Maspero, H. (1971). *Le Taoisme et les religions chinoises* [Taoism and Chinese Religions]. Paris.
11. Ngô Sĩ Liên (1974). *Đại Việt Sử Toàn Thư* [The Complete Annals of Dai Viet]. Sai Gon, Vol. 1.
12. Nguyen Huy Lai Josep (1981). *La tradition religieuse, spirituelle et sociale au Vietnam* [Religious, Spiritual and Social Traditions in Vietnam]. Paris: Beauchesne.
13. Nguyen Phi Hoanh (1982). *Iskusstvo Vietnama. Ocherki istorii izobrazitelnogo iskusstva* [The Art of Vietnam. Articles on Fine Arts]. Moskva.
14. Nguyen Van Huyen (1944). *Le culte des immortels en Annam* [The Cult of Immortals in Annam]. Hanoi.
15. Nguyễn Minh San (1994). *Tiếp cận tín ngưỡng dân dã Việt Nam* [Approaching Vietnamese popular believes]. Hà Nội.
16. Robinet, I. (1997). *Taoism. Growth of a Religion*. Stanford: Stanford University Press.
17. Sharipov, A.S. (2000). *Kult bessmertnykh vo Vietname* [The Cult of Immortals in Vietnam]. *Vostok [Oriens]*, № 2. S. 138—154.
18. Schipper, K. (1993). *The Taoist Body*. Berkley: University of California Press.
19. Strickmann, M. (1979). *On the Alchemy of Tao Hung-ching. — Facets of Taoism*. New Haven and London.
20. Torchinov, E.A. (1998). *Daosizm. Opyt istoriko-religioznogo opisaniya* [Taoism. An Account of Historical and Religious Description]. St. Petersburg.
21. Tran Van Toan (1966). *La sainte religion de l'immortelle celeste dans la region de Hue (Centre-Viet-Nam)* [The religion of a Celestial Immortal in the region of Hue (Central Vietnam)]. *Revue du Sud-Est Asiatique*, no 2. P. 241—258.
22. Trần Ngọc Thêm (1995). *Cơ sở văn hoá Việt Nam* [The Foundations of Vietnamese Culture]. Ho Chi Minh: Trường Đại Học Tổng Hợp thành phố HCM.

For citation: Sharipov A.S. (2020). Actualization of concept of “Vietnamese Taoism» in historical and academic discourses: pantheon, myths and practices. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no. 1. P. 57—67.

Author:

Sharipov Alisher S., Ph.D. (Philosophy), Researcher, Institute for Linguistics Studies RAS. ORCID: 0000-0001-9821-3992. E-mail: aligrapher@gmail.com

Article history:

Received: January 26, 2020

Received in revised form: February 19, 2020

Accepted: March 07, 2020

Филология

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10007

В.А. Андреева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ВЬЕТНАМСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена функционированию и трансформации фразеологических единиц во вьетнамских средствах массовой информации. По определению автора, фразеологизмы являются одним из важнейших семантико-экспрессивных средств, применяемых в медиатекстах. Фразеологизмы используются как в традиционной (базовой), так и в трансформированной форме. Рассмотрены основные виды трансформации: формальные (структурные), семантические и комбинированные структурно-семантические. Выделены виды структурной трансформации: замена лексических компонентов, расширение состава фразеологической единицы, разрыв фразеологической единицы, сокращение компонентного состава. Отмечено употребление в языке вьетнамских СМИ значительного количества новых фразеологических единиц, ещё не зафиксированных во фразеологических словарях.

Ключевые слова: вьетнамский язык, средства массовой информации, фразеология, трансформация фразеологических единиц.

Введение

В настоящее время наиболее активные, важнейшие процессы языкового развития происходят в языке средств массовой информации (газет, журналов, радио, телевидения, Интернета). Многими исследователями отмечаются такие качества языка массмедиа, как оперативность, стилистическая подвижность, открытость экстралингвистическим влияниям, повышенная экспрессивность, гибкость, богатство, многообразие функций [Мокиенко 2016, Солганик 2008]. Язык СМИ — важнейший фактор развития литературного языка, обогащающий его новыми средствами выражения и расширяющий его экспрессивные возможности. Характерными тенденциями языка средств массовой информации, как отмечал В.Г. Костомаров [Костомаров 1971], являются: тенденция к стандартизации, своеобразная фразеологизированность языка СМИ и тенденция к экспрессии. Одно из важнейших мест в арсенале семантико-экспрессивных средств, используемых авторами медиатекстов, занимает фразеология. Фразеологизмы употребляются в СМИ как в традиционной, так и в трансформированной форме. Особенно часто фразеологические единицы употребляются в заголовках и подзаголовках медиатекстов. Б.В. Кривенко отмечает, что заголовочное место в печатном издании — «сильная, акцентированная позиция», что «именно на заголовок в первую очередь обращает своё вни-

мание любой читатель, взявший в руки газету» [Кривенко 1993: 44—45]. Использование фразеологизмов в заголовке является эффективным средством привлечения внимания читателей, усиления экспрессивной окраски и выразительности, создания эффекта ироничности, вовлечения читателя в языковую игру, формирования адекватного отношения к материалу.

В современную эпоху глобализации, расширения международных контактов, бурного развития новых коммуникационных технологий наиболее активные процессы языкового развития во вьетнамском языке также происходят в средствах массовой информации, неуклонно возрастает их прагматическая, информационная и лингвистическая значимость. Одним из обязательных семантико-стилистических компонентов языка современных СМИ Вьетнама являются фразеологизмы. В понятие фразеологизма (в широком понимании) мы включаем тханьнгы (готовые выражения), в том числе тханьнгы-идиомы, тханьнгы-поговорки, тханьнгы-устойчивые сравнения, тукнгы (пословицы), крылатые слова, афоризмы. Отдельные аспекты использования фразеологии в языке вьетнамских СМИ освещались в работах таких вьетнамских исследователей, как Хоанг Ань [Hoàng Anh 2003], Нгуен Дык Зан [Nguyễn Đức Dân 2004], Буй Тхань Лыонг [Bùi Thanh Lương 2006]. В отечественном вьетнамоведении роль и особенности употребления фразеологических единиц в публицистических текстах вьетнамских СМИ рассматривались Е.И. Тюменевой [Тюменева 2016, 2018].

Материалом нашего исследования послужили медиатексты вьетнамских периодических изданий, в основном электронных, таких как газеты «Нян зан» (Nhân dân), «Туой че» (Tuổi trẻ), «Куан дой нян зан» (Quân đội nhân dân), «Тиен фонг» (Tiền phong), «Лао донг» (Lao động), «Нонг нгип» (Nông nghiệp) и ряд других за период 2010—2020 гг. Целью нашего исследования является анализ и систематизация представленных в современных вьетнамских медиатекстах фразеологических единиц, как употреблённых в традиционной форме, так и подвергшихся различным видам трансформации, которые изменяют стабильную структуру и традиционную семантику фразеологизмов.

Использование фразеологизмов в традиционной (базовой) форме

Фразеологизмы в традиционной (базовой) форме используются авторами медиатекстов как языковые единицы, воспроизводящиеся в готовом виде, для усиления экспрессивности, выразительности, образности речи. Наиболее часто фразеологические единицы используются в качестве заголовков и подзаголовков медиаизданий для того, чтобы заинтриговать читателя, привлечь его внимание, побудить к чтению материала. Например: заголовок *Gì càng già càng cay* («Чем старше имбирь, тем он острее») — **чем старше человек, тем он умней и опытней** (в статье идёт речь о мудрых предложениях председателя совета старейшин деревни, направленных на возрождение пустеющих деревень) [Nhân dân: 4.07.2019]; *Cốc mò cò xơi* («Баклан достаёт пищу, а аист её ест») — **плоды труда достались другим** (об арендаторе лесного участка, который не смог воспользоваться результатами своего многолетнего труда из-за бюрократических преград) [Nông nghiệp Việt Nam: 8.12.2010]; *Vừa ăn cướp, vừa la làng* («Грабить и одновременно голосить, зовя на помощь») — **вор кричит: держи вора!** (заголовок статьи о вымогателе, выдававшем себя за журналиста и обратившемся в правоохранительные органы с обвинениями в адрес газеты, написавшей об этом деле) [Tiền phong: 25.03.2019]; *Trồng lúa không còn chân lấm tay bùn* (При посадке риса больше нет «перепачканных в грязи ног и рук») — **в рисоводстве больше нет тяжёлого крестьянского труда** (заголовок статьи об использовании в рисоводстве современной техники). Помимо заголовков и подзаголовков, где наблюдается наибольшая частотность употребления фразеологиз-

мов, фразеологические единицы в первоначальной, исходной форме встречаются также и в других частях текста: Được sự hỗ trợ kịp thời của mọi người, mẹ con tôi như người chết đuối vớ được cọc (Получив своевременную помощь, мы с ребёнком как утопающий, который схватился за кол (т. е. неожиданно повезло) [Tuổi trẻ: 17.07.2013]; Số còn lại chỉ tính trên đầu ngón tay (Оставшихся можно пересчитать по пальцам) [Nhân dân: 4.07.2019]; Chủ các nhà máy này đang đứng ngồi không yên vì lệnh ngừng hoạt động (Владельцы этих заводов «стоят и сидят неспокойно» — очень волнуются — из-за приказа остановить работу) [Tuổi trẻ: 8.02.2020]; Gia đình ông Thụ vẫn “bình chân như vại” (Семья господина Тху «спокойна, как керамический бочонок» — сохраняет полное спокойствие) [Nhân dân: 6.01.2020] и т. п. Иногда авторы используют одновременно несколько фразеологизмов, что усиливает эмоционально-экспрессивное значение, создаёт нарастающее впечатление, например: Quả là vùng chèo khéo chống, vùng lúa chẻ đất lệch (Воистину неумело грести, да ловко отталкиваться шестом — т. е. плохо работать, но уметь находить оправдания, — неумело танцевать, а жаловаться, что земля неровная (плохому танцору ноги мешают) [Tuổi trẻ: 20.06.2011].

При анализе вьетнамского медиадискурса обращает на себя внимание наличие в медиатекстах довольно значительного количества новых фразеологических единиц, которые ещё не зафиксированы в лексикографических источниках. Приведём ряд примеров: Trên nóng dưới lạnh («Верх горячий, низ холодный» — у больного голова горячая, а ноги холодные: *верхи отдают распоряжение, а низы не выполняют*); Trên nóng dưới lạnh ở tỉnh Hải Dương (Местные власти не выполняют распоряжение руководства в пров. Хайзыонг — речь идёт о непредоставлении семье нового жилья, о чём было принято решение вышестоящих властей) [Quân đội nhân dân: 29.01.2018]; Tay nhanh hơn não («Рука быстрее, чем мозг» — быстро и бездумно одним кликом мыши поставить лайк, сделать перепост и т. п.: *распространять непроверенную информацию в Интернете*); Xử lý hai đối tượng tay nhanh hơn não tung tin thất thiệt về virus corona (Принять меры в отношении двух лиц, бездумно распространявших недостоверные сведения о коронавирусе) [Người lao động: 7.02.2020]; Tuột dốc không phanh («Скользить по склону без тормозов» — стремительно, неудержимо падать вниз); USD tuột dốc không phanh (Курс американского доллара стремительно падает) [Lao động: 14.12.2019]; Vượt kịch bản («Превзойти сценарий» — превзойти ожидаемую, планируемую величину); Giá thịt lợn có thể tăng vượt kịch bản (Цена свинины может вырасти выше, чем ожидалось) [Nhân dân: 6.01.2020]; Hạ cánh an toàn («Благополучно приземлиться» — благополучно избежать наказания, выйдя на пенсию, сменив работу и т. п.); Cán bộ về hưu sai phạm vẫn bị xử lý, không hạ cánh an toàn (Допустившие нарушения кадровые работники, ушедшие на пенсию, всё равно будут наказаны, не удастся благополучно избежать наказания) [Tuổi trẻ: 26.11.2018]; Mua vàng thì lỗ mua thổ thì lời (Покупая золото, разоришься, покупая землю, будешь с прибылью) [Công an Đà Nẵng: 15.02.2020]; Ánh sáng cuối đường hầm («Свет в конце туннеля», вероятно, заимствовано из английского языка) [Nhân dân: 2.10.2019]; Bỏ tất cả trứng vào một giỏ («Класть все яйца в одну корзину», заимствовано из английского языка); Người có tiền nhàn rỗi không nên bỏ tất cả trứng vào một giỏ (Тем, у кого есть свободные деньги, не следует класть все яйца в одну корзину) [Nhân dân: 28.02.2014].

Использование трансформированных фразеологических единиц

Трансформация фразеологизма — это «всякое смысловое и/или структурное отступление от общеустановленной нормы, закреплённой в лингвистической литературе» [Гусейнова 2015: 68]. Оказиональное стилистическое использование фразеологической единицы

состоит в уникальной стилистической актуализации её в речи, в результате чего «происходят значительные изменения формы и значения фразеологической единицы, определяемые контекстом» [Федуленкова 2012: 126]. Примечательно, что трансформация фразеологизма в экспрессивно-стилистических целях наиболее эффективна в тех случаях, когда фразеологическая единица обладает высокой степенью устойчивости лексического состава, её структурно-семантический облик прочно закреплён в сознании носителей языка, что и позволяет читателю дифференцировать традиционную и трансформированную формы, понять суть фразеологической трансформации.

Способы трансформаций фразеологических единиц в медиатекстах многообразны. Рассмотрим разновидности трансформаций фразеологизмов во вьетнамских средствах массовой информации. Условно можно выделить формальные (структурные) и семантические трансформации, также возможны комбинирования формальных и семантических видов преобразования. Возможны следующие основные **формальные (структурные) трансформации**: *а) замена одного из лексических компонентов другим*. Замещающая лексема связана с замещаемой семантически, фонетически, графически либо не обусловлена семантической близостью со значением фразеологизма. Например: Học ăn, học nói, học gói, học... code («Учиться есть, учиться говорить, учиться завёртывать, учиться ... программировать») [Tuổi trẻ cuối tuần: 8.01.2020]. Последний компонент исходного фразеологизма mở «открывать» заменён на code «программировать». Значение исходного фразеологизма — учиться вести себя, учиться правильным манерам. В статье, заголовком которой служит трансформированный фразеологизм, речь идёт об обучении детей программированию с раннего детского возраста; *б) расширение компонентного состава фразеологизма* за счёт введения добавочных компонентов, уточняющих слов, усиливающих оценочность, экспрессивность, модальность, расширяющих либо сужающих значение. Например: Bình cũ nhưng rượu sức mới «Кувшин старый, но вино новейшее» (исходный вариант: Bình cũ rượu mới «Кувшин старый, вино новое») — новое вино в старых мехах [Hoa học trò: 7.02.2020]. Речь в статье идёт о фильмах, абсолютно по-новому рассказывающих о старых, знакомых сюжетах; *в) разрыв фразеологической единицы* — разъединение фразеологизма на части словом или словосочетанием, при сохранении неизменного количества компонентов в целях создания нового стилистического эффекта, повышения выразительности высказывания. Например: Đúng là cái ách giữa đường, mình đem quàng vào cổ, chuyện thiên hạ lại tha về nhà mà cãi cộ («Вот уж поистине я взял ярмо, валявшееся посреди дороги, и надел себе на шею, чужие дела привели к ссоре в моей семье»), исходный вариант: Ách giữa đường quàng vào cổ («Надеть себе на шею ярмо, валявшееся посреди дороги») — взвалить на себя ненужную ношу, создать себе проблемы на ровном месте [Pháp luật: 26.02.2011]; *г) сокращение состава (усечение, редуцирование) фразеологической единицы*, что создаёт эффект усиленного ожидания, повышает экспрессивность выражения, эксплицирует оценку события. При этом адресат материала легко восстанавливает в памяти устойчивое сочетание за счёт своих фоновых лингвистических знаний: Một miếng khi đói... («Кусок для голодного...») — первая часть пословицы Một miếng khi đói bằng một gói khi no («Кусок для голодного всё равно что целый свёрток для сытого») — оказать своевременную помощь в трудный момент. Речь в статье идёт о жителях деревни, понемногу помогающих рисом более нуждающимся [Nông nghiệp Việt Nam: 11.11.2014].

Семантическая трансформация заключается в буквализации значений компонентов фразеологической единицы, которая в этом случае воспринимается одновременно и в прямом и в переносном смысле. Этот приём называется также фразеологической игрой слов, либо двойной актуализацией. Например: Trên đe, dưới búa tự sự («Повествование между молотом и наковальней») — рассказ о жизни кузнеца [Tiền phong: 23.04.2016]. Исходный фразеологизм Trên đe dưới búa («Между молотом и наковальней») — в безвыходном положении.

Другой пример: *Hổ chết để da, người ta chết để lại... tiếng* («После смерти тигра остаётся шкура, после смерти человека — слово») [Công luận: 3.04.2015]. В статье рассказывается об обнаружении высеченных на скале слов императора Ле Тхай Тонга. Здесь слово «*tiếng*» употреблено в значении «слово», тогда как в исходном фразеологизме оно употребляется в значении «репутация», и исходный фразеологизм звучит: «После смерти тигра остаётся шкура, а после смерти человека — репутация».

В **комбинированных (формально-семантических) трансформациях** используется одновременно несколько разновидностей модификаций. Например: *Cháy nhà ra mặt... karaoke không phép* («При пожаре обнаружился... нелегальный клуб караоке») [Lao động: 7.11.2016]. Исходный фразеологизм звучит: *Cháy nhà ra mặt chuột* («При пожаре крысы вылезают наружу») — в критической ситуации проявляется истинное лицо людей. Здесь мы видим структурную трансформацию (замена лексического компонента) и одновременно семантическую трансформацию — актуализацию буквального значения (речь идёт о реально случившемся пожаре, после которого обнаружилось, что сгоревший клуб караоке действовал нелегально).

Необходимо разграничивать окказиональные (контекстуальные) трансформации и узуальные варианты фразеологических единиц. Вьетнамские исследователи не всегда разделяют фразеологическую трансформацию и фразеологическую вариантность. Так, например, Хоанг Ань [Hoàng Anh 2003] считает трансформацией перестановку компонентов фразеологического оборота. Комбинаторная (позиционная) вариантность фразеологических единиц широко распространена во вьетнамском языке среди фразеологизмов параллельной структуры, где возможна как перестановка двух симметричных частей фразеологизма, так и перестановка компонентов внутри параллельных частей фразеологизма. Вариантность фразеологической единицы зафиксирована языковой нормой и не ведёт к нарушению семантического тождества фразеологизма, в отличие от контекстуальной авторской трансформации фразеологизмов.

Заключение

Проведённый анализ показал, что в современную эпоху возрастания роли средств массовой информации вьетнамская фразеология занимает одно из важнейших мест в арсенале номинативных и семантико-экспрессивных средств, используемых авторами медиатекстов. Фразеологические единицы служат эффективным средством усиления экспрессивности, выразительности, образности, убедительности, оценочности медиатекстов, привлекают внимание читателей, создают яркие эмоциональные образы. Фразеологизмы во вьетнамских масс-медиа используются как в традиционной, так и в трансформированной форме. Фразеологические единицы используются в любой части текста, но особенно часто — в заголовках и подзаголовках. Фразеологизмы подвергаются различным видам трансформации: структурным, семантическим, комбинированным структурно-семантическим. Среди структурных видов трансформации мы выделили следующие основные: замена лексических компонентов, расширение состава фразеологической единицы, разрыв фразеологической единицы, сокращение компонентного состава. Обращает на себя внимание наличие во вьетнамских СМИ значительного количества новых фразеологических единиц, что свидетельствует об активной неологизации фразеологических оборотов и демократизации в их использовании. Язык вьетнамских средств массовой информации представляет собой ценный объект для наблюдения за функционированием фразеологических единиц и динамикой языковых процессов во фразеологии.

Список литературы

1. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе: объективная закономерность // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета*. Общественные и гуманитарные науки, 2015, № 4. С. 67—71.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: МГУ, 1971. 267 с.
3. Кривенко Б.В. Фразеология и газетная речь // *Русская речь*, 1993, № 3. С. 44—49.
4. Мокиенко В. М. Функции фразем в современных СМИ // *Медиалингвистика*, 2016, № 3 (13). С. 7—18.
5. Солганик Г.Я. Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития // *Мир русского слова*, 2008, № 2. С. 9—18.
6. Тюменева Е.И. «Авторская корректировка» фразеологизмов в общественно-политических текстах вьетнамских СМИ // *Методический бюллетень № 19 ВКИЯ МИД РФ*. М.: Ключ-С, 2018. С. 149—156.
7. Тюменева Е.И. Фразеология в публицистических текстах вьетнамских СМИ // *Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах*. Кострома, 2016. С. 179—181.
8. Федуленкова Т.Н., Воронин Р.А. Окказиональное преобразование фразеологических единиц как лингвистическое явление // *Вестник СВФУ*, 2012, том 9, № 3. С. 126—130.
9. Bùi Thanh Lương. Cách sử dụng thành ngữ mới trên một số ấn phẩm báo chí [Новый способ использования фразеологизмов в ряде печатных изданий] // *Ngôn ngữ và đời sống*, 2006, no. 9. Tr. 8—11.
10. Hoàng Anh. Về cách sử dụng thành ngữ — tục ngữ trên báo chí [О способах использования фразеологизмов и пословиц в прессе] // *Ngôn ngữ và đời sống*, 2003, no. 10. Tr. 10—12.
11. Nguyễn Đức Dân. Vận dụng tục ngữ, thành ngữ và danh ngôn trên báo chí [Использование пословиц, фразеологизмов и афоризмов в прессе] // *Ngôn ngữ*, 2004, no. 10. Tr. 1—7.

Для цитирования: Андреева В.А. Функционирование и трансформация фразеологических единиц во вьетнамских средствах массовой информации // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 68—75.

Автор:

Андреева Валентина Алексеевна, научный сотрудник, Институт языкознания РАН.
ORCID: 0000-0002-4170-1845. E-mail: andreeva_va@iling-ran.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 03.02.2020

Дата поступления в переработанном виде: 29.02.2020

Принята к печати: 10.03.2020

V.A. Andreeva

THE FUNCTIONING AND TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE VIETNAMESE MEDIA

Abstract. The article is devoted to the functioning and transformation of phraseological units in the Vietnamese mass media. The study material was the media texts of Vietnamese periodicals, mainly electronic, such as the newspapers *Nhân dân*, *Tuổi trẻ*, *Quân đội nhân dân*, *Tiền phong*, *Lao động*, *Nông nghiệp* and several others for the period 2010—2020. It is noted that phraseological units are one of the most important semantic and expressive means used in media texts. Phraseological units are used in both traditional (basic) and transformed forms. Especially often, phraseological units are used in the headings and subheadings of media texts to attract the attention of readers, enhance expressive coloring and expressiveness, create an ironic effect and engage readers in a language game. The following main types of transformation are considered: formal (structural), semantic, and combined structural-semantic. The types of structural transformation are distinguished: replacing lexical components, expanding the composition of the phraseological unit, breaking the phraseological unit, reducing the component composition. The semantic transformation consists in the literalization of the meanings of the components of the phraseological unit, which in this case is perceived simultaneously in both the literal and figurative sense. In the combined (formal-semantic) transformations, several varieties of modifications are used simultaneously. The necessity of distinguishing between occasional (contextual) transformations and normal variants of phraseological units is indicated. The use in the language of the media of a significant number of new phraseological units not yet recorded in phraseological dictionaries is noted, examples of such units are given.

Keywords: Vietnamese language, the language of the media, phraseology, transformation of phraseological units.

References

1. Bùi Thanh Lương (2006). Cách sử dụng thành ngữ mới trên một số ấn phẩm báo chí [A new way of using phraseological units in a number of print publications]. *Ngôn ngữ và đời sống*, no. 9. Tr. 8—11.
2. Fedulenkova, T.N., Voronin, R.A. (2012). Okkazionalnoe preobrazovanie frazeologicheskikh edinic kak lingvisticheskoe javlenie [Occasional transformation of phraseological units as a linguistic phenomenon]. *Vestnik SVFU*, Tom 9, no.3. S. 126—130.
3. Gusejnova, T.S. (2015). Transformacija frazeologicheskikh edinic v publicisticheskom diskurse: obektivnaja zakonomernost [Transformation of phraseological units in journalistic discourse: objective regularity]. *Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki, no. 4. S. 67—71.
4. Hoàng Anh (2003). Về cách sử dụng thành ngữ — tục ngữ trên báo chí [On the methods of using phraseological units and proverbs in the press]. *Ngôn ngữ và đời sống*, no. 10. Tr. 10—12.
5. Kostomarov, V.G. (1971). Russkij jazyk na gazetnoj polose: Nekotorye osobennosti jazyka sovremennoj gazetnoj publicistiki [Russian on the newspaper page: Some features of the language of modern newspaper journalism]. M.: MGU. 267 s.
6. Krivenko, B.V. (1993). Frazeologija i gazetnaja rech [Phraseology and newspaper speech]. *Russkaja rech*, no. 3. S. 44—49.

7. Mokienko, V. M. (2016). Funkcii frazem v sovremennyh SMI [The phrases' functions in modern media]. *Media Linguistics*, no. 3 (13). S. 7—18.
8. Nguyễn Đức Dân (2004). Vận dụng tục ngữ, thành ngữ và danh ngôn trên báo chí [Use of Proverbs, phraseological units, and aphorisms in the press]. *Ngôn ngữ*, no. 10. Tr. 1—7.
9. Solganik, G.Ya. (2008). Mesto jazyka SMI v literaturnom jazyke. Perspektivy razvitija [The place of the media language in the literary language. Prospect of development]. *Mir russkogo slova*, no. 2. S. 9—18.
10. Tjumeneva, E.I. (2018). «Avtorskaja korrektirovka» frazeologizmov v obshhestvenno-politicheskikh tekstah vietnamskih SMI [“Author's adjustment” of phraseological units in political texts of the Vietnamese media]. *Metodicheskij bjulleten № 19 VKIJa MID RF*. M.: Kljuch-S. S. 149—156.
11. Tjumeneva, E.I. (2016). Frazeologija v publicisticheskikh tekstah vietnamskih SMI [Phraseology in publicistic texts of the Vietnamese media]. *Frazeologizm i slovo v hudozhestvennom, publicisticheskom i narodno-razgovornom diskursah*. Kostroma. S. 179—181.

For citation: Andreeva V.A. (2020). The functioning and transformation of phraseological units in the Vietnamese media. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no. 1. P. 68—75.

Author:

Andreeva Valentina A., Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4170-1845. E-mail: andreeva_va@iling-ran.ru

Article history:

Received: February 03, 2020

Received in revised form: February 29, 2020

Accepted: March 10, 2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10008

В.М. Мазырин, Е.В. Никулина

ЭКСПЕРТЫ ОБ ИСТОРИИ И СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (обзор дискуссии на круглом столе в ИДВ РАН, посвящённом 70-летию установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ)

Аннотация. В статье представлены оценки ведущих российских и вьетнамских экспертов современного состояния российско-вьетнамского взаимодействия в разных областях. Несмотря на высокий уровень политического взаимодействия, сделан вывод о падении роли России во Вьетнаме в экономике, науке и культуре, названы причины сложившейся ситуации и предложены пути повышения эффективности сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, СССР, сотрудничество, политика, экономика, наука, культура, Южно-Китайское море, ВТС, миграция.

20 января 2020 г. Центр изучения Вьетнама и АСЕАН (ЦИВАС) ИДВ РАН провел круглый стол на тему «70 лет сотрудничества России с Вьетнамом: устойчивые отношения, направленные в будущее», посвящённый юбилею установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ и входящий в программу Перекрёстного года двух стран. Во встрече участвовали представители академических институтов и вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока, МИД РФ и Россотрудничества, а также учёные из вузов Вьетнама и Вьетнамской академии общественных наук. Гостями были научные и практические работники, преподаватели и студенты московских вузов, представители Посольства СРВ в РФ и вьетнамских общественных организаций, присутствовали сотрудники всех вьетнамских СМИ, аккредитованных в России. Это мероприятие стало продолжением ежегодной серии тематических встреч на круглом столе, организуемых ЦИВАС с участием и при поддержке вьетнамских партнёров. Подобные встречи являются площадкой для обмена откровенными и объективными мнениями специалистов. Открывший круглый стол зам. директора ИДВ РАН С.В. Уянаев подчеркнул полезность подобных встреч российских и вьетнамских учёных для осмысления отношений между двумя странами и правильного их выстраивания в дальнейшем (рис. 1).

Посол СРВ в РФ Нго Дык Мань обозначил пять главных факторов, определяющих развитие российско-вьетнамских связей в течение 70 лет. Ими посол считает огромную моральную и материальную поддержку, которую СССР оказывал Вьетнаму со дня основания ДРВ, во время войн Сопротивления и при закладывании основ экономики страны; высокий уровень доверия между руководителями двух стран и контакты на высшем уровне; взаимовыгодный формат отношений, определённый Договором 1994 г.; тесное сотрудничество на международной арене и, что очень важно, духовную близость народов двух стран. Эти фак-

Рис. 1. Открытие Круглого стола. Посол СРВ в РФ Нго Дык Мань, зам. директора ИДВ РАН С.В. Уянаев, руководитель ЦИВАС В.М. Мазырин (слева направо). Фото ИДВ РАН

торы, по мнению Нго Дык Маня, являются залогом дальнейшего укрепления связей между Вьетнамом и Россией. То, что российско-вьетнамские отношения основаны на дружбе и доверии и не подвержены колебаниям международной политической конъюнктуры, отметил и заместитель директора 3-го Департамента Азии МИД России Г.С. Бездетко.

Характерными чертами круглого стола была концентрация на современном состоянии взаимодействия России и Вьетнама, объективная оценка положения дел, острота дискуссии и большое количество конкретных предложений для решения насущных проблем. Зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ профессор В.Н. Колотов отметил наращивание присутствия во Вьетнаме США, Японии, Южной Кореи и падение влияния РФ в экономике, науке и культуре этой страны до уровня региональной державы. В.Н. Колотов считает причиной этого низкое качество государственного управления в России, в том числе недостаточную подготовку и формальный характер взаимных договорённостей. По мнению эксперта, поворот России на Восток невозможен без активного вовлечения в этот процесс специалистов-востоковедов, но их подготовке в России уделяется недостаточно внимания. С выводами В.Н. Колотова не согласился руководитель Центра АСЕАН МГИМО (У) МИД РФ В.В. Сумский, который дал высокую оценку подготовке молодых востоковедов, а также привёл положительное мнение иностранных бизнесменов об уровне управления в Российской Федерации. Он обратил внимание на то, что Вьетнам является для России «воротами» в АСЕАН, и предложил создавать в инновационных секторах экономики совместные компании, нацеленные не только на Вьетнам, но и на рынки сопредельных стран ЮВА. В.В. Сумский также выдвинул инициативу по формированию в порту Камрань российско-вьетнамского Центра безопасности на море, оказывающего помощь в сферах чрезвычайного реагирования, медицины катастроф и кибербезопасности.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Г.М. Локшин остановился на отношении России к самой острой для Вьетнама международной проблеме — территориальным притязаниям Китая в Южно-Китайском море. Он подчеркнул, что Россию и с Китаем, и с Вьетнамом связывает всеобъемлющее стратегическое партнёрство. Если на глобальном уровне Россия является союзницей Китая в противостоянии США в его стремлении к однополярному миру, то на региональном уровне между Москвой и Пекином есть разногласия. Формально придерживаясь нейтралитета в решении территориальных споров в Южно-Китайском море, фактически Россия фактически игнорирует притязания Китая и поддерживает позицию Вьетнама, продолжая вести разведку и добычу нефти в его исключительной экономической зоне согласно международному праву, выраженному в UNCLOS.

Выступление руководителя Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН профессора В.М. Мазырина о современном состоянии российско-вьетнамского экономического сотрудничества помогло выявить ряд объективных фактов. Учёный показал, что Россия и Вьетнам по-разному подходят к интеграции в мировую экономику, и это сужает возможность их взаимодействия. Вьетнам активно привлекает иностранные инвестиции и стремится прорваться в группу развитых стран, а Российская Федерация попала под экономические санкции западных стран, и иностранный капитал играет слабую роль в развитии российской экономики. Приоритет западных, прежде всего американских, интересов в политике Ханоя в условиях жёстких санкций против России и нарушающих их стран, компаний и банков ведёт к прямому сокращению товарооборота между СРВ и ЕАЭС, как видно из итогов 2019 г. Россия утратила в силу объективных причин и собственных ошибок прежние позиции в большинстве отраслей вьетнамской экономики, особенно в стратегических. Главный барьер для возвращения этих позиций — многократно выросшая конкуренция во Вьетнаме, который превращается в мировую фабрику и торговый хаб, поэтому борьба за места в первом ряду на этом рынке становится всё ожесточённое. По мнению эксперта, это оставляет мало шансов российскому бизнесу, имеющему к тому же иные приоритеты и интересы, а вследствие неуклонного сближения экономических потенциалов двух стран потребность у Вьетнама в сотрудничестве с РФ, за исключением военно-технической составляющей, падает.

Ведущий научный сотрудник ИДВ В.Б. Кашин отметил, что в ближайшем будущем Россия сохранит роль основного поставщика вооружений для Вьетнама, но, учитывая проводимую Ханоем активную политику диверсификации ВТС, Москва должна выступить с предложениями по углублению интеграции в производстве оружия, а также развитию новых сфер сотрудничества, таких как кибербезопасность, современные системы радиоэлектронной борьбы, беспилотные авиационные и морские комплексы, к которым Вьетнам проявляет большое внимание. Новой сфере взаимодействия России и Вьетнама — цифровой экономике — посвятил свой доклад научный сотрудник Института экономики РАН Нгуен Куок Хунг. Он отметил, что в этой области Вьетнам является одним из лидеров ЮВА, и обозначил направления, на которых две страны могли бы успешно сотрудничать: создание общей цифровой инфраструктуры, совместные проекты в области биг-дата, формирование фонда развития цифровой экономики, компьютерная грамотность. А научный сотрудник ИДВ РАН Е.С. Бурова рассказала о росте двусторонней торговли аграрной продукцией и крупных вьетнамских инвестициях в сельское хозяйство Российской Федерации.

Утрата позиций РФ во Вьетнаме была отмечена и в докладе сотрудников Института социально-политических исследований РАН и МГИМО (У) МИД РФ С.В. Рязанцева и М.Н. Храмовой, посвящённого сотрудничеству России и Вьетнама в области миграции. Одной из основных причин падения интереса к России со стороны вьетнамцев была названа жёсткая миграционная политика РФ по отношению к ним и снижение курса рубля. По мнению экспертов, для России, переживающей вторую волну депопуляции, Вьетнам может

быть мощным партнёром в области трудовой и образовательной миграции, а также таких пока недооцененных форм, как бизнес- и инвестиционная миграция. Необходимость смягчения миграционной, особенно визовой, политики РФ по отношению к вьетнамцам, а также решения проблемы вида на жительство для вьетнамских граждан, постоянно живущих в России, отметил в своём докладе профессор Дипломатической академии МИД СРВ Ву Зыонг Хуан (рис. 2).

Рис. 2. Профессор Дипломатической академии МИД СРВ Ву Зыонг Хуан. Фото ИДВ РАН

Взаимодействие между Россией и Вьетнамом в области науки, образования и культуры находится на очень низком уровне, и это было убедительно показано в докладах участников круглого стола. Доцент Ханойского университета народного хозяйства До Хыонг Лан считает, что слабость российско-вьетнамского сотрудничества в области науки и технологии, помимо несовершенства механизма его управления и правового обеспечения, обусловлена также отсутствием стимулов развития, поддержки со стороны правительств обеих стран, особенно ограничением финансирования. К этому надо добавить недостаток информации о научно-технических достижениях и потребностях партнёров, о рынках научно-технической продукции, отсутствие связей и консультантов, необходимых при выходе на данные рынки. Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН А.А. Соколов привёл цифры, свидетельствующие о падении привлекательности российского образования для вьетнамской молодёжи. Из 130 тыс. вьетнамских студентов за рубежом в России учатся только около 6 тыс. Причинами этого в докладе названы проблемы с трудоустройством во Вьетнаме специалистов с русским языком, недостаток учебных программ на английском языке в российских вузах, невозможность подработки во время учёбы в России и получения иностранцами высокооплачиваемой работы после окончания вуза. О наборе вьетнамских студентов для

российских университетов рассказала руководитель Российского центра науки и культуры в Ханое Н.В. Шафинская. Она отметила, что последние три года Вьетнаму предоставляется самое большое число квот на бесплатное обучение студентов в российских вузах — около 1 тыс. путёвок, но существует ряд сложностей, препятствующих дальнейшему распространению информации о возможности получения бесплатного обучения в РФ. Интересный ракурс освещения культурных контактов двух стран выбрал старший преподаватель НИУ ВШЭ И.В. Бритов. Он считает эффективным способом развития таких контактов реализацию государственных, институциональных и частных крупных проектов. Н.В. Шафинская рассказала о трудностях с реализацией одного из таких проектов — перевода русской литературы на вьетнамский язык, а вьетнамской — на русский и распространения этих книг в двух странах. И.В. Бритов предложил ряд проектов в разных сферах культуры. Среди них — помощь музею русской литературы во Вьетнаме, съемки совместных художественных фильмов, создание российско-вьетнамского сайта и координационного центра. Руководитель Фонда поддержки научных исследований «Мастерская евразийских идей» Г.П. Трофимчук в очень эмоциональном выступлении отметил слабое освещение вьетнамской темы в российской прессе и призвал в год 70-летия установления дипотношений между двумя странами привести информационную сферу в соответствие с требованиями нового этапа взаимодействия и напряжённой международной обстановкой.

Своеобразным итогом всего сказанного на круглом столе можно считать выступление профессора НИУ ВШЭ Е.А. Канаева, сравнившего отношения двух стран в период СССР и сегодня — после создания ЗСТ с ЕАЭС (рис. 3). Эксперт считает, что в советское время при

Рис. 3. Выступление профессора НИУ ВШЭ Е.А. Канаева. Фото ИДВ РАН

всей идеологизации этих отношений они представляли системное решение системных проблем и были реальным стратегическим сотрудничеством, динамичным, разноректорным и ориентированным на многие годы вперед. Е.А. Канаев выразил убеждение в необходимости для России взять лучшее, что существовало в практике сотрудничества в советские годы.

Для цитирования: Мазырин В.М., Никулина Е.В. Эксперты об истории и сегодняшнем дне российско-вьетнамского сотрудничества // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 76—82.

Авторы:

Мазырин Владимир Моисеевич, д.э.н., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессор ИСАА МГУ. ORCID: 0000-0001-6988-0139.

E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Никулина Елена Вадимовна, научный сотрудник, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 18.02.2020

Принята к печати: 03.03.2020

V.M. Mazyrin, E.V. Nikulina

**EXPERTS' REVIEW OF THE HISTORY
AND PRESENT STATE OF RUSSIA-VIETNAM COOPERATION
(according to the Round Table discussion at the IFES RAS,
dedicated to the 70th anniversary of the establishment
of diplomatic relations between the USSR and the DRV)**

Abstract. The article presents the assessments of the leading Russian and Vietnamese experts of the current state of Russian-Vietnamese cooperation in various fields. The high level of trust between the leaders of the two countries and regular contacts at the highest level, close cooperation in the international arena and in the military and technical field, the spiritual closeness of the peoples of Russia and Vietnam were reminded. But at the same time, negative moments in the relations between the two countries were also revealed. Scientists drew attention to the fall in the influence of the Russian Federation in the economy, science and culture of Vietnam, the main reasons for this phenomenon were named. Russia has lost its previous positions in most sectors of the Vietnamese economy, due to objective reasons and its own mistakes, and the return of these positions under intense competition in the Vietnamese market is a difficult problem. The tight migration policy of the Russian authorities and the fall of the ruble exchange rate were named among the reasons for the loss of interest in Russia as an object of Vietnamese labor migration. Despite the allocation of the maximum number of quotas for free education for Vietnamese students in Russia, the attractiveness of Russian education among Vietnamese youth is far inferior to education in other countries. The main reasons were the problems with employment in Vietnam with Russian language and obtaining high-paid work in Russia after graduation. Low funding of Russian-Vietnamese cooperation in the field of science and technology, as well as culture, poor coverage of the Vietnamese theme in the Russian press were noted. The participants of the Round Table made a number of recommendations with the aim to correct the current situation and expressed the conviction that it is necessary for Russia to inherit the best that existed in the practice of cooperation with Vietnam in the Soviet years.

Keywords: Russia, Vietnam, USSR, cooperation, politics, economics, science, culture, South China Sea, military-technical cooperation, migration.

For citation: Mazyrin V.M., Nikulina E.V. (2020). Experts' review of the history and present state of Russia-Vietnam cooperation. *Russian Journal of Vietnamese Studies* series 2, No 1. P. 76—82.

Authors:

Mazyrin Vladimir M., D.Sc. (Economics), Chair of the Centre for Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Nikulina Elena V., Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Article history:

Received: February 18, 2020

Accepted: March 03, 2020

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ

**О защите диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук Ле Ван Выонгом
[ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]
на тему «Вьетнамо-российское сотрудничество по реализации
приоритетных направлений образовательной политики
в 2001—2017 гг.»**

Защита диссертации по специальности 07.00.02 — Отечественная история состоялась 27 февраля 2020 г. на заседании диссертационного совета ПДС 1000.005 на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Диссертация посвящена исследованию вьетнамо-российского сотрудничества по реализации приоритетных направлений образовательной политики в 2001—2017 гг. Это первая работа в российской историографии, в которой системно рассматривается весь комплекс российско-вьетнамских отношений в области образования, а также их место в глобальном контексте. Актуальность проблемы диссертационного исследования обусловлена стратегической важностью государственной политики в области образования, а также его исключительной ролью в процессе развития и модернизации экономик РФ и СРВ на современном этапе. В диссертации обозначены основные вызовы современной фазы развития, в числе которых — распространение терроризма, экстремизма и сепаратизма, и обоснована роль высшего образования как способа противодействия этим явлениям и повышения уровня политического мышления широких масс. В исследовании названы основные трудности, которые должно преодолеть высшее образование Вьетнама для подготовки специалистов для 4-й промышленной революции, и выявлены возможности сотрудничества с Россией для преодоления этих трудностей. Учёт приоритетов модернизации высшей школы как России, так и Вьетнама позволит реализовать возможности их интеграции на основе равенства и взаимной выгоды, решить сложнейшую проблему занятости населения с учётом имеющегося научно-образовательного потенциала обоих государств.

Научный руководитель: д.и.н. Симонова Мария Александровна, директор Учебно-научного института сравнительной образовательной политики РУДН.

Основные публикации по теме диссертации

1. Ле Ван Выонг. Основные направления обеспечения качества подготовки в системе высшего образования в СРВ в условиях международной, региональной и двусторонней интеграции // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2017, № 36. С. 160—170.
2. Ле Ван Выонг. К вопросу о становлении высшего образования во Вьетнаме // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2018, № 41. С. 144—152.
3. Ле Ван Выонг, Шпаковская М.А. Сотрудничество Вьетнама и России в сфере высшего образования в контексте двустороннего сотрудничества // *Альманах «Казачество»*, 2019, № 41. С. 144—152.

Оппоненты:

д.и.н. Мосяков Дмитрий Валентинович, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН;

д.и.н. Колотов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета;

к.и.н. Кобелев Евгений Васильевич, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института дальнего Востока РАН.

The PhD (History) dissertation on the topic “Vietnam — Russia cooperation aiming at the implementation of priority directions of the educational policy in 2001—2017” (specialization 07.00.02 — Native history) was defended by Le Van Vuong at the Peoples' Friendship University of Russia, on February 27, 2020.

The dissertation is devoted to the study of Vietnam — Russia cooperation on the implementation of priority areas of educational policy in 2001—2017. This is the first work in Russian historiography, which systematically examines the whole range of Vietnam — Russia relations in the field of education, as well as their place in the global context. The relevance of the problem of dissertation research is due to the strategic importance of state policy in the field of education, as well as its exceptional role in the development and modernization of the economies of the Russian Federation and Vietnam in the modern stage. The dissertation outlines the main challenges of the modern phase of development, including the spread of terrorism, extremism and separatism, and substantiates the role of higher education as a way of counteracting these phenomena and raising the level of political thinking of the masses. The study identifies the main difficulties that higher education in Vietnam must overcome in order to train specialists for the 4th industrial revolution, and identifies opportunities for cooperation with Russia to overcome these difficulties. Taking into account the priorities of modernization of higher education in both Russia and Vietnam will make it possible to realize the possibilities of their integration on the basis of equality and mutual benefit, and to solve the complex problem of population employment, taking into account the existing scientific and educational potential of both states.

Keywords: Vietnam — Russia cooperation, priority directions, educational policy.

Scientific supervisor: Maria Simonova, D.Sc. (History), Director of the Educational and Scientific Institute of Comparative Educational Policy, Peoples' Friendship University of Russia.

Opponents:

Mosyakov Dmitry Valentinovich, D.Sc. (History), Head of the Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences;

Kolotov Vladimir Nikolaevich, D.Sc. (History), Chair of the Department of History of the Far Eastern countries, St. Petersburg State University;

Kobelev Evgeny Vasilievich, Ph.D., Leading Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10009

В.Е. Петровский

«ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА» МЕЖДУ КИТАЕМ И ВЬЕТНАМОМ: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Актуальные проблемы вьетнамоведения — 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года. М.: ИДВ РАН, 2019. 192 с. ISBN 978-5-8381-036-9

Аннотация. Предлагаемый читателям сборник состоит из статей российских и вьетнамских учёных — участников круглого стола на тему «Вьетнамо-китайские отношения: трудный поиск согласия», проведённого Центром изучения Вьетнама и АСЕАН 20 февраля 2019 г. в связи с 40-летием пограничной войны 1979 г. между Китаем и Вьетнамом. Сборник включает 12 статей, поделённых на две части. В первой рассматривается сам конфликт, его причины и последствия, роль в нём Советского Союза, уроки этой войны. Во второй части авторы затрагивают актуальные проблемы отношений между двумя соседними странами в период от начала нормализации отношений в 1991 г. и до наших дней.

Ключевые слова: вьетнамо-китайские отношения, пограничная война, позиции социализма в мире, проблема Южно-Китайского моря, АСЕАН, «инициатива Пояса и пути».

Разразившаяся более 40 лет назад вьетнамо-китайская война, война одной социалистической страны против другой, стала одной из самых драматичных страниц в их взаимоотношениях и во всей новейшей истории, стоила немалых жертв обеим и вписала одну из самых трагических страниц в историю их весьма непростых отношений. После восстановления мира и нормализации отношений руководство правящих коммунистических партий Китая и Вьетнама договорилось между собой больше не возвращаться к этой теме ни в публичных выступлениях, ни в СМИ. Но вышедший в свет сборник статей российских и вьетнамских учёных по этой теме подтверждает истину о том, что в истории не бывает белых пятен.

Хотя правительства обеих стран заявляли о своей победе, эта война оставила горькие воспоминания у всех, кто в ней участвовал. Китайское население в своём большинстве до сих пор не понимает природу этой войны и её цели. Но, по мнению автора одной из статей Г.М. Локшина, поскольку вся война проходила на территории Вьетнама, это противоречит утверждениям китайских политиков и официальной пропаганды, что Китай никогда не совершал агрессии против других стран (с. 14).

Авторы сборника, в частности В.Я. Портяков, показывают, что война имела очень серьёзные последствия. Для международной обстановки в целом она привела к ослаблению позиций социализма в мире, падению престижа социалистических стран, формированию ки-

тайско-американского альянса для противодействия СССР. Для Вьетнама она привела к осложнению социально-экономической обстановки вследствие дополнительных затрат на преодоление последствий войны и помощь Камбодже; переосмыслению внешнеполитического курса, постепенному повороту к ориентации на АСЕАН; серьёзному осложнению на десятилетие отношений с Китаем, что привело к откладыванию на более поздние сроки назревших экономических реформ в стране, однотипных с китайскими.

Для Китая война означала серьёзные потери в живой силе вследствие тяжелых боёв, закрепление курса на сближение Пекина с Западом и срыв наметившегося потепления в китайско-советских отношениях. По мнению В.Я. Портякова, Пекин получил формальную возможность обосновать отказ от продления договора с СССР 1950 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а в дальнейшем существенно затянуть процесс нормализации двусторонних отношений с СССР; прозападный курс КНР в 1980-е годы облегчил ей привлечение иностранных капиталов и массовое создание предприятий с иностранными инвестициями.

Для Советского Союза война привела к общему ухудшению международно-политического положения вследствие фактической смычки двух главных на тот момент противников страны на мировой арене — США и Китая; закреплению на ряд лет у советского руководства антикитайских настроений, что вызывало изначальное неприятие Москвой экономических реформ в КНР и задержку собственных реформ; значительному осложнению и более медленному, чем можно было ожидать, ходу процесса нормализации отношений с Китаем, дополнительным неэффективным тратам на обеспечение обороноспособности страны (с. 72—74).

После нормализации вьетнамо-китайских отношений, подчеркивается в статье вьетнамских авторов Нгуен Суан Кыонга и Нгуен Тхи Фыонг Хоа, стороны обозначили принципы, цели, направления развития, меры по их реализации на каждом этапе и наиболее важные области сотрудничества. На этой основе вьетнамо-китайские отношения быстро восстановились, политические отношения в основном сохраняли стабильность, торговля и инвестиции быстро росли. Достижения в отношениях двух стран, специально отмечают авторы, — это результат последовательного использования и задействования преимуществ, идентичности политических институтов и разницы в развитии. Китай лучше осваивал выгоды и захватил преимущество в торгово-экономическом сотрудничестве с Вьетнамом. Хотя последний также получил много выгоды, однако, по мнению вьетнамских учёных, пока не добился главных целей — равенства и взаимной выгоды, успешного сотрудничества. Поэтому параллельно со спорами в Южно-Китайском море экономическое сотрудничество с Китаем стало одной из двух проблем, к которым приковано наибольшее внимание вьетнамских граждан, и тенденция к сопряжению двух этих проблем становится всё более очевидной (с. 102—103).

Тем не менее, отмечает в своей статье Е.А. Канаев, сохраняющиеся китайско-вьетнамские противоречия занимают всё более заметное место в отношениях между Китаем и АСЕАН. Среди наиболее заметных примеров — проблема Южно-Китайского моря, проект «Индо-Тихоокеанский регион» и не в последнюю очередь вопросы водопользования р. Меконг. То, в какой мере вьетнамская дипломатия сможет откликнуться на эти вызовы, будет, по мнению автора, определять отношения между АСЕАН и Китаем не только в год вьетнамского председательства в Ассоциации, но и на многие годы вперед (с. 177).

Джулия Льюнг Динь в своей статье утверждает, что современный Вьетнам нуждается в углублении политики многосторонности и диверсификации внешних связей. С этой целью она рекомендует «принять всеобъемлющий, непредвзятый и критический подход к политической риторике Пекина, предусматривающей инициативу «Один пояс, один путь» в качестве модели всесторонней глобализации». Вьетнам и Китай должны использовать своё сотрудничество в проектах «инициативы Пояса и пути» в качестве демонстрации мировому сооб-

щество обязательств обеих стран по разрешению споров и конфликтов посредством сотрудничества и мирных переговоров (с. 187).

Война и мир, непростая диалектика вьетнамо-китайских отношений в международном контексте — всё это читатель найдет в рассматриваемом сборнике. Он читается с интересом и наверняка найдет своё место на книжной полке вьетнамистов, китаистов и всех, кто интересуется проблемами новейшей истории и международных отношений Восточной Азии.

Для цитирования: Петровский В.Е. «Пограничная война» между Китаем и Вьетнамом: уроки истории и современность. Рецензия на сборник «Актуальные проблемы вьетнамоведения—2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года» // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 85—88.

Автор:

Петровский Владимир Евгеньевич, д.полит.н., академик Академии военных наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН. ORCID: 0000-0002-7714-1341.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.02.2020

Принята к печати: 03.03.2020

V.E. Petrovsky

THE “BORDER WAR” BETWEEN CHINA AND VIETNAM: LESSONS OF THE HISTORY AND MODERNITY

Abstract. This collection consists of articles by Russian and Vietnamese scientists who participated in the Round table discussion on the subject: “Vietnam — China relations: the difficult search for agreement”, held at the Center for Vietnam and ASEAN studies, Institute for Far Eastern studies of the Russian Academy of Sciences, on February 20, 2019 and timed to the 40th anniversary of the 1979 “border war” between China and Vietnam. The volume includes 12 articles by Russian and Vietnamese authors, divided into two parts. The first examines the conflict itself, its causes and consequences, the role of the Soviet Union, the lessons of this war. In the second part, the authors touch upon the actual problems of relations between the two neighboring countries in the period from the normalization of relations in 1991 to the present day.

Keywords: Vietnam — China relations, “border war”, position of socialism in the world, problem of the South China Sea, ASEAN, Belt and Road Initiative.

For citation: Petrovsky V.E. (2020). The “border war” between China and Vietnam: lessons of the history and modernity. Review of the book «Actual problems of Vietnamese studies — 2019: Vietnam — China relations after the 1979 war». *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no. 1. P. 76—82.

Author:

Petrovsky Vladimir E., D.Sc.(Politics), Academician of the Academy of Military Sciences, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-7714-1341. E-mail: petrovsk4@gmail.com

Article history:

Received: February 20, 2020

Accepted: March 03, 2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10010

И.Н. Кибирёв

ВЬЕТНАМ — СТРАНА СТАРТАПОВ

Andrew P. Rowan. Startup Vietnam: Innovation and Entrepreneurship in the Socialist Republic. Mascot Books, 2019. 312 p. ISBN-10: 1643072609, ISBN-13: 978-1643072609

Аннотация. Рецензия дана на изданную в США в апреле 2019 г. книгу «Стартапы Вьетнама: инновации и предпринимательство в социалистической республике». В 2018 г. руководство СРВ публично взяло на себя обязательство сделать Вьетнам «страной стартапов». Мощное экономическое развитие в XXI в. позволило осуществить многое из намеченного, превратив Вьетнам в одну из узловых площадок для стартапов в Юго-Восточной Азии. Именно об этом рассказывает американский предприниматель, бизнес-консультант и консультант для стартапов Эндрю П. Роуэн. Свидетель, участник и инициатор многих знаковых деловых проектов во Вьетнаме, автор делится личным опытом работы во вьетнамской предпринимательской среде, экстраполируя этот опыт на региональный и глобальный контексты. Книга будет весьма полезной как исследователям экономики страны и региона, так и практикам бизнеса.

Ключевые слова: Вьетнам, предпринимательство, стартапы, инновации и технологии, инвестиции, бизнес-среда.

Американский предприниматель Эндрю Роуэн много лет прожил во Вьетнаме, все эти годы занимаясь техническим консультированием вьетнамских стартапов и развитием деловых инициатив национального уровня. Автор делится своим обширным опытом взаимодействия с вьетнамскими и иностранными бизнесменами по всей стране и выделяет ключевые проблемы, преодолеваемые предпринимателями и стартапами во Вьетнаме. В качестве директора GKTA Group (компании, создающей и поставляющей специализированные технологические и бизнес-продукты, услуги и решения для частных лиц и организаций прежде всего в Юго-Восточной Азии) он установил партнёрские отношения с программой финско-вьетнамского инновационного партнёрства (The Vietnam — Finland Innovation Partnership Programme — IPP), ускорившей рост многих стартапов на территории Вьетнама.

Роуэн активно сотрудничает с ведущими новостными стартап-порталами Tech In Asia, e27 и Tech Wire Asia, где регулярно пишет на темы стартапов, инноваций и экономического роста Юго-Восточной Азии. Выступал с лекциями на эти темы в Калифорнийском, Дэвисском и Нью-Йоркском университетах. Автор делится контентом, связанным с Вьетнамом, в Твиттере и LinkedIn, и в дополнение к своей книге создал сайт www.startupvietnambook.com, включающий в себя весь опубликованный материал, касающийся стартапов, инноваций и технологий Вьетнама.

Такого рода опыт безусловно заслуживает самого пристального внимания.

Книга поделена на три раздела и десять глав.

Первый раздел, названный «Больше, чем видится», и три его главы («Почему Вьетнам», «Первые впечатления» и «Вьетнам вблизи») помогают читателю «войти в страну», оглядеться, «сориентироваться на местности». Автор уверен, что происходящее сейчас во Вьетнаме стоит усилий для буквальной и культурной акклиматизации. «За тридцать лет Вьетнам прошел путь от экономики, опирающейся на субсидии (до 1986 г.) к «экономике стартапов» с тысячами быстрорастущих предприятий с большим потенциалом» (с. 5). Уникальные возможности, таящиеся здесь, примиряют западных предпринимателей и вьеткьеу (этнических вьетов, проживающие за пределами Вьетнама) даже с тем фактом, что Вьетнам — одна из немногих в мире стран, где у власти по-прежнему стоит коммунистическая партия.

Но тем, кто стремится здесь к успеху, очень важно иметь правильные ожидания. Вьетнамская деловая среда часто чувствительно отличается от достаточно структурированной и формальной деловой среды на Западе, да и в России. Нюанс и контекст — ключи к пониманию многих деловых ситуаций! Очень часто контакты и отношения даже важнее уже заключённых контрактов. Местный партнёр, помогающий ориентироваться на местной территории, является необходимостью для большинства иностранных предприятий, и книга поможет настроиться на верную предпринимательскую волну для управления присущими вьетнамскому рынку рисками.

Автор знакомит с неочевидным, пронизывающим повседневность, а это поможет научиться верно оценивать даже противоречивую информацию, избегая распространённых ошибок и понимая, чего можно ожидать в тех или иных ситуациях. Доброжелательная внимательность к деталям, о которых рассказывает автор, позволит создавать релевантную модель поведения, оставаясь верным своим принципам. Продолжением темы неформальных аспектов жизни во Вьетнаме становится и описание определяемых ими неформальных стилей ведения бизнеса.

Второй раздел книги «Новые инвесторы Вьетнама» с его четырьмя главами («Изменение мышления», «Форсирование роста Вьетнама», «Истоки нации стартапов» и «Вызовы и возможности») даёт понимание деловых реалий нынешнего Вьетнама как таковых.

Во Вьетнаме уже действует несколько тысяч вставших на ноги активных стартапов, что делает страну третьей по величине предпринимательской экосистемой в Юго-Восточной Азии после Сингапура и Индонезии. Многие предприниматели здесь воплощают собой «образ мышления нового Вьетнама». На примере их историй автор размышляет о том, как формируется и чем подпитывается это мышление и как оно формирует облик вьетнамской предпринимательской среды. Каждая конкретная история не похожа на остальные, и автор пытается понять, исключение ли это или формирование нового правила, ведь ответ на этот вопрос позволяет наметить хотя бы общий контур пути к успеху.

В большинстве случаев создание рабочих мест в экономике происходит благодаря малым и средним предприятиям, и, хотя стартапы являются лишь небольшой частью модели экономического роста страны, успешные компании могут сыграть существенную роль в долгосрочной перспективе. Обобщение опыта автора поможет не только увидеть чёткий контур делового пути страны, но и достаточно реалистично оценить конкретную бизнес-идею, и прежде всего, оптимальна ли она только для локального рынка или с первого же дня необходимо стремиться к региональной, а то и к глобальной игре. По мнению автора, местные и иностранные предприниматели, учитывая существующие в стране ресурсы и технологии, могут выбирать как разработку новых продуктов, услуг и решений на местном уровне, так и включение существующих глобальных решений в контекст Вьетнама. Причём для вьетнамских предпринимателей оптимальным может стать использование местных ноу-хау для сосредоточения на внутреннем рынке, в то время как международные инвесто-

ры могли бы стремиться к быстрой региональной экспансии. Стартапы могут и не быть решением каких-то конкретных проблем, но мышление стартапов и иной подход, нежели «обычный бизнес», могут способствовать культуре материализации инновационных моделей. Вместе с самыми активными бизнесменами Вьетнама автор размышляет, над чем ещё нужно работать вьетнамским и иностранным предпринимателям и в чём нуждаются бизнес-ангелы во Вьетнаме.

В качестве примера глобальных стартап-идей, имеющих все шансы для успешной локализации во Вьетнаме, и сфер их применения автор приводит «Запрос на стартапы» (с. 162—163) венчурного фонда Y Combinator, работающего в формате бизнес-инкубатора для небольших компаний в сфере информационных технологий: 1. Искусственный интеллект (AI). 2. Биотехнологии. 3. Кирпич и строительный раствор. 4. Технологии удаления углерода. 5. Клеточное сельское хозяйство и чистое мясо. 6. Более чистые товары. 7. Компьютерная безопасность. 8. Тематическое разнообразие стартапов. 9. Образование. 10. Топливо-энергетический комплекс. 11. Корпоративное программное обеспечение. 12. Финансовые услуги. 13. Будущее работы. 14. Здоровье. 15. Улучшение памяти. 16. Долголетие и антистарение. 17. Миллион рабочих мест. 18. Инструменты программирования. 19. Робототехника. 20. Распознавание фейкового видео. 21. Продуктивная рабочая среда для создателей стартапов. 22. Транспорт и жильё. 23. Повышение уровня обеспеченности услугами. 24. Голосовые приложения. 25. Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR).

Возможностей и ниш для воплощения идей более чем достаточно. Государственная поддержка, активный интерес к предпринимательству со стороны различных слоёв населения и многочисленные деловые события всё быстрее набирают критическую массу, достаточную для перехода количественных изменений в качественные. Около 95 % вьетнамских респондентов, участвовавших в специальном опросе, согласились со следующим утверждением: «Большинству людей лучше жить в условиях экономики свободного рынка, несмотря на то что кто-то богат, а кто-то беден» (с. 9).

В трёх главах («Создание прочного фундамента», «Локализация глобальных решений» и «Быть частью успеха Вьетнама») третьего раздела «Необходимые условия успеха» изложено видение будущего Вьетнама.

По данным Wealth-X World Ultra Wealth Report 2018, в 2012—2017 гг. во Вьетнаме рост показателя населения со сверхвысоким доходом был третьим в мире (с. 238). «...число вьетнамцев среднего класса достигнет 44 млн к 2020 г. и 95 млн к 2030 г.» [Вьетнам сегодня: 27.10.2016]. И с ростом покупательной способности эти потребители будут стремиться к новым продуктам и услугам. Неудивительно, что появляется всё больше стартапов, притягивающих значительные инвестиции из-за рубежа.

Автор излагает своё долгосрочное видение Вьетнама, т. е. как именно страна движется к намеченной цели, какие инвестиции и в каком объёме необходимы в образование, обучение и технологии, каковы вызовы и возможности у каждого участника. Нет ничего, что может помешать Вьетнаму соответствовать высоким международным стандартам для преодоления вызовов будущего.

«Вьетнам не только финансово доходит. Он находится на переднем крае нескольких отраслей и великих задач, поэтому лидеры различных направлений могут использовать свои позиции, чтобы стать первыми, кто разработает решения и экспортирует полученные технологии за рубеж или лицензирует их... На данный момент вопрос только в том, будете ли вы частью истории Вьетнама?» (с. 9)

С крушением административных и политических барьеров во Вьетнам хлынули предприниматели со всего мира. Описание этого интернационального бизнес-котла, дополненное рассказами о личном взаимодействии автора с вьетнамскими и иностранными предпринима-

телями, весьма поучительно. Среди иностранцев есть даже представители нашего ближайшего зарубежья: например, Айгерим Жангозина, первая женщина из Казахстана, возглавившая технологическую компанию за рубежом (с. 52—53).

На этом фоне присутствие во Вьетнаме российского среднего и малого бизнеса выглядит очень грустно, хотя взаимовыгодный потенциал огромен. Автор упоминает, например, в числе удачно воплощённых проектов «гиперлокализованный браузер Cốc Cốc с его 24 миллионами активных пользователей в месяц» (с. 25), но вообще не говорит о том, что вьетнамский поисковик Cốc Cốc Search был создан российским IT-специалистом Виктором Лавренко и его большой командой [Ведомости: 6.09.2018]. Есть уже и другие примеры попыток входа российских стартапов на вьетнамский рынок. Например, пришедший в 2015 г. во Вьетнам российский стартап 2can & iBox, занимающийся мобильным эквайрингом по банковским картам. Или SKYF — российский стартап, создавший первый в мире промышленный авиатранспортный дрон вертикального взлёта и посадки, заключивший в 2018 г. партнёрство с Международной транспортно-торговой компанией (ИТТ, Вьетнам) для использования аппаратов SKYF в логистических целях. Но всё это, конечно, совершенно не соответствует возможностям российского бизнеса, и книга «Startup Vietnam...» имеет все шансы стать действенным импульсом для инициативных россиян.

«Если у вас есть идея или концепция, найдите способ превратить её в продукт или услугу и в конечном итоге в бизнес с помощью вьетнамских умельцев. Если вы являетесь экспертом в определённой вертикали и хотите помочь или стать частью следующей волны вьетнамских технологических предпринимателей, приезжайте во Вьетнам» (с. 240).

У книги Эндрю Роуэна уже есть много заинтересованных и благодарных англоязычных читателей. Нет сомнения, что и в русскоязычном пространстве найдётся немало активных предпринимателей и инвесторов, для которых эта дельная, наполненная практичной информацией книга станет настоящей находкой.

Список литературы

1. Ожидается, что средний класс Вьетнама удвоится к 2020 году. Портал *Вьетнам сегодня*, 27.10.2016. URL: <https://asia-vietnam.ru/business-category/credniy-klass-naseleniya-vo-vietname-po-prognozam-udvoitsya-k-2020-godu>.

2. Инвесторы говорили: «Ребята, вы сумасшедшие — сжигаете миллион долларов в месяц без бизнес-плана» // *Ведомости*, 6.09.2018. URL: <https://vc.ru/migrate/44908-investory-govorili-rebyata-vy-sumashedshie-szhigaete-million-dollarov-v-mesyac-bez-biznes-plana>.

Для цитирования: Кибирёв И.Н. Вьетнам — страна стартапов. Рецензия на книгу Эндрю П. Роуэна «Стартапы Вьетнама: инновации и предпринимательство в социалистической республике» // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2020, № 1. С. 89—93.

Автор:

Кибирёв Игорь Николаевич, помощник председателя Общества российско-вьетнамской дружбы. E-mail: ikibirev@yahoo.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 10.02.2020

Принята к печати: 01.03.2020

Kibiryov I.N.

VIETNAM IS A «STARTUP COUNTRY»

Abstract. The review relates to the title “Startups of Vietnam: Innovation and Entrepreneurship in the Socialist Republic” published in the USA in April 2019.

In 2018, the Vietnamese leadership publicly committed themselves to turn Vietnam into a “startup country. According to the book’s author the country's remarkable economic performance in the 21st century allowed to implement the most part of what was planned, which turned Vietnam into one of the nodal hub for startups in Southeast Asia. That's what the American entrepreneur, business consultant and startups consultant Andrew P. Rowan talks about. Witness, participant and initiator of many iconic business projects in Vietnam, the author shares his personal work experience in the Vietnamese entrepreneurial environment, extrapolating his experience to regional and global contexts. The book will be very useful for researchers of the country and regional economy, as well as to business people.

Keywords: Vietnam, entrepreneurship, startups, innovation and technology, investments, business environment.

References

1. Ozhidaetsya, chto srednij klass Vietnama udvoitsya k 2020 godu [Vietnam's middle class is expected to double by 2020]. Portal *Vietnam segodnya*, 27.10.2016. Retrieved from URL: <https://asia-vietnam.ru/business-category/credniy-klass-naseleniya-vo-vietname-po-prognozam-udvoitsya-k-2020-godu/>.

2. Investory govorili: “Rebyata, vy sumasshedshie — szhigaete million dollarov v mesyac bez biznes-plana” [Investors said: “Guys, you are crazy — you burn a million dollars a month without any business plan”]. *Vedomosti*, 6.09.2018. Retrieved from URL: <https://vc.ru/migrate/44908-investory-govorili-rebyata-vy-sumasshedshie-szhigaete-million-dollarov-v-mesyac-bez-biznes-plana>.

For citation: Kibiryov I.N. (2020). Vietnam is a «startup country». Review of the book by Andrew P. Rowan «Startup Vietnam: Innovation and Entrepreneurship in the Socialist Republic». *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, no. 1. P. 89—93.

Author:

Kibiryov Igor N., assistant Chairman of the Russian-Vietnamese Friendship Society.
E-mail: ikibirev@yahoo.com

Article history:

Received: February 10, 2020

Accepted: March 01, 2020

ПАМЯТИ УЧЁНОГО

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ДО ТИЕН ШАМА

Ушёл из жизни выдающийся вьетнамский учёный, большой друг Института Дальнего Востока РАН профессор До Тиен Шам.

До Тиен Шам родился 2 мая 1953 г. в общине Лиешон уезда Тханьлием пров. Ханам. Окончив среднюю школу, он приехал в Ханой и поступил на факультет китайской филологии Ханойского педагогического института иностранных языков, который окончил в 1976 г.

В 1977—1986 гг. До Тиен Шам работал в Институте информации по общественным наукам. В 1984 г. он стал бакалавром истории в Ханойском университете, а в 1994 г. защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук. С 1986 по 1993 г. работал в Институте Азиатско-Тихоокеанского региона. В апреле 1993 г. из состава института выделился Центр китайских исследований, научным сотрудником которого стал До Тиен Шам. В сентябре 1999 г. он — заместитель директора Центра, через год, в октябре 2000 г. — исполняющий обязанности, а в декабре 2002 г. — директор Центра китайских исследований. В сентябре 2005 г. Центр был преобразован в Институт китайских исследований, До Тиен Шам возглавил его и руководил до октября 2013 г., а с 2015 по 2019 г. работал в качестве ведущего научного сотрудника этого научного учреждения. В 2010 г. ему было присвоено звание профессора.

В декабре 1996 г. учёный был назначен заместителем главного редактора журнала «Китайские исследования», а через шесть лет стал его главным редактором и занимал эту должность до декабря 2015 г.

Научные и исследовательские интересы профессора До Тиен Шама были очень широки. Он изучал проблемы сельского хозяйства, сельских предприятий и крестьян Китая, теоретические и практические вопросы функционирования китайской политической системы. Под его редакцией вышли такие значительные труды, как «Проблема сельского хозяйства, деревни и крестьян в Китае», «Китай и строительство социалистического правового государства», «Китай в первые годы XXI века», «Культура Восточной Азии в процессе интеграции» и многие другие работы. Серьёзно и глубоко изучая великого северного соседа, профессор Шам стремился извлечь из его опыта полезные уроки для своей страны, а также сформулировать такие принципы политики в отношении Китая, которые служили бы интересам строительства и защиты Родины в нестабильной и сложной современной международной ситуации. Профессор До Тиен Шам также тратил много времени и усилий на изучение взглядов Хо Ши Мина на Китай и вьетнамско-китайские отношения. Будучи активным членом Общества вьетнамо-китайской дружбы, профессор выдвинул много полезных предложений и рекомендаций для развития этих отношений, особенно расширения диалога между учёными двух стран.

До Тиен Шам много сделал для продвижения исследований моря и островов, особенно защиты суверенитета Вьетнама над островами. Он заложил основу для создания Центра исследований Южно-Китайского моря. Профессор три раза приезжал на острова Спратли. Документальный труд о Парасельских островах и архипелаге Спратли, завершённый перед серьёзной болезнью учёного, стал его последней исследовательской работой и получил высокую оценку специалистов. А всего профессор До Тиен Шам опубликовал более 30 книг и более 100 статей. Исследования учёного легли в основу многих аналитических материалов для руководителей разных уровней, учебных материалов для образовательных учреждений.

Лекции профессора Шама слушали студенты и аспиранты ведущих вузов и научных учреждений Вьетнама: Университета общественных и гуманитарных наук Ханойского гос-

Рис. 1. Профессор До Тиен Шам принимает участие в круглом столе в ИДВ РАН

университета, Ханойского государственного педагогического университета, Дипломатической академии МИД СРВ, Государственной политической академии Хо Ши Мина, Вьетнамской академии общественных наук, а также ряда университетов Китая и Японии. Под его научным руководством защищено более 30 кандидатских и магистерских диссертаций. Научная и преподавательская работа До Тиен Шама высоко оценена государством: он был награждён орденом Труда второй степени, медалями и почётными знаками.

Принимая участие в сотнях международных семинаров и конференций по исследованиям Китая, китайско-вьетнамским отношениям и проблеме Южно-Китайского моря, профессор До Тиен Шам получил широкую известность и уважение в международных научных кругах (рис. 1).

Плодотворное сотрудничество связывало профессора До Тиен Шама и возглавляемый им Институт китайских исследований с Институтом Дальнего Востока РАН и его ныне покойным директором академиком М.Л. Титаренко. Учёные двух институтов выпустили немало коллективных монографий по самым актуальным темам политики и социально-экономического развития стран Дальнего Востока и ЮВА. В 2009 г. профессор До Тиен Шам стал почётным доктором ИДВ РАН.

Российские учёные, продолжающие сотрудничество с вьетнамскими коллегами-китаистами, всегда будут помнить своего большого друга, выдающегося учёного и патриота Вьетнама профессора До Тиен Шама.

Редакция журнала

IN HONOR OF PROFESSOR DO TIEN SAM

The article is devoted to the memory of the outstanding Vientamese scientist, journalist, honorary Doctor of IFES RAS professor Do Tien Sam.

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕРИЯ 2. 2020, № 1

Выпускающий редактор: *Никулина Е.В.*

Редактор: *Иванова Н.И.*

Компьютерная верстка: *Тарасов С.Ю.*

Работа с сайтом: *Казаков О.И.*

Дата публикации: 27.03.2020 г.

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>